

Видение луны

ОМРАЧЕННЫЙ МИР: КНИГА ПЕРВАЯ

КАТАРИНА ГЛЕН

Бывшая убийца Эмамори Мацукара остается одна против фракции Ичиё. Когда-то опасный Черный Шип, она пытается защищать невинных и нести справедливость против жестоких нападающих Фракции. Но за ее голову назначена награда, и она не может избежать врагов вечно. Когда столкновение с Тенью Смерти из мифа оставляет Эму критически раненой, она оказывается в руках трех мужчин из другого клана, и они знают, кто она.

Лорд-командир Сайтама Рен сталкивается с уменьшением количества союзников и требованиями беспощадного высшего лорда. Ему не хватало еще разыскиваемой преступницы на его земле, особенно спасшей его жизнь. Хуже, его близкий друг Хаганэ быстро принимает Эму в их круг, пока вице-командир Акито не хочет иметь с ней дела. Но, хоть ее верность не ясна, она может быть ключом к предотвращению разрушения его клана.

В альянсах нет уверенности, доверие — редкость, а мир остался в прошлом. Тени растекаются по земле, тайны раскрываются, смерть подступает ближе. Эма и ее неожиданные союзники должны пройти темную ночь бесчестия и предательства, чтобы раскрыть неизбежную судьбу мира.

Ведь тот, кто управляет тенями, управляет миром.

Катарина Глен
Видение луны
Серия: Омраченный мир — 1

Перевод: Kuromiya Ren

Правда не такая, какой ты хочешь ее видеть, и приходится подчиниться ее силе или жить во лжи.

Миямото Мусаши

Сандалии Эмы стучали по земле, поднимая облака пыли. Прижимая два меча к талии, она шагала к лесу за Канаэ-мачи. Ее грудь вздымалась, она тяжело дышала, но не давала себе остановиться. Она не позволит всадникам из Фракции остаться без наказания.

Изорванные конечности.

Обгоревшая плоть.

Сломанные тела в лужах крови и черных пятнах.

Она видела достаточно смерти, но этот уровень жестокости поражал даже ее.

Впереди лежала тьма леса, чернильные тени тянулись дальше их границ. Эма замедлилась, несмотря на пульсирующий гнев внутри. Она прислонилась к покрытому мхом камфорному дереву, грубая кора впиалась в спину. Не стоило врываться в засаду.

Если бы она пришла раньше, жизни можно было спасти.

Если бы она смогла убрать принца Ичиё...

Духи, она была так близко к тому, чтобы покончить со всем этим. Но нападения в Хинаэ продолжались. Клань падали один за другим под мощью Фракции Ичиё. Их поглощали или уничтожали.

И она была просто одиночкой-изгоем против меняющихся ветров.

Эма сжала кулаки, беззвучно ругаясь. Она обещала испуганным выжившим, что накажет виновных. Сожаления о прошлом не помогут ей быстрее найти их.

Она выглянула из-за дерева. Было слишком спокойно и тихо для резни, которую она только что покинула. Поправив мечи, она глубоко вдохнула и оттолкнулась от дерева.

Эма побежала по вытоптанной тропе, ведущей в лес. Несколько пар старых следов виднелись на земле, отчасти скрытые опавшей листвой. Не свежие. Они тут не проходили?

Скрытая прохладной тенью деревьев, она шагала, ощущая знакомое утешение в относительной тьме. Она двигалась от дерева к дереву, замирая каждый раз. Птицы щебетали, квакали лягушки. Но не было видно признаков беспокойства.

Она гладила большим пальцем рукоять катаны. Жители деревни могли ошибиться в панике? Некоторые поклялись, что убийцы были большими черными монстрами, закрывающими солнце. Невозможно. В смятении и жестокости, конечно, дикие истории расходились по Хинаэ.

Она бежала вслепую, у нее не было зацепок и...

Плеск заглушил лягушек, потом донесся плеск тише.

Там что-то было.

Или кто-то.

Эма шла среди кустов, тихая, как огромные деревья вокруг нее, следовала на шум воды. Она потянула за косодэ, ткань прилипла к коже от пота.

Поляна лежала за спутанными зарослями. Свет солнца проникал сквозь ветви, падал на воду внизу, сверкая.

Горячий источник!

Зелень окружала мерцающий онсен. Голубые, белые и сиреневые гортензии росли радостно на солнце. Мягкий плеск воды дразнил ее, обещая покой и отдых.

Она вспомнила теплый смех. Рё... Он сразу прыгнул бы в воду и позвал ее присоединиться к нему в скрытом оазисе. И она наслаждалась бы в те дни, когда важно было

только выполнить миссию и провести каждый миг бодрствования вместе.

Эма стиснула зубы, отогнала те мысли. Рё сделал свой выбор, а она — свой.

Она опустилась на колени рядом с кривыми корнями и закрыла глаза.

Дышала. Слушала. Ждала.

Место было теплым и приятным, но и опасным. Мерзавцы из Фракции могли быть там, следить и ждать. Не время отвлекаться.

Плеск донесся снизу. Она скользнула взглядом по воде, щурясь из-за пара, пока не заметила источник.

Духи всевышние.

Одинокий мужчина прошел в онсен, рябь побежала по воде от его тела, пока он двигался. Откуда он взялся? Эма прижала ладонь ко рту, пока смотрела на широкую мускулистую спину, спустилась к поясу и его...

Ох, пар ее отвлекал.

Она подняла взгляд к его темным волосам, собранным в пучок на макушке. Он повернулся, и она увидела красивое лицо.

Жар прилил к ее щекам, сердце колотилось, пока она смотрела, как он мылся. Ей было двадцать пять, она не была робкой. Но она не могла отвести взгляда от этого примитивного действия посреди леса. В этот миг они были одни во всем мире.

Он скользнул под воду, всплыл, провел ладонью по мокрым волосам, окунулся еще раз. И еще. И еще. Каждый раз ее тело трепетало, когда он всплывал, струи воды стекали по его плечам, рукам и спине, по мышцам под кожей. Это было тело не ленивого человека. Он вздохнул и слабо улыбнулся, словно целебные воды успокаивали его.

Эма прижала руку к большим корням перед собой. Хоть что-то приятное в этом походе. Это было куда лучше погони за всадниками!

Если только он не был один из них, смывал кровь убийств.

Проклятье. Она села у большого дерева, сжимая рукоять катаны, озираясь. Но лес оставался тихим, кроме плеска воды внизу.

Эма снова выглянула. Он брел к краю воды, и она смогла рассмотреть его узкое величавое лицо с темными внимательными глазами, которые приказывали смотреть. Он не был грубым всадником, как те, каких она уже встречала.

Тепло наполнило ее тело, покалывание появилось внутри. Духи, кем он был, и почему ее влекло к нему?

Конечно, она была одна месяцами. Скрывалась от Фракции и охотилась на всадников — времена были тяжелыми. Она могла винить себя в том, что пару мгновений любовалась красивым мужчиной?

Да, могла. Он отвлекал ее. Это было неприемлемо.

Ее пальцы сжали корень дерева. Если он был верен лорду Ноэ, который назначил награду за ее поимку, то ей нельзя было показываться тут.

Холод пробежал по воздуху, проник в ее кости. Она задрожала из-за льда, сжавшегося в ее груди. Свет солнца мигнул и потускнел, словно кто-то закрыл небо пеленой.

Новые тени появились там, где их не было, двигались между деревьев.

Просто игра света — или его отсутствия.

Но... разве она не ощущала подобное раньше?

Плеск. Вода капала на землю леса. Мужчина вышел из источника, одевался и озирался, щурясь. Он уже хмурился, а не выглядел удовлетворенным. И серый шелк его кимоно был без

следов крови.

Эма сжала рукоять катаны. Она убьет его только в крайнем случае. Она не хотела забирать жизни без повода.

И если он не был врагом, то он дал ей шанс видеть приятные сны в обозримом будущем. Она могла хотя бы дать ему дожить до следующего купания.

Земля задрожала под ее ногами. Она опустила ладонь на землю, дрожь поднялась по ее руке от почвы. Даже воздух застыл. Ее пальцы дрожали, но не от холода вокруг нее.

Да. Она уже ощущала такое.

Черная фигура вылетела из-за деревьев напротив поляны и бросилась к мужчине, вышедшему из источника. Он отпрянул, охнув, потянулся к мечу.

Он не успеет дотянуться.

Она прыгнула с утеса, заметила его удивленное лицо. Она покатила по земле, вскочила и столкнулась с...

Что это было такое?!

Эма уставилась на огромное существо, безликое, кроме огромной пасти темнее черной ночи. Казалось, существо высасывало весь свет вокруг себя, притягивало тени ближе, делая лес темнее. Поглощая их. Пожирая их.

«Черные тени поднимаются из земли, чтобы забрать души живых. Слуги смерти, воры душ, вестники вечного покоя. Ши-но-кагэ».

Нет, это не могло быть...

Существо бросилось, взмахнуло длинной темной лапой с когтями, блестящими, как сталь.

Эма уклонилась, но существо несло к мужчине. Он вытащил меч и вынул его из ножен, расставил ноги в оборонительной стойке.

Он не мог справиться один. Наверное, и она не могла. Но если это напало на жителей Канаэ-мачи, ей нужно было остановить это.

Она с ревом побежала за огромной тенью и прыгнула, ударила мечом по ее спине. Меч прошел сквозь тело, словно это был воздух, но отвлек тень. Мужчина использовал шанс и атаковал, клинок прошел сквозь тьму. Их взгляды встретились, и монстр взмахнул длинными руками между ними, отталкивая мужчину в кусты.

Как тень...?

Тень выпрямилась, испустила жуткий вопль и повернулась к ней.

Духи, это не происходило. Ши-но-кагэ были историями! Мифами! Их не существовало. Но как еще она могла объяснить огромное создание перед ней?

Оно несло к ней.

Эма отскочила от атаки, ударила по лапе существа. Она не смогла попасть. Что же это...?

Оно завизжало, размахивая руками, задело ее бок с жутким треском ткани. Эма охнула от холодного огня, задевшего ее живот. Она схватилась за дыру в одежде. Как оно могло ранить ее, когда она даже не могла задеть существо?!

Тень наступала, подняла опасную лапу с когтями. Эма отпрянула, уклонилась от взмаха, попыталась ударить еще раз. Слишком медленно. Что-то врезалось в ее спину и отбросило ее в заросли. Она запнулась о камни, выпрямилась и повернулась к тени.

Каждый вдох был льдом и огнем. Она не сможет биться долго. За ней была стена утеса. Она могла идти только к существу. И что случилось с купавшимся мужчиной? Он вообще

еще был жив?

Свежий холод задел ее кожу. Маленькие тени подступали ближе, задевали ее руки и ноги, как змеи. Нет! Она вырвалась из их хватки. Тысяча лет тренировок не могла подготовить ее к этому безумию.

Эма передала катану в левую руку и вытащила правой вакидзаси. Если она умрет, она сделает это с двумя мечами в руках.

Она бросилась вперед, прыгнула к лицу монстра, взмахнула отчаянно мечами. От этой атаки ее старый наставник скривился бы. Она и ее мечи прошли сквозь холодную тьму тела тени. Нет. Невозможно! Она не могла...

Тень вдруг содрогнулась и взвыла, отпрянула от нее. А потом побежала в лес, быстро уменьшаясь, словно ее всасывало в тени на земле в лесу.

Резко вдохнув, Эма вонзила меч в землю. Пропала. Но почему...? Как...?

Волна агонии сокрушила ее. Дрожа, она стиснула зубы, вдыхая сквозь них, жар и холод сотрясали ее тело. Она схватилась за живот, разорванную ткань и плоть.

И горячая вязкая жидкость.

Ох...

Темно-красная жидкость покрывала ее пальцы, капала на рукоять ее меча и впитывалась в шнурок там.

Нет...

Эма подняла взгляд. Мужчина был еще жив, грязь была на его одежде и лице. Он смотрел на нее большими глазами, грудь вздымалась и опадала, он пытался отдышаться. Это был восторг? Страх?

Или узнавание?

— Можно просто «спасибо», — пробормотала она, с трудом дыша.

Он взглянул на что-то за ней. Холодная сталь прижалась к ее горлу.

Не что-то.

Кто-то.

— Бросай оружие, — сухой голос заставил ее тело застыть.

Он придавил клинок, предупреждая.

Проклятье.

Она бросила мечи на землю. Клинок у ее шеи пропал, ладонь сжала воротник ее косодэ сзади. Эма вскрикнула, он потащил ее и бросил на землю у обсыпавшегося утеса. Она вдохнула, слезы обжигали глаза, рана порвалась сильнее. А потом меч вернулся к ее шее, ладонь прижалась к ее плечу. Маска на лице позволяла видеть только глаза.

Необычные и знакомые голубые глаза.

Холодный пот покатился по ее лицу и шее от узнавания. Страх, любопытство и сотня вопросов заполнили ее разум, пока она смотрела в его ледяные глаза.

Это был он.

Безразличие в его глазах дрогнуло. Наверное, он понял. Связь с ночью, которая закончила ее прошлую жизнь. Ночь привела к месяцам блужданий и побегов.

Той ночью она столкнулась с убийцей Акито Назэ.

И выжила.

Он склонил голову.

— Черный Шип.

Она смотрела в его глаза, выдавила улыбку.

— Скучал?

Он прищурился.

Ах, теперь она была в беде.

Акито Назэ было сложно забыть, хотя редкие выживали, чтобы помнить.

Эма прислонила голову к утесу, от этого посыпались камешки и пыль. Пять месяцев назад он пощадил ее в Айзен-мачи. Солдаты Фракции, устроившие засаду, погибли. И он предупредил ее не пересекаться с ним снова.

Она не искала его. Она не хотела снова его видеть.

Но они встретились.

Эма выдавила улыбку.

— Ужасно знакомо, да?

Ледяной взгляд Назэ помрачнел, он сжал сильнее ее плечо.

Купавшийся мужчина поравнялся с ним, скрестив руки, хмуро глядя на нее темно-кариими глазами. Ее сердце колотилось об ребра, желудок трепетал от мысли о его голом теле в воде...

Она сглотнула, дрожь стала волной тошноты.

— Она — Черный Шип? — он склонил голову к Назэ.

— Не звучи так разочарованно, — прошептала она.

Назэ впился в нее мрачным взглядом.

— Эмамори Мацукара, бывший лейтенант клана Тайшо. Известная еще и как Черный Шип.

Эма фыркнула.

— Спасибо за чудесное представление.

Прутья хрустели, листья шуршали, шаги стучали по земле. Светловолосый солдат выбежал из-за кустов и застыл при виде нее.

Трое против одной. Не победить в текущем состоянии. И что они делали тут, так близко к Канаэ-мачи? Она напряглась. Неужели они...?

— Акито, это необходимо? — солдат упер кулак в бедро с тенью улыбки на губах. — Ты не умеешь обращаться с женщинами!

— Тихо, — прорычал купавшийся мужчина. — Эта женщина — Черный Шип.

— Была, — Эма смотрела на них. — И мне не нравилось это прозвище.

Улыбка новенького стала шире, он подошел, янтарные глаза хитро сияли.

— Милая и опасная, — он прислонился рукой к утесу, смотрел на нее с открытым интересом. — Сколько людей ты убила, милая?

Ох, он серьезно?

Она хмуро посмотрела на него.

— Редкие звали меня милой.

Он кивнул Назэ.

— Она мне уже нравится. Как и тебе, видимо, — добавил он, вызвав недовольный взгляд Назэ. — Акито редко вытаскивает меч, если не собирается убить. Я Хаганэ, кстати...

— Ты закончил? — перебил Назэ.

Купавшийся мужчина игнорировал их.

— Ты натравила ту штуку на нас?

— Да, конечно. Выпустила жуткого монстра из тени и дала ему немного меня потрепать, — она резко выдохнула. — Ты меня видел. Я пыталась его убить!

Он нахмурился, шурясь.

— Тогда кто послал тебя сюда?

— Никто. Я работаю одна, — с тех пор, как ее клан объединился с Фракцией Ичиё. С тех пор, как Рё... она остановила себя. — Я могу задать тот же вопрос. Отдыхаете после убийств в Канаэ-мачи?

Напряжение в воздухе сгустилось. Даже веселье Хаганэ пропало, мужчины испуганно переглянулись.

— Что случилось в Канаэ-мачи? — голос мужчины был низким, он грозно приближался, гнев кипел в его глазах.

— Вы не знаете? — Назэ, как она, был врагом Фракции, особенно — лорда Ноэ. Если только это не изменилось. Судя по их общей реакции, вряд ли они были верны Фракции.

— Они никогда не останавливаются! — выругался купавшийся мужчина. — Акито...

— Да, командир. Я с этим справлюсь. А она?

Они не поддерживали Фракцию, но не были ей союзниками.

— Раз ты меня хорошо помнишь, — сказала Эма, — ты должен помнить, что я тебя не убила. Помогла сбежать? — она выдавила улыбку, хоть боль пронзала рану.

— Это не важно.

— О, это очень важно, ведь я только что спасла твоего командира. Ты уже не одиночка?

Лицо Назэ не изменилось.

— Тц. Мне это не нравится, — буркнул мужчина, поправив кимоно. — Что ты тут делаешь?

Она ухмыльнулась.

— Я думала поплавать в онсене, но кто-то меня опередил.

Его глаза расширились. О, да, он знал. Не стоило его провоцировать, но его взгляд был приятным.

Щеки вспыхнули, он скрестил руки на груди и кашлянул.

— Несмотря на твой подвиг, ты в розыске, — он приблизился. — И за твою голову серьезная цена, да?

Рана пульсировала. Свежая боль пронзила ее раскаленным клинком. Эма прикусила губу, смаргивая слезы.

Хватка Назэ опустилась с ее плеча на руку, он удерживал ее возле стены утеса. Она дрожала от холода в теле, ощущение было холоднее стали у ее шеи. Голубые глаза все еще смотрели на нее, ничего не выдавая.

Духи, она сможет стоять, если он отпустит?

— Ой, ты в порядке? — Хаганэ попятился, приподняв брови.

Она кивнула.

— Назэ, ты знаешь, почему Ноэ назначил награду за мою голову. И если я правильно помню, ты тоже его не любишь.

Мужчина в сером кимоно фыркнул.

— Тут таких трое.

— Командир, — прошипел Назэ, строго посмотрев на него.

Эма взглянула на них по очереди, все расплывалось. Назэ был раньше связан с кланом Рен, хотя ее бывшие командующие почти ничего не сказали об этом. Что-то о командире клана, одурманенном мстью?

— Какая разница, знает ли она? — рявкнул командир. — Ноэ уже знает. И награда —

это их бред. Ты можешь все еще работать на Фракцию.

— Ни за что, — сознательно она не работала на Фракцию. Она скривилась от напоминания.

— Говори, что хочешь. У меня нет повода доверять твоим словам.

— Она — опасность, — перебил Назэ, — и обуза.

— Согласен, — он посмотрел на нее, глаза были темными. — Но так для нас опасности меньше, да? Если не предлагаете другой курс действий.

О, это звучало плохо.

— Эй, вы знаете, что она ранена, да? — Хаганэ указал на темную изорванную ткань ее косодэ. — Твоя работа? — спросил он у Назэ.

Командир посмотрел на нее с вопросом, но промолчал. Вряд ли ему было до этого дела. С чего ему переживать?

— Эй, мы на одной стороне. Назэ, ты был там. Ты знаешь серьезность моего выбора...

— Я ничего не знаю о твоих намерениях. Твой выбор ничего не значит.

Эма резко вдохнула, слова были пощечиной по ее лицу. Его холодный тон не сочувствовал тому, что она пережила за эти пять месяцев. Он проник в ее жизнь и открыл правду о ее клане. И теперь...

— Эта пауза в нашем пути была ошибкой. Мы не можем тут задерживаться.

— Это все еще наши земли, Акито. Я не буду дрожать от их угроз. И я могу искупаться в нашем онсене, если хочу!

Она посмотрела на Назэ. Он хмурился, уже не был безразличен. Он подавлял раздражение — нет, нечто большее, что она не могла расшифровать. Она ощущала это по напряжению в его теле, пока он удерживал ее, крепко сжимал ее жизнь в своих руках.

Командир провел ладонью по своему подбородку.

— Свяжите ее. Мы возьмем ее с нами. Попытаешься сбежать, и Акито сможет расправиться с тобой, как захочет. Понятно?

Эма подавляла волны головокружения.

— Будто у меня есть выбор, — против трех вооруженных мужчин было глупо что-то предпринимать в ее состоянии.

Назэ медленно убрал клинок от ее шеи. Холодные глаза заглядывали в ее, она видела их в ужасных снах с тенями, они вели ее к безопасности.

Он все еще их видел?

Его глаза расширились. Он вдруг отпустил ее руку, словно она обжигала. Без его поддержки ее ноги подкосились. Эма пошатнулась, схватилась за ближайшее нечто.

Не нечто.

Сильные ладони обвили ее руку. Нежные. Теплые.

Эма оттолкнула Хаганэ и отпрянула, схватилась за горящий живот и попыталась выровнять дыхание.

Она была в ужасном состоянии.

— Эй, я просто пытался помочь.

— Ты можешь помочь, — она хмуро посмотрела на командира, тяжело дыша, — отпустив меня.

Он нахмурился.

— Такого не будет.

— А я-то рисковала за тебя жизнью.

— Никто тебя не просил...

— Саитама, — вмешался Хаганэ. — Ей нужна помощь, — он кивнул ей и обратился к командиру. — Если она тебе помогла, мы в долгу перед ней. И я не против женского общества хоть на время.

Эма отпрянула, остановилась из-за взгляда Назэ.

— Не думай даже...

— Она тут не для развлечения, — Назэ убрал вакидзаси в ножны.

Глаза Хаганэ расширились, улыбка пропала.

— Эй, я не хотел...

— Хватит, — сказал Саитама. — Свяжи ее, Акито. Мы уходим.

Назэ снял шарф с лица, и его необычно гладкое лицо стало открытым. Оно было таким же, как она помнила по встрече в храме. Узкий нос над поджатыми губами, скрывающими его мысли.

Он хоть иногда радовался?

— Твои ладони.

— Слушай, я...

— Сейчас.

Эма нахмурилась, но протянула руку. Они решили не убивать ее, это уже что-то значило. Но она не хотела быть в ловушке. Тот командир Саитама мог еще использовать шанс и отдать ее за награду.

Он сжал ее запястье одной рукой, перекинул шарф на другую руку. Его пальцы задели ее кожу, прикосновение было удивительно нежным, хоть в нем кипела злоба. Она вдохнула, глядя на его глаза, пока он работал, вспоминая, как он убрал ее маску в храме. Пот стекал по ее ще, ее сердце билось в непривычном ритме.

— Назэ, — она сглотнула, чтобы убрать дрожь. — Отпусти меня, и ты больше меня не увидишь. Я могу умереть к утру. Видишь? И проблема решена.

Он затянул ткань, завязал узел и заправил концы. Она могла бы вырваться, но обжигающая боль пронзала ее бок при каждом движении.

Он взглянул на нее с предупреждением, словно ощутил ее мысли. Ему не нужно было говорить.

Если она попробует сбежать, ей конец.

Хватка Назэ на ее руке, к счастью, не ослабевала. Когда она спотыкалась, он удерживал ее на ногах. Ей приходилось полагаться на его помощь. Она была без сил, ее тело будто потрепалось по швам, впитывало тени, окружающие деревья. Может, она затеряется в лесу.

Эма покачала головой. Нужно было прогонять странные мысли. Она еще не умерла. Хотя Хаганэ поглядывал на нее, хмурясь, словно она была близка к этому.

Может, уже было поздно ей помогать.

— Эй! — Хаганэ остановился. — Она не дойдет сама до Аомори-то. Ты хочешь ее смерти, Акито?

Пальцы Назэ дрогнули, но он не ответил.

— Я... смогу, — ее живот разрывался, но она не остановилась, не давала себе поддаться холоду, поднимающемуся по ее ногам.

Но Хаганэ уже был рядом. Ладонь задела ее связанные запястья, рука обвила ее спину. Она напряглась, его прикосновение послало дрожь по ее телу. Командир стоял в стороне, смотрел, нетерпеливо хмурясь.

— Я тебя понесу, — сказал Хаганэ, хоть Назэ и сверлил его мрачным взглядом.

— Это... не нужно. Не принимай... мою рану... за слабость.

— О, я и не принимал. Ты даже милее с раной.

Ей нужно было держать себя в руках, оставаться независимой. Если она отпустит... было все сложнее дышать.

— Не переживай из-за них. Мы о тебе позаботимся, хорошо?

Эма напряглась, когда он сжал ее крепче.

— А... ты? — она моргнула, голова кружилась. Ее пальцы рук и ног онемели.

— Я безобиден, — шепнул он ей на ухо. — Тот, кто помогает другу, мой друг. Я тебя не обижу.

У нее был выбор? Смерть шла к ней, и выжить можно было только с мужчинами перед ней. Одна она погибнет.

Может, ей стоило погибнуть после всех жизней, которые она забрала во имя клана.

Она посмотрела в его янтарные глаза и смогла кивнуть.

Он не успел ее подхватить, холод сдавил ее грудь, пронзая. Эма согнулась, быстро и слабо дыша, все расплывалось.

Что это было?

Сильные руки держали ее. Ее голову сжимала боль. Она прикусила губу, закрыла глаза. Высокий вой звенел в ее ушах.

«Держи себя в руках».

Давление росло между ушей, мешая видеть. Ее ноги не хотели стоять. Она резко вдохнула.

Кто-то говорил рядом с ней. Она подняла размытый взгляд, но не могла ничего разобрать. Тьма подступала со всех сторон.

Холодно.

Ей было так холодно.

Ее колени стукнулись об землю, последнее напоминание, что она была еще жива.

А потом все пропало, было поглощено тьмой.

Лорд-командир Саитама Рен потягивал чуть теплый травяной чай, знакомая горечь вызвала воспоминания о лучших временах. Сенмей всегда заваривал ему такой чай после трудного дня. Ночной ритуал, когда его брат приносил чай и ужин в его покои. Тогда часто было тяжело терпеть бездушное буйство его людей за ужином.

Он допил чай, пока тот не остыл. Он хотя бы смог обработать письма, пришедшие за день. Саитама посмотрел на лакированную шкатулку на столе. Почти все письма были от бывших союзников, они сообщали ему о желании порвать альянс, желали ему удачи и благодарили за годы процветания. И этим вежливо объявляли войну.

Даже его недавний визит в клан Умевари кончился тем же. Умевари вежливо выслушали его предложения поддержать императора в тяжелое время, а потом отказались от отношений между их кланами. Они все-таки сдались Фракции Ичиё.

Ситуацию усугубляли его оставшиеся без ответа запросы в столицу. Молчание двора императора было плохим знаком для будущего Хинаэ. Император сдался сыну-тирану? Даже расследования Акито не принесли толком ответов, и это задевало его вице-командира.

Теперь они были изолированы от союзников, без поддержки императора. И союз Тайшо с Фракцией был последней каплей. Принц Ичиё практически победил.

Саитама шлепнул ладонью по татами. Труссы, все они. Даже их император подвел их.

Хуже были письма Ноэ, полные обычных требований и условий их возможного союза, одетых в ложные банальности. Словно он не помогал клану Варуама убить его родителей. Словно он оказал им услугу, дав Рену традиционный год на горе.

Высший лорд Казуо Ноэ был наглцом, если верил, что Саитама сдастся. Он столько у него украл. Даже женщину, которую он когда-то любил.

Он отомстит за несправедливые смерти отца и матери, даже если его брат был против. Рен не падут тихо. Они были маленьким кланом, но им хватало духа и чести. Они не опозорят память родителей, сдавшись.

Шоджи сдвинулась, отвлекая его от мыслей. Сенмей сидел на коленях в проеме, кивнул, а потом вошел.

Саитама хмуро посмотрел на старшего брата.

— Ты мог бы и постучать.

— Стучал. Дважды.

— Да? Я бы услышал.

Сенмей улыбнулся, портя сильнее настроение Саитамы.

— Конечно. Стоило постучать громче.

— Так и сделай в следующий раз.

Его брат посмотрел на недоеденный ужин перед ним.

— Не надо, — Саитама не дал ему заговорить. — Нам нужно обсудить не мой аппетит.

— Хорошо.

Сенмей сел на колени с прямой спиной, как всегда был эталоном этикета и баланса. Он был похож на отца, но не во всем. Саитама все еще был раздражен, остался в свободной позе, закинув руку на колено. Его брату хватило ума не комментировать это.

— Хочешь начать с нашего гостя? — спросил он.

Он хмуро отвел взгляд от Сенмея. Лейтенант Эмамори Мацукара, Черный Шип

Женщина, которая появилась внезапно и не дала жуткой тени порвать его на кусочки, хоть и пострадал при этом.

Тысяча вопросов бушевала в его голове. Она вовремя вмешалась, и его потрясло то, что он столкнулся с ши-но-кагэ, тенью из легенды. Несмотря на уже приходившие отчеты и расследования Сенмей, он все еще не мог это принять.

— Ты уже сообщил, что она выжила. Что еще говорить?

Сенмей поджал губы.

— Она приняла серьезную рану за тебя.

— Тц, — он не был виноват, что она пострадала. Она ворвалась на его территорию, добавив проблем к постоянно растущему списку. — Та женщина чего-то хочет. Я не верю, что наша встреча была случайной, — и она подглядывала, пока он купался, чтобы очистить голову. Какая женщина так делала?

— Тама, — он вздохнул. — Она умерла бы без моего вмешательства. Ты должен уважать ее сильнее.

— Уважать? Она — убийца.

— Не отличается от твоего вице-командира.

— Акито доказал свою верность много раз.

— Как скажешь.

Саитама застонал, прижав два пальца ко лбу. Сенмей и Акито никогда не ладили.

— Наш вице-командир сейчас не проблема. Она — неизвестное создание, и с ней нужно разобраться.

— Хорошо, — Сенмей сцепил ладони на коленях. — И что с ней делать? Ее выживание для нас очень важно.

— В смысле?

— Она может быть сильным союзником, если она в самом деле покинула клан Тайшо.

— Если так, мы укрываем разыскиваемую преступницу. Хотя я не собираюсь давать Фракции то, что они хотят, — но оберегать ее было опасно. Это уберет временное перемирие с Фракцией, сотрет оставшееся время для подготовки. Но Саитама не был так холоден, чтобы отдать ее ради «милосердия» Ноэ. И Сенмей знал, что она могла быть полезна.

Но имел ли он право на эту пользу? Черный Шип не подчинялась им, и он не хотел, чтобы она их слушалась.

Его брат склонился ближе.

— Может, мои недавние открытия позволят посмотреть на это с новой стороны.

— Продолжай.

Сенмей склонил голову без паузы.

— Помнишь жертв в Хайгаве? Черное вещество, которое я обнаружил на их телах?

— Да. Ты думал, что это был яд, — Сенмей верил и в то, что это было доказательство существования тени, Саитама тут же отказался от этой теории. Видимо, он поспешил.

— Верно. Но ничто в моем изучении ши-но-кагэ не указывало на такое вещество. Это как теневая метка, оставленная на умерших, когда их забрала Смерть.

Холод пробежал по спине Саитама. Истории о ши-но-кагэ были, сколько люди ходили по земле. Хранители мертвых, тени сопровождали умерших в загробный мир к вечности. Другие верили, что они поглощали души несчастных, и оставалось только тело.

Но они были настоящими. Он не мог забыть тьму, нависшую над ним, закрывшую свет,

растущую все больше...

— Поразительные существа, — глаза Сенмея расширились в сдержанном восторге, как было часто, когда он говорил о своих исследованиях. — Тела из чистой тени, как повезло, что ты увидел такое!

— Повезло? Оно чуть не убило нас!

— Да. Прости, — он склонил голову и продолжил. — Судя по ранам прошлых жертв и лейтенанта, они как-то становятся телесными, чтобы принести смерть. Хотя, по твоим словам, никто из вас не мог попасть по существу. Тьма, которую не могут тронуть смертные... — Сенмей согнул палец у подбородка. — И мы в тупике. Они — смерть, по сути. Как убить то, что уже мертво?

Будто им было мало тревог без бушующих теней, нападающих на их людей.

— Четыре наших деревни пострадали от этих теней, если ты прав. Сколько еще стало жертвами вне нашей территории? И как их остановить?

Сенмей поднял руку.

— Больше уверенности, дорогой брат. Дело лейтенанта Мацукары отличается от других жертв. Я не только обнаружил то же вещество, но и, — он поднял палец, — черную жидкость, кружащуюся, так сказать, в самой ране. Я вытащил, что мог, хотя часть уже могла смешаться с ее кровью.

Он поежился, представив это.

— Она еще может умереть, — после ее яростного боя в попытке остаться в сознании и выживания под опекой Сенмея она еще могла погибнуть.

Он не собирался переживать за нее. Врага. Угрозу. Что бы ни случилось, это будут решать духи, точнее, тени.

Эта мысль его не успокоила.

— Уверяю, я старался убрать яд из ее тела.

Он скривился.

— Не сомневаюсь, — зачем она рисковала собой ради него? Так не вел себя убийца с холодным сердцем. Она была бесстрашной? Или глупой? Она точно была пылкой, быстрой, и даже рана не могла ее остановить...

— Ты понимаешь, что это означает? Она пережила прикосновение тени. Она сбежала от Смерти! — Сенмей сделал паузу, выдохнул. — Эта женщина, — продолжил он медленнее, — единственный шанс понять правду о ши-но-кагэ.

— Ты много сил тратишь на то, что мы не можем изменить. Я не понимаю, как ее выживание поможет остановить эти тени, — он знал Сенмея слишком хорошо, он бросался с головой в изучение. Хоть его энтузиазм не вязался с мрачностью ситуации.

— Ах, Тама, верь в своего старшего брата. Я долго изучал тени, еще до того, как они вдруг появились. Это за пределами науки. Я займусь ее восстановлением. Она станет важной точкой моего исследования.

— Она — не объект для изучения, Сенмей.

— А я думал, тебе плевать на ее состояние.

— Тц, — Саитама скрестил руки на груди. — Она выжила. Этого мало? — он не хотел, чтобы кто-нибудь страдал. Но ее присутствие было сложностью, которая ему сейчас не нужна была.

Его брат рассмеялся, качая головой.

— Невыносимый, как всегда.

— Мы в этом одинаковы, — брезгливый, старательный и, да, порой невыносимый Сенмей. Но он был ближе всех для него.

Сенмей поджал губы и склонил голову.

— Я не могу с этим спорить, — он встал. — Ты больше не будешь есть?

— Забирай.

Сенмей вздохнул и забрал поднос с тарелками.

— Я сообщу, когда она проснется. И будь осторожен. Не спеши рушить доверие. Обычно тебе плохо даются тонкости.

— Я сказал, что выслушаю ее, да?

— Конечно, — Сенмей поклонился и прошел к двери. — Спокойной ночи, Тама.

Саитама остался один, прошел в сад по каменной дорожке. Он опустился на деревянную скамью и вздохнул, отклонив голову к ночному небу. В темноте, не тронутой светом огня, он видел спокойную луну, она прогоняла ее тревожные мысли.

Но они все равно вели к ней, убийце, которая подглядывала за купающимся мужчиной, а потом билась с мифическим существом. Все это было будто сном.

Но он видел ту рану, ее лицо было бледнее света луны. Ее ярость угасала, тело обмякло в его руках, пока он нес ее в Аомори-то. Каждый шаг был быстрее предыдущего, он не знал, что делал, и почему его сердце сжималось от того, что ее тепло угасало...

Он со стоном потер лоб. Хватит этого. Он не даст себе думать об этом, о такой, как она. Он сделал то, что требовалось, что было правильным. Он пока не знал, пожалеет ли о таком решении.

Черный Шип еще докажет, была она союзником или врагом.

И он не мог допустить еще больше врагов.

* * *

Жареный рис. Дым костра.

Знакомые приятные запахи.

Эма снова была ребенком на руках матери, пока та готовила ужин ей и ее отцу. На короткое время в ее юной жизни это был запах безопасности и невинности... и это давно у нее забрали.

Она открыла глаза, увидела над собой темный потолок с балками. Не свою старую комнату. Нет. Но...

Обрывки воспоминаний проникли в ее разум. Купающийся командир и его пронизывающий взгляд. Холодный меч Назэ у ее шеи.

Тень, порвавшая ее бок.

Эма резко села и закричала от боли. Медленно и глубоко дыша, она попыталась успокоить сердце, пока в ушах звенела тишина. Она осторожно ощупала живот.

Бинты под чужой юката.

Кто-то спас ей жизнь. Лорд Ноэ хотел ее живой, и награда в десять тысяч ихори могла многих соблазнить.

Она сжала одеяло на коленях. Назэ позволил бы им выдать ее? Он не был рад ее видеть.

Фонари стояли в двух углах комнаты без мебели, их огоньки бросали мягкий мерцающий свет. Тени плясали на стенах, извивались в беззвучном ритме. Напротив нее висел гобелен с цветущей вишней.

Слишком красиво для комнаты пленницы. Но Ноэ был полон сюрпризов.

Духи, ей нужно было выбраться отсюда.

Она повернулась на бок и попыталась встать. Боль не дала ей, вспыхнув, и затекшее тело не помогало. Чем больше она двигалась, тем сильнее была боль. Она стиснула зубы, попыталась еще раз, а потом плюхнулась на futon.

Так она никуда не уйдет.

— Ах, ты проснулась.

На пороге стояла старушка с доброй улыбкой. Она села на колени и склонила голову, потом прошла внутрь. Кто-то стоял в коридоре с мечом на поясе и в коричневом хаори. Не в синем, как Фракция Ичиё.

— Кто ты? — рявкнула Эма, а потом скривилась от своей грубости.

— Прошу, не переживай. Я — Арина. Ты с кланом Рен в Аомори-то, — она склонила голову, держась на вежливом расстоянии, опустилась рядом с ней и опустила мешочек на пол. — Я заботилась о тебе три дня. Духи, я уже думала... — она помахала рукой перед своим лицом, не дав себе продолжить. — Прости. Как ты себя чувствуешь?

Она была без сознания три дня? Конечно, она ощущала себя так, словно ее забрал Бог Смерти.

Кашлянув, Эма посмотрела настороженно на женщину.

— Жива, это уже начало, — она скривилась от вспышки боли. Не с Ноэ, это уже что-то. Хотя присутствие стража показывало, что она была скорее пленницей, чем гостем.

— Тебя любят духи. Та рана... Тама не зря принес тебя сюда.

Тама, видимо, Сайтама. Назэ звал его «командиром». И был еще один... Хаганэ, да? Самый добрый из трех, пытался заигрывать, а потом пообещал, что они позаботятся о ней. Она коснулась бинтов.

Они позаботились.

Эма опустила голову.

— Большое спасибо за заботу.

— Ах, — Арина улыбнулась. — Нужно благодарить Сенмея. Я нынче занимаюсь только маленькими ранами и заботой после обработки раны. Через месяц-два ты будешь как новенькая, — она снова улыбнулась, в уголках ее глаз появились морщинки, и это обезоруживало и очаровывало.

— Месяц? — нет, нет, нет. Она не могла провести тут столько времени, бесполезная, пока Фракция продолжала громить Хинаэ. Ей нужно было одолеть Ичиё.

Эма сглотнула, посмотрела в добрые встревоженные глаза старушки.

— Простите, я... я не могу так навязываться.

— Никаких проблем, — она склонила голову на миг. — Мой племянник — ах, Сайтама — настаивал, что ты останешься с нами, сколько нужно.

Он не хотел от нее избавиться? Он ясно выразил презрение у онсена.

— Если ты не против, — продолжила она, — я бы хотела перевязать твою рану. Я могу это сделать?

Эма кивнула.

— Да. Спасибо, — она не ощущала плохих намерений у старушки. И раз Сайтама был ее племянником, не стоило с ней враждовать.

Арина уверенными руками поменяла бинты. Без колебаний. Она будто знала Эму годами, и это был очередной день.

Она сжала кулаки. Зачем Сайтама так утруждался...?

— Прости, — Арина посмотрела ей в глаза. — Я сделала тебе больно?

Эма покачала головой, расслабила ладони. Арина старательно перевязала длинными полосками ткани ее живот, закрепила бинты. Закончив, она убрала в мешочек грязные бинты, коснулась теплой узловатой ладонью плеча Эмы.

— Ты голодна?

Ее желудок заурчал в ответ. Они рассмеялись.

— Вот и ответ.

— Я скоро принесу что-нибудь. Если понадобится помощь до этого, снаружи всегда кто-то есть, — она кивнула и покинула комнату, задвинула шоджи.

Духи, что теперь? Она все время справлялась сама, держалась теней, ускользала от Фракции. Было сложно, но она была свободна. Потребовалась тень из мифа, чтобы одолеть ее и обеспечить ее плен.

Дрожа, она прижала липкую ладонь ко лбу. Ши-но-кагэ. Они были настоящими. Эта рана, эта боль была доказательством их существования. У нее было очень много вопросов.

Но сначала нужно было встать. Потом разбираться с остальным.

Эма стиснула зубы, поднялась ужасно медленно на колени. Каждое движение вызывало боль и огонь в каждом дюйме ее тела, в нее вонзались холодные иглы. Она зажмурилась, оттолкнулась, натренированные мышцы ответили на зов, хоть остальная она кричала, сопротивляясь.

Каким-то чудом она оказалась на ногах.

Комната раскачивалась. Эма пошатнулась, встала на носочки и схватилась за бок.

Вдох.

Один шаг. Ей нужно было подвинуть ногу. Еще шаг. И еще. Она хромала на непослушных ногах, с каждым шагом ощущая тело все сильнее. Бок пылал огнем и льдом, но остальное тело...

Эма добралась до двери напротив той, куда прошла Арина. Она опустила пальцы на щель, подвинула дверь и застыла от вида широкой спины в коричневой хаори.

Проклятье. Стражи были у обеих дверей. Она закрыла ее и продолжила медленно шагать.

Эма вздохнула, опустилась на футон. Она прижала ладонь к колотящемуся сердцу, дышала сквозь боль в теле. Она могла уйти от нескольких стражей. Она делала это уже тысячу раз.

Но не так.

Она закрыла глаза, искала спокойствие внутри, чтобы сосредоточиться — она научилась этой технике у монахов на горе Цу-рен.

«Знай свои пределы».

Ах, Мицуги — ее наставник во время ее пребывания в горах. Он сказал бы ей оценить ситуацию, а потом действовать.

Так она и поступит.

Арина вернулась с ужином, как обещала. Напевая под нос, она наполнила керамическую миску щедрой порцией риса, налила сверху горячий чай. Простая еда пахла чудесно для пустого желудка Эмы. После двух порций она была согретой и сытой, почти радостной впервые за долгое время.

Она поблагодарила Арину, старушка стала собирать пустые тарелки.

— Ах, не нужно меня благодарить. Тама попросил, чтобы я обеспечила тебе уют при выздоровлении. Мальчишка, — она улыбнулась, качая головой, — он все еще порой меня

удивляет. Взять одну из клана Тайшо. О, не обижайся, милая девочка. Ты не в ответе за решения твоих лидеров. Хотя, может, потому он и дает тебе шанс.

Эма сглотнула ком в горле.

— О чем вы?

— О, — она помахала ладонью и встала с подносом. — Не слушай мое ворчание. Я просто рада, что он не закрылся полностью от мира. Он бывает упрямый, но...

— Арина.

Эма вздрогнула от нового голоса.

Саитама, командир, стоял на пороге, скрестив руки на груди.

Темные волосы ниспадали на плечи Саитама, распущенные, обрамляли его строгое лицо, острые благородные черты, которые Эма разглядела в онсене. Ее сердце забилося быстрее от приятного воспоминания, пока все не пошло наперекосяк.

И он не был рад видеть ее сейчас.

— Думаю, ты заняла достаточно времени нашей гостии.

— Возможно, — сказала Арина. — Хотя ты настоял, чтобы мы...

— Я знаю, что я сказал, — его лицо смягчилось. — Спасибо за помощь. Но я хочу поговорить с ней наедине, если позволишь.

— Конечно, — она добавила для Эмы. — Отдыхай, милая девочка. И не переживай. Он лает хуже, чем кусает.

Саитама прижал два пальца к виску.

— Вот спасибо. Но ей не о чем переживать, — он посмотрел на нее темно-кариими глазами, они снова были мрачными. — Пока что.

Старушка цокнула языком, похлопала его по плечу, ушла в коридор. Он прошел внутрь и опустился на колени у двери.

— Командир, — сказала она. — Эта доброта временная?

— Все зависит от тебя, лейтенант.

Эма пожалала плечами, стараясь скрывать эмоции.

— Справедливо. Что я могу сделать?

— Я хочу правду. Я хочу знать, почему ты на моей территории, шпионишь за мной...

— Я не шпионила за тобой.

Он приподнял брови.

— Не намеренно, — она кашлянула, заерзала под его пронизывающим взглядом. Трепет в ее груди вернулся, но она не могла отвести взгляда. Ей было нечего скрывать. — Ты знаешь о награде Ноэ. Мне пришлось скрыться. Я пару раз наткнулась на рейды и услышала, что Фракция движется на запад. Потому я пошла туда, чтобы помогать деревням, на которые нападают, а порой и защищать их от атак. Канаэ-мачи пострадала хуже всех, и я не успела это предотвратить. Жители деревни заявили, что напавшие убежали в лес, и я пошла за ними, — она невольно видела перед глазами черные растерзанные тела. Она сжала кулаки на коленях. — Я думала, что гналась за людьми, а не за тeneвым монстром, решившим убить нас.

— Ты все это время сама билась с Фракцией?

— Я покинула Тайшо, вариантов не было. Мне нужно было что-то делать.

Он смотрел на нее, щурясь.

— И откуда ты знаешь, что я не верен Фракции? Если бы я был одним из прихвостней Ноэ, ты была бы теперь в моих руках. Или хуже.

— Я отреагировала на угрозу. Тебе нужна была помощь. Важно было только это.

— Беспечное поведение для известной убийцы.

— Прости, что разочаровала, — это был риск, но инстинкты заставили ее действовать. Ей не нужно было объяснять это ему.

Его губы сжались сильнее.

— Скажи, что случилось с твоим кланом.

Она выпрямилась, подавляя гримасу.

— Когда я узнала, что командир Тайшо тайно работает с Фракцией, мой долг перед ними пропал. Я выполняла приказы из-за обмана, не знала, что помогала Фракции, — ему не нужно было знать о туче вокруг ее сердца от мысли о жизнях, которые она забрала, не зная, какие из них были оборваны по заслугам. Ему было плевать, что ее клан продал ее, использовал ее и врал ей. Ему было плевать на нее. — Я могла или служить Ноэ — Фракции — или уйти. Я выбрала уйти, и я повторила бы это решение.

Но бороться с Фракцией было сложнее, чем она думала. Ее вели гнев и боль от предательств, она пошла к той горе и стала взбираться, как и советовал делать Мицуги. Но он не знал, не мог знать, как сильно все развалилось. Какой невозможной была гора.

Одна она была как муравей на той горе.

— Побег не оправдывает твои прошлые прегрешения.

— Я не отрицаю свои поступки, как и не ищу одобрения или прощения. Я действовала по приказу и своей вере, что я благородно служила своему клану.

Командир скрестил руки на груди, долго разглядывал ее. Были времена, как эти, когда чувство долга возвращалось, кололо ее сомнениями, но она быстро его подавляла.

— Обман — орудие слабых. Я бы сделал так же.

— Да? Тебе легко говорить, но ты смог бы отвернуться от всех жизни ради своих убеждений? — или от человека, который был дороже всего? Даже Рё не хватило сил принять правду и уйти.

— Да, мог бы.

Он сказал это с таким надрывом, что она не сомневалась в этом.

— Как жаль, что командир Тайшо решил поддержать Ичиё, — продолжил он. — Они могли бороться с ним. Но он поддался страху, поступил как трус. Как и остальные.

Он был прав. Тайшо могли помешать Фракции. Эма надеялась раньше на это.

— А ты?

Он опасно прищурился.

— Я — не трус.

— Нет, — она помахала рукой. — Почему ты сопротивлялся, зная, что произойдет? — клан Рен был меньше Тайшо, и осталось мало кланов, которые еще не разгромили.

Его взгляд смягчился, но он сильнее нахмурился.

— Кто-то должен.

Ее сердце забилось сильнее, в груди снова трепетало от его тяжелого взгляда. Как командир клана, он должен был думать о его безопасности и выживании. Но тут было нечто большее, то же упрямство, какое было в ней, не давало ей сдаться, хоть все становилось хуже.

— Итак, — Эма кашлянула, — мы дураки, раз думаем, что можем что-то изменить?

Он слабо улыбнулся.

— Только если мы не сможем попробовать.

Надежда перед лицом тщетности.

Действовать, когда другие боятся.

Даже если это означало смерть.

Может... она не была одна.

Он напрягся, помрачнел и отвел взгляд, миг прошел.

— Я пойду, — он встал и замер на пороге. — Ты должна отдохнуть, как и просила моя

тетя. Думаю, она расстроится, если ты умрешь под ее опекой.

— Хороший совет. Я буду тут.

Он фыркнул, хотя явно подавил улыбку. Она могла оказаться в ситуации хуже этой. Он был строгим, но... все-таки добрым. И они были на одной стороне.

— Я понимаю, что ты тут сделал, — она указала на свою рану. — Спасибо за это.

— Это было необходимо. Вот и все, — он опустил ладонь на дверь. — Мы квиты в этом.

— Справедливо, — и он явно хотел, чтобы она ушла. Если он решительно боролся, ему не нужна была помеха в виде нее. И, даже если она хотела помочь, от нее пока не было толку. — Если ты не против моего пребывания тут еще ночь, я могу уйти утром.

— Это невозможно.

Ее ногти впились в ладони. Она что-то упустила?

— При всем уважении, мне не нравится, когда меня держат против воли.

Он прищурился.

— Ты веришь, что ты в состоянии продолжать путь?

— Я готова рискнуть.

— Тогда ты явно хочешь встречи с Ноэ. Я могу тогда доставить тебя к нему сам.

Она моргнула, жар вспыхнул на щеках.

— Ничего не поделать. Награда заманчивая, да?

От его взгляда ее шею покалывало.

— Ты — убийца с неизвестной верностью. Для меня важнее всего безопасность моего клана. Это должно быть тебе понятно. И пока я не проверю твою историю и обстоятельства твоего присутствия тут, ты останешься под стражей.

— А всех пленников обеспечивают лечением и горячей едой? Или я — особый случай?

— Не дави на меня, Мацукара. Радуйся, что я дал тебе лечение и защиту. Вряд ли другие кланы так сделали бы.

И чем дольше она оставалась, тем больше эта забота будет приближаться к долгу.

— Я выразила благодарность. Ты сказал, что мы — квиты. Если я не могу уйти...

— Все не так просто.

— Разве? Сделай пару шагов влево, и я смогу уйти отсюда.

Он приподнял бровь.

— Сможешь?

— Конечно.

— Покажи, — Саитама шагнул в сторону, открыв проход.

Проклятье. Он знал.

Но если это был шанс уйти без помех...

Она вскочила на ноги. Боль сотрясла ее тело, затмила разум. Эма согнулась, схватилась за живот и выпалила ругательства. Мурашки пробежали по рукам и ногам. Дыша сквозь зубы, она сделала шаг, другой, а потом застыла и ждала, когда обжигающая агония пропадет.

Она вскинула голову, ожидая увидеть нахальное лицо. Но он так не выглядел. Даже не близко.

Он хмурился, в глазах был почти ужас. Не тревога. Наверное, его утешало то, в каком состоянии была известная убийца.

— Доволен?

Он сжал кулаки, костяшки побелели, почти скрытые рукавами.

— Если так хочешь умереть, иди. У меня есть проблемы важнее, чем твое

пренебрежение своим здоровьем.

Он резко развернулся и захлопнул дверь, его шаги застучали по половицам.

Эма фыркнула. Они не смогли договориться. Она уважала его борьбу с Фракцией, но ее судьба зависела от мужчины, глядящего в неясное будущее. Она не хотела, чтобы ее использовали как товар для переговоров.

И оставалась проблема с Назэ.

«Акито сможет разобраться с тобой».

Она поежилась. Еще одна встреча с убийцей в ночи будет ее последней.

Лучше было не искушать смерть так скоро.

* * *

Она не собиралась сдаваться. Но она была ограничена.

Она почти час бродила по комнате, пыталась успокоиться, понять, что сможет. Но стало только хуже.

Она знала, что не стоило давить на себя.

Терпение. Ей нужно было успокоиться и отдыхать.

Это было сложно, когда на кону было будущее.

Тяжко вздохнув, она вытерла пот со лба. Душная комната будто стала меньше, стены сжимали ее в сокрушительных объятиях. Эма прошла к двери, хромая, кривясь от боли в боку при каждом шаге. Она прижалась к стене, дыша сквозь боль, сотрясающую тело.

Слабая.

Бесполезная.

Эма приоткрыла шоджи, ожидая, что придется иметь дело со стражем.

Никого не было. Ни одной души, кроме лягушек и сверчков, поющих в ночи.

Она отодвинула дверь до конца и прошла, хромая, на веранду. Влажное неподвижно тепло поздней летней ночи обняло ее. Дальше был маленький сад, темный, кроме сияния луны сверху.

Почему они оставили ее без стражи?

«Может, потому он дал шанс?».

Она прижала ладонь ко лбу. Нет, не шанс.

Проверка.

Предать робкое доверие Сайтамы будет не благородно. После того, как ее веру в других порвали и растоптали, как она могла поступить так с другими?

Если он не искал повода отдать ее Ноэ. Побег после их разговора ей не поможет. Она и была не в состоянии попытаться.

Эма прислонилась к деревянным перилам, тянувшимся вдоль края веранды. Дышала. Оставалась настороже. Тренировала терпение. Она помнила слова Мицуги. Сверчки стрекотали, напоминая спокойные ночи на горе Цу-рен.

Темные тени укрыли сад, озаренный луной. Она щурилась, глядя на тени на дорожке. Они... двигались? Эма поежилась, сердце забило быстрее.

Это не была игра света.

Она сжала перила. Холодный воздух струйками обвивал ее руки, будто в узоре, как тени, которые она ощущала во снах и в мгновениях, пока скрывалась во тьме перед убийством.

И холодная аура, как было в онсене в лесу.

Ши-но-кагэ?

Все потемнело, не было звуков или света. Земля пропала под ее ногами.

Эма охнула, прижала ладонь к перилам, не дав себе упасть. Тьма поднялась, отступила к краям зрения.

Она стояла у своей комнаты, одна.

Что это было? Грудь вздымалась, она посмотрела на ночное небо. Уши заложило, словно она вынырнула из воды. Она вгляделась в сад, но движущиеся тени пропали. Все было снова неподвижным и мирным, словно ничего и не произошло.

Может, ничего и не было. Может, ей было хуже, чем она думала.

— Наслаждаешься видом?

Эма повернулась.

— Что ты тут делаешь?

— Любуюсь летней ночью, как и ты, — третий мужчина из леса, Хаганэ, прислонился бедром к перилам, скрестив руки и улыбаясь. — И я тут живу, — его улыбка увяла. — Тебя что-то тревожит, милая?

— Нет, — как он подкрался к ней. — И не зови меня так.

— Справедливо. Я поищу то, что тебе подойдет лучше.

Вздыхнув, Эма ослабила хватку на перилах. Может, она перегнула. Он пытался помочь ей у онсена, какой бы ни была причина. Это ничего не означало, впрочем. Он служил клану Рен, а ее положение тут было неясным.

— Почему ты тут на самом деле?

Свет висящих фонарей мягко озарял его лицо. Янтарные глаза смотрели на нее внимательно.

— Несколько причин. Например, я переживал за тебя.

— Почему? Ты даже не знаешь меня.

— Ты защитила нашего командира — моего друга. Это о многом говорит, — он подвинулся, опустил ладонь на перила, длинные тонкие пальцы сжали балюстраду. — Акито думал, что ты попытаешься сбежать.

Ясное дело.

— Удивлена, что он не пришел проверить меня сам.

— Я вызвался вместо него. Кстати, не за что. Тот разговор был бы не таким приятным, как наш.

Она не могла спорить с этим. Ее разговоры с Акито были игрой со смертью. Хоть ей казалось, что этот Хаганэ был по-своему опасным.

— Назэ бывает напряженным, — она оценивала его реакцию.

— Точно, — он кивнул. — И он предпочитает видеть худшее в других. В отличие от меня.

— Ты оптимист?

— Всегда. Отсюда третья причина, — он склонил голову и посмотрел на нее, чуть прикрыв глаза. — Я хотел узнать тебя лучше.

О, духи.

— Ты уже знаешь, что я была Черным Шипом. Этого мало?

Он пожал плечами, легко улыбнулся.

— Меня больше интересует женщина за этим именем. Она посмотрела на Смерть свысока и выжила, — он коснулся указательным пальцем своего подбородка. — Это интересно.

Хитрые янтарные глаза и чарующая улыбка кружили головы сотням женщин. Она была

его последней мишенью. Но она не могла расслабляться, даже если его интерес был искренним. Она уже имела дело с любвеобильными ребятами.

— Слушай, ты не так меня понял. Я...

— Предпочитаешь женщин?

Что?

— Ах, нет. Я не об этом. Я ценю то, что ты заступился за меня у онсена, но я не заинтересована.

Хаганэ провел рукой по своим волосам.

— Я это уважаю. Многие женщины сразу ведутся на меня, это естественно. Но ты другая, знаю. И я вижу твои обстоятельства, не слепой.

Жар прилил к ее щекам, сердце колотилось. Она посмотрела на его лицо, игривое тепло глаз, хитрый изгиб губ, широкие плечи и мускулистое тело...

И она не была слепой.

Она кашлянула.

— Ты серьезно.

— Конечно. Жизнь слишком коротка для сожалений. И, — он пожал плечами, — я живу без них.

— Все о чем-то сожалеют.

— Это не оставляет места для надежды, да?

Эма замерла от его слов. Теплый ветерок ласкал ее щеки, шелестел листьями одинокого клена рядом. Хоть она не могла убрать решение уйти из Тайшо, Эма гадала, что было бы, если бы Рё сильнее доверял ей. Если бы ее доверие к нему не ослабло.

Они молчали. Несмотря на проявленный интерес, он не давил на нее. С ее раной и его сильным высоким телом у него было физическое преимущество. Но его прямота и веселое поведение удивительно освежали. И немного невинного флирта было лучше, чем меч у ее шеи. Но она не поддавалась. Он уже был довольно нахальным.

— Он знает, что ты сделала для него, — вдруг сказал Хаганэ. — Тама. Он порой ужасно упрямый, — сказал он, склонив голову к ней. — Но он поступит правильно с тобой.

Эма прижала ногти к дереву.

— Вот как? — после ее разговора с ним она сомневалась, что выбор между защитой клана и ее здоровьем был сложным. Она не винила бы его за это.

Это не означало, что она принимала это.

— Он не подводил меня. И он не дал Ноэ ничего, после того, что этот гад... — Хаганэ притих и взглянул на нее. — Ты, наверное, знаешь, он участвовал в плане по убийству родителей Тамы.

Это не удивляло.

— Я слышала, что Фракция была вовлечена, но не знала, что Ноэ приложил руку, — но это было не важно. Ноэ был высшим лордом, лидером Фракции Ичиё. Зато теперь она чуть лучше понимала позицию Сайтамы. Это была не просто борьба.

— Теперь знаешь. У Тамы есть причины так действовать, — что-то серьезное блестело в его глазах. — Я говорю это, потому что был на твоём месте.

— Без обид, но почему ты мне помогаешь? Ты ничего не знаешь обо мне, — он не мог понимать.

Его улыбка вернулась, янтарные глаза стали яркими в свете фонарей.

— Просто чувство. Я научился доверять интуиции насчет людей. Особенно, насчет

красивой женщины, как ты.

Эма фыркнула, качая головой.

— Ты никогда не прекратишь, да?

— Да, — он склонился. — Ты обижаешься?

— Нужно постараться, чтобы меня обидеть.

— Хм. Я ощущаю вызов.

— Нет. Не вызов. Я говорила до этого серьезно.

— Не заинтересована. Понял. Принял.

Она зевнула. Прикрыв рот, она отошла от перил.

— Мне стоит вернуться в комнату.

— Я хотел бы уговорить тебя задержаться, но тебе лучше идти. Если хочешь, я тебя укутаю в одеяло, — он поднял руку, не дав ей ответить, хитрая улыбка смягчилась. — Шучу.

Эма подавила улыбку и пошла к двери, хромая. Он пытался ослабить ее тревоги из-за ситуации. Даже если он не вел себя искренне, Сайтама делал то, что было лучше для его клана. Хаганэ не мог знать, что выберет его командир, что бы они ни чувствовали к Ноэ. Она была для них другим делом.

Но он был добрым. Его поддержка у онсена была одной из причин, по которой она выжила.

Она прошла в свою комнату, замерла у двери.

— Спокойной ночи. И спасибо.

— Хороших снов, — он улыбнулся ей и пошел прочь, кедровые половицы скрипели с каждым шагом.

Одинокое дерево в саду шелестело. Лягушки продолжали петь со сверчками. Холод, который она ощущала до появления Хаганэ, пропал, его заменило неожиданное тепло в груди, которое она давно не ощущала.

Первый капитан Хаганэ Хакури осушил рюмку сакэ и опустил ее рядом с собой. Они давно так не сидели втроем. Хотя они впервые обсуждали одну женщину — почетную гостью.

— Может, только он считал ее такой.

Он не соврал ей. Тама поступил правильно. Никто не отдаст Черного Шипа высшему лорду Ноэ. Тама ни за что не станет помогать этому мерзавцу. Даже Акито понимал серьезность ситуации, судя по его нежеланию делать это.

Хаганэ помнил ночь год назад. Атака, организованная кланом Варуама с поддержкой Ноэ была идеально продумана и исполнена. Хаганэ был ранен, как множество других. Он слишком поздно нашел связанного Таму под весом высшего лорда, в прямом смысле, а потом трус отступил в ночь. Они слишком поздно добрались до родителей Тамы и нескольких других глав семьи, на которых и была нацелена атака.

Хаганэ жил без сожалений. Кроме одного.

— Ты уверен? — Тама сидел напротив него, уперев ладони над коленями. — Мацукара не попыталась уйти?

— Уверен. Я следил несколько минут.

— Может, она увидела тебя?

Он повернулся к Акито.

— Я могу быть тихим, когда нужно, — мужчина не отреагировал, и Хаганэ фыркнул. — Она меня не видела. Она просто стояла и смотрела на сад. Думаю, я спугнул ее.

— Она еще может попробовать, — отметил Тама, сжимая в ладонях чашку.

— И чья это вина? «Я доставлю тебя к нему сам». Не лучший выбор слов, Тама, — он был в коридоре во время разговора, на случай, если что-то пойдет не так. В результате, он слышал почти каждое слово, как и уверенность в ее голосе, когда она отвечала на вопросы Тамы. — Она чуть не умерла. Теперь она застряла тут с нами, и тот козел готов платить за ее голову. Будь мягче.

— Мягче? — Тама прищурился. — Это недопустимо. Сенмей чуть не рухнул от усталости, когда закончил обрабатывать ее рану. Даже его удивило то, что она выжила, а вы знаете, какой он.

Сенмей был прекрасным лекарем, и его упорство впечатляло. Но ему нужно было иногда расслабляться.

— Эй, я понимаю. Просто... попробуй посмотреть с ее стороны, ладно? Я не верю в то, что ты о ней думаешь... или какой ты ее хочешь видеть. Это просто чувство, знаешь? — да, Мацукара вызвала его интерес. Он не отрицал этого. Но было что-то еще. Не ее пытливые карие глаза, не очертания бедра под юкатой. Что-то...

— Нельзя делать выводы, исходя из чувств.

Типичный Акито.

— Попробуй хоть раз.

— Ты слишком неразборчив со своим доверием.

Неразборчив? Это что-то новое.

— Я просто противовес твоему бесконечному цинизму.

— Громкие слова. Кто тебя этому научил?

— Эй, Акито, докажешь мою точку зрения? — Хаганэ осушил чашку и наполнил ее. Он предложил сакэ Таме, тот принял после колебаний. Он хмуро посмотрел на старого друга, с болью в груди вспомнил беспечные вечера в их любимой изакае, где они пили, смеялись и пили еще больше.

Казалось, те дни были вечность назад.

— Если она была честна с нами, — Тама взглянул на Акито, — ей нет смысла бежать.

— Вообще-то, — сказал Акито сухо, как обычно, — мы собрали достаточно сведений, чтобы подтвердить, что пока что она говорила правду.

Брови Тамы приподнялись.

— Продолжай.

— Мы подтвердили ее присутствие в Канаэ-мачи — до нашей встречи с ней — и в паре других деревень, где она помогла. Жители деревни вспомнили ее и выразили благодарность, — Акито склонил голову. — Награда настоящая, как и ее изгнание. Ноэ хочет ее живой за преступления против Тайшо и Фракции, хотя ее точно ждет смерть. Или хуже, — он сделал паузу и посмотрел на них по очереди. — Я не могу обрекать ее на такую судьбу.

Хаганэ отклонился, осушил чашку как победитель. Он никогда не ошибался во мнении о других, и тепло, которое он испытывал к ней, усилилось. Даже укол обиды, что Тама слушался Акито чаще, чем его, не испортил его настроение. Их пути с Мацукарой пересеклись не по злему умыслу.

Порой случайным встречам суждено было произойти.

— Хорошо. Я приму это к сведению, — голос Тамы казался легче и тяжелее одновременно. Его другу нужна была уверенность в неясные времена, и он получал ее слишком мало. — Есть еще кое-что, — Тама опустил наполовину полную чашку. — Ее личность. Кроме Сенмея и нас троих никто не знает, что она — Черный Шип, верно?

Хаганэ налил больше сакэ себе и Таме. Акито, как всегда, отказался.

— Люди знают, что она была Тайшо, это уже разнеслось.

— Ее хаори, — сказал Акито. — Хоть состояние плохое, их эмблема осталась. Любой мог увидеть ее в хаосе, когда мы принесли ее сюда.

— Может, нам лучше развеять слухи. Я хочу ее перед офицерами — капитанами и первыми лейтенантами.

— Ты рискуешь раскрыть ее.

— Эй, Акито, не будь таким грубым.

Вице-командир посмотрел недовольно на Хаганэ.

— Это твоя работа.

— Чем дольше мы держим ее в комнате, — сказал Тама, игнорируя их перебранку, — тем больше риск недоверия в клане. И она может попытаться что-то предпринять.

Хаганэ цокнул языком.

— Разве не этого ты хотел? Повода избавиться от нее?

— Я бы не хотел, чтобы она попала сюда, — Тама ужасно врал. — Но нужно учитывать обстоятельства.

— Ты слышал ее. Держать ее против воли не стоит.

— Тогда мне нужно ясно выразить свои намерения, — он переглянулся с Акито. Их взгляды были как личный разговор, прошедший за миг тишины. Хаганэ подвинулся, убрал одну ногу под себя. Он не завидовал, но порой задумывался о своем положении. Тама винил

его в том, что он не успел спасти его родителей? Потому что он все больше обращался к Акито в последнее время?

— Это сотрет оставшиеся сомнения, — сказал Акито. — Но и здесь есть риск.

— Это не хуже того, что нас ждет через месяц. Завтра ночью.

Кивнув, Акито встал.

— Я проведу необходимые приготовления.

— Спасибо.

Акито ушел, Хаганэ выдохнул.

— Тама, ты сможешь мне допить бутылку, или мне сделать это самому?

— Я не могу позволить тебе одному веселиться, — редкая улыбка коснулась его губ.

— Ты мог бы, но жалел бы об этом.

Тама рассмеялся.

— Я все равно пожалею, — он схватил бутылку, проверил ее вес. — Тут еще много осталось.

— Тогда приступим, — Хаганэ наполнил их чашки. — Думаю, мы справимся за старые времена.

В этот раз Тама осушил чашку одним глотком.

— Если честно, я бы хотел хоть немного старых времен, — он протянул чашку. — И не ехидничай.

— Слушаюсь, о, мой командир.

— Молчи и пей.

Смеясь, Хаганэ поднял чашку. Не за старые времена, а за грядущие.

Что бы ни случилось.

Пот выступил на лбу и шее Эмы. Приятный ветерок проникал в двери, ласкал ее кожу, немного отгоняя летнюю жару. Она отклонила голову к стене, глаза закрылись. Угасающий свет солнца падал на сад у ее комнаты, тени двигались, близились сумерки.

Каждая минута была вечностью и постоянным напоминанием о ее положении.

Она выпрямила ноги и повернулась на здоровый бок лицом к саду. Ветерок снова задел ее лицо. Арина скоро принесет ужин. Визиты старушки были приятными, хоть и короткими. И она щедро кормила Эму, еда укрепляла ее силы больше, чем она ожидала.

Она опустила ладонь на рану, бинты были плотно намотаны под тонкой тканью юкаты.

Духи, она сможет снова сражаться?

Эма резко выдохнула, потянула за шнурок в волосах, чтобы заплести их заново.

Да, сможет. Другие мысли вели к поражению.

Легкие размеренные шаги прошли по коридору. Не шаркающие шаги Арины. Она оглянулась, страж отодвинулся.

Назэ встал на пороге, он был в длинном черном кимоно, несмотря на летнюю жару. Черные волосы ниспадали хвостом на спину, челка промокла от пота на лбу. От одного его присутствия ее ладони дрожали. Она сжала кулаки и протяжно выдохнула.

— Вставай, — он прошел в комнату.

— И тебе добрый вечер, — буркнула она, не пытаясь встать.

Он прищурился, глядя на нее, поджав губы без эмоций.

— Я не буду повторять просьбу.

— Ты и не *просил*...

Назэ сжал ножны вакидзаси. Еще одно напоминание о его преимуществе. Но он не вытащил меч, рука осталась на ножнах. Хотя она знала, как быстро он мог ударить.

Выбора не было. Они были почти наравне, когда она была в лучшем состоянии.

Сейчас у нее не было шансов.

Эма медленно встала, терпя спазмы боли от движений. Он не пытался помочь — за это она была благодарна. Он признавал силу воина, хоть и раненого, ведь это было дело гордости. Она знала людей, которые не могли больше быть солдатами, и позор ранил их глубже меча. Но Назэ не комментировал ее попытки двигаться, оставался бесстрастным, как всегда.

Оказавшись на ногах, она поправила завязки одолженных хакама.

— Я должна отдыхать и восстанавливаться. Приказ командира.

Ледяные глаза смотрели на нее без веселья.

— Ты встретишься сегодня с офицерами. *Приказ командира.*

Ее сердце забилося быстрее в груди.

— Звучит как «пора избавиться от обузы».

Его взгляд стал мрачнее.

— Я не стал бы врать.

— А я не хочу встречаться с теми, кого плохо знаю.

— Лучше избежать слухов о твоём внезапном появлении тут.

— Но я все еще не хочу встречи.

— Твои чувства не имеют значения в этом деле.

Эма закатила глаза.

— Духи, почему ты всегда такой напряженный?

— Прекращай вредничать, лейтенант. Ты воспринимаешь ситуацию слишком легко.

— А тебе нужно немного расслабиться. Думаешь, я хотела этого? — она указала на свой раненый бок. — Прости, что мы снова пересеклись, но я этого не хотела. И ничто не изменилось с Айзен-мачи. Мы помогли друг другу в ту ночь...

— Я сделал, что было нужно.

— Разве? Ты мог уйти. Почему ты вернулся? — тот вопрос вместе с сотней других не давал ей покоя месяцами. Она дала ему шанс сбежать, пока она выступила против стратега Ноэ, который устроил нападение на нее и Назэ. Но Назэ вернулся, вступил в бой и спас ее жизнь.

Его взгляд не дрогнул, как и голос.

— Я не люблю повторять. Обсуждать нечего.

Духи, он испытывал ее терпение. Она выдохнула.

— Что насчет ши-но-кагэ?

Он нахмурился, ладонь на мече напряглась.

— Командир ждет. Или ты идешь, или я потащу тебя туда.

— Назэ...

— Я предлагаю не продолжать разговор.

Эма подавила слова на время. Эта непоколебимая маска скрывала что-то пугающее. И она не хотела пострадать от этого.

Назэ повел ее по длинному коридору со стенами из кедра и рисовой бумаги, они миновали три комнаты и вышли на веранду, обвивающую здание.

Лягушки квакали в длинном пруду меж двух зданий, соединенных деревянным мостом. Круглые кувшинки, некоторые еще цвели, лежали на поверхности воды. По воде шла рябь от мелких рыбок. Два больших кои проплыли мимо.

Жаль, что Тайшо лишил замок Нагеями зелени годы назад, оставив ее дом голым, сухим...

— Лейтенант.

Эма подняла взгляд. Назэ смотрел на нее с привычным нечитаемым видом. Она пошла за ним, хромя, он ничего не комментировал, пока они шли по мосту.

Сумерки сгустились раньше, чем обычно. Или она не так ощущала время. Юноша быстро зажигал фонари, другие слуги спешили мимо, выполняя вечерние задания. Эма отмечала здания вокруг. Большое поместье, явно укрепленное. Сколько солдат было внутри?

— Ничего не выдумывай, — буркнул Назэ рядом с ней.

Она фыркнула. Его терпение было не таким и прочным, да?

Он вытянул руку, останавливая ее, и пронзил ее знакомым взглядом.

— Ты так хочешь погибнуть?

— Не очень-то. Но я всегда готова к неминуемости смерти. Разве не этому нас учат?

Он убрал руку и зашагал, не ответив. О, невыносимый...

— Да поговори со мной! — она сжала его руку, пальцы покалывало от ощущения твердых мышц под кимоно. Он повернулся с большими глазами, поймал ее ладонь. Эма споткнулась и прильнула к нему, попала в омут его взгляда, огонь и лед в нем заставляли ее сердце биться быстрее. Дрожь бежала по ее телу, вызывая мурашки на руках. Его ладонь ощущалась как в их снах. Что-то трепетало в ее груди, разожгло ощущение защищенности, с

которым он отгонял тени, возвращая ее в реальность из сна.

Каждый раз — лишь сон. Словно тот Назэ отличался от мужчины, стоящего перед ней.

Он отпустил ее.

— Лейтенант...

— У меня еще остались сны, Назэ. А у тебя?

Он помрачнел.

— Они пропадут со временем.

— Откуда эта уверенность? — спросила она, он пошел прочь.

— Идем, — он отвел взгляд. — Мы уже задержались.

Она выдохнула и последовала за ним, сосредоточилась на его изящной походке, которой она завидовала. Хоть он говорил мало, он раскрыл куда больше.

Наконец, трещина в камне.

Мерцающий свет падал из открытой двери впереди, гул голосов вылетал в узкий коридор. Половицы скрипели под их ногами. Голоса притихли, когда они приблизились.

Может, он и не врал.

Холодный пот выступил на ее шее, все внутри сжалось. Она сжала кулаки, глубоко вдыхала запах старого кедра, пока шла последние шаги до порога.

Высоко держа голову, Эма посмотрела на настороженного Назэ, его бесстрастное лицо чуть успокоило ее. Необычно голубые глаза стали знакомыми, хоть она сомневалась в самом мужчине. Он выполнял приказы командира, какими бы они ни были.

Лорд-командир Сайтама Рен сидел на коленях в комнате напротив нее. Темные глаза смотрели только на нее, и ей показалось, что он подавил улыбку.

Это точно ей показалось.

Она медленно поклонилась, прикусила губу, чтобы не охнуть от боли. Слезы жгли глаза, когда она выпрямилась.

— Лейтенант Мацукара, присоединяйтесь.

Эма кивнула и прошла внутрь, не смогла скрыть хромоту от офицеров. Они сидели на коленях в два ряда лицом к центру. Сайтама и мужчина, похожий на него, были во главе комнаты. Все были вооружены, оружие лежало рядом с ними. Она заметила светловолосую женщину, которая слабо кивнула.

Сайтама указал на пустую подушку слева от него, рядом с Хаганэ, который нежно смотрел на нее. Тепло собралось в ее груди, она опустилась рядом с ним. Он один из нескольких не сверлил ее мрачным взглядом. Глубоко вдохнув, она вспомнила техники, которым ее научил Мицуги, чтобы успокоиться. Но ее все равно мутило от волнения.

Назэ задвинул шоджи с грохотом.

Ее заперли.

Окружили.

Эма сглотнула. Ее старый командир любил собрания в тесных комнатах, это позволяло ему подавлять всех своим присутствием. Все смотрели на нее, и она ощущала себя маленькой.

В ловушке.

Она взглянула на Хаганэ, тот улыбнулся в ответ.

«Он поступит правильно».

Духи, она на это надеялась.

Назэ опустился на подушку рядом с ней. Он опустил мечи справа, подальше от нее.

— Как вы знаете, — голос Сайтамы привлек взгляды всех собравшихся, — лейтенант Мацукара останется с нами на неопределенный период времени. Она была ранена, придя мне на помощь. Логично, что мы предложили ей помощь, пока она выздоравливает, — он взглянул на нее и склонил голову.

Она глубоко вдохнула и опустила голову. Это было ради собравшихся, она уже благодарила его лично. Что он задумал?

— Благодарю за щедрое гостеприимство и заботу, лорд-командир Рен. Ваша доброта потрясает меня.

Кто-то фыркнул. Эма посмотрела в прищуренные глаза мужчины средних лет с

короткими волосами, скорее седыми, чем черными. Он открыл рот, но его определили:

— Как вы, лейтенант? — мужчина рядом с Саитамой разглядывал ее внимательно, его мягкий голос противоречил кипящему напряжению в комнате. У него был такой же нос и форма губ, как у Саитамы, но глаза были светло-кариими, а тело — худым. Они явно были родственниками. Седые волосы были на его висках, хотя лицо осталось молодым. От его позы исходила уверенность, взгляд был непоколебимым.

— Лучше, спасибо. Судя по словам Арины, я должна благодарить кого-то по имени Сенмей. Я хотела бы выразить ему благодарность, если это возможно.

— Ах, — мужчина улыбнулся, глаза блестели в свете лампы. — Вы уже это сделали.

Хаганэ склонился и прошептал:

— Это Сенмей... брат Тамы.

— О, верно. Спасибо, — ее лицо потеплело от новости, она посмотрела на Саитаму. Конечно, они были похожи. Сенмей не только спас ее жизнь, но и был братом мужчины, которому она помогла.

— Рад помочь, — Сенмей сцепил деловито ладони на коленях. — Для нас честь, что вы с нами.

Мужчина напротив нее снова фыркнул, шлепнул ладонью по бедру.

— Честь? Мы позвали в свои ряды убийцу, Черного Шипа из клана Тайшо, и вы зовете это честью?

Саитама нахмурился сильнее. Ее старая личность не была тайной среди них.

— Ах, но она пришла на помощь вашему командиру, рискуя собой, — Сенмей кивнул на брата. — Нужно сразу осуждать ее, капитан Тоджиро?

Старший капитан гневно указал на нее.

— Все знают, что Тайшо хитрые и эгоистичные. Даже Садахиге — ваш отец — не спешил им доверять. И Черный Шип... ее жестокую репутацию знают все. «Гордость Тайшо» — ха! Я проявляю осторожность, а вы приветствуете ее горячей едой и теплой постелью.

— Эй, Тоджи, тише, — Хаганэ поднял руку.

Эма выдерживала мрачный взгляд капитана.

— Простите, но вы намекаете, что только я среди вас забирала жизнь по приказу командующего? — мужчина не успел ответить, она добавила. — Не ошибитесь. Я отвечаю за свое прошлое, но не перед вами.

— Кто сказал, что тебе можно говорить? — рявкнул Тоджиро, на лице было открытое презрение. — Знай свое место, девчонка.

— Капитан Тоджиро, — грозно и тихо сказал Саитама. — Ее история Черного Шипа была тщательно проверена вице-командиром Назэ. Она помогла нескольким деревням на нашей территории бороться с Фракцией. Он бы позволил угрозе быть среди нас? Я бы позволил такое?

Тоджиро хмыкнул, скрестил руки.

— Нет, командир.

— Но вы все еще против ее присутствия.

— Шпион пойдет на все ради вашего доверия. И то, что она — женщина... — Тоджиро не закончил, но намек был понятен. Эма скрипнула зубами, подавила желание порвать его.

Саитама сидел напряженно, лицо было строгим.

— Хотите сказать, что меня так просто обмануть? Что на меня повлияла бы капля

женственности?

Капитан побледнел и опустил голову.

— Конечно, нет.

Эма хмуро посмотрела на Сайтаму. Она не была куртизанкой, но *капля*?

— Время подозрительное, — сказал Тоджиро. — Почему не вернуть ее Тайшо?

— Ну-ну, капитан, она все еще под моей опекой, — тон Сенмея был мягким, но он уже не улыбался. — Я хочу продлить ее жизнь, а не толкнуть ее к смерти.

То, что брат командира за нее вступился, вызывало надежду.

— И, — сказал Хаганэ рядом с ней, его спокойный тон выделялся среди напряжения, — Ноэ вернется меньше, чем через месяц. Нет смысла кого-то посылать сейчас.

— Как первый капитан, — напряженно сказал Тоджиро, — вы должны относиться к ситуации осторожнее, чем делаете это.

— О, я осторожен. И я доверяю Таме, как должны и вы.

Тоджиро притих. Сайтама смотрел на него, не двигаясь, секунды тянулись без ответа.

Эма сжала хакама, ногти впились в ноги. Духи, зачем Сайтама заставил ее сидеть при этом разговоре?

Другие выразили доверие, но долгая пауза успела навредить. Она посмотрела на Назэ, который молчал, войдя в комнату. Что бы он ни думал о разговоре, его лицо ничего не выдавало.

Младший офицер рядом с Тоджиро поднял палец.

— Я уважаю ваше мнение, капитан, — сказал он с восхищением. — Но если мы не можем доверять командиру, то мы уже проиграли, — он ухмыльнулся ей, глаза жестоко блестели. Выражение пропало, когда он кивнул Назэ. — Простите, вице-командир, я не хочу оскорбить ваши навыки. Меня беспокоит только то, чтобы все расследования проводились максимально полно и эффективно. Я считаю, что это развеет оставшуюся неуверенность среди присутствующих.

— Эй, Окуро, говори уже, — сказал Хаганэ. — Только тебе тут нравится, как звучит твой голос.

— Заметано, капитан, — хотя Окуро даже не взглянул на него. — Командир, я хочу выдвинуть совет провести полный допрос вице-командиром Назэ.

Хаганэ фыркнул.

— Ты шутишь. Это...

— Если лорд-командир посчитает необходимым, — холодно ответил Назэ.

Холодок пробежал по ее спине. Это звучало неприятно. Хаганэ рядом с ней хмуро посмотрел на Окуро, потом на Назэ, его веселье пропало.

Сайтама тоже не был рад, он сжал кулаки на коленях.

— На каком основании вы это предлагаете? Лейтенант Мацукара ничем не заслужила такой уровень проверки.

— Вы можете уверенно это сказать? — парировал Окуро, посмотрел на нее. — Твоя репутация преследует тебя. Откуда нам знать, что ты не устроила набеги на нашу территорию? Или что ты не действуешь по приказам Ноэ? Наше право выяснить это.

— Это не правда. Я не сопротивлялась, и мне нечего скрывать, — она повернулась к Сайтаме. — Если есть еще вопросы, просто задайте их.

— Как удобно благородно, — отметил Окуро. — Шпион, готовый раскрыть нам свои знания.

— Капитан, — предупреждение в голосе Назэ было заметным. Окуро сжал губы, пожал плечами и притих.

— Она борется против Фракции, — сказал твердо Саитама, — это делаем и мы. Учитывая результаты тщательного расследования вице-командира Назэ, она останется с нами как гость.

— Лорд-командир...

— Однако, — перебил он капитана Тоджиро и повернулся к ней, — если ты дашь мне повод усомниться в твоих намерениях, я обдумаю предложение капитана Окуро.

Эма удерживала его взгляд, пытаясь игнорировать боль в боку. Саитама рисковал, предлагая доверие во время предательств. Он мог легко бросить ее лорду Ноэ, но решил рискнуть. И Назэ вступился за нее, чтобы поддержать это положение. Она вдруг сильнее ощутила его присутствие рядом с собой.

— Конечно. Хотя у вас есть проблемы важнее, — она посмотрела в глаза офицеров. Женщина, которую она заметила ранее, склонила голову со слабой улыбкой, поддерживая. — Если хотите, я могу поделиться тем, что узнала за последние пять месяцев о Фракции. Если это поможет сохранить хоть одну жизнь, я готова на это. Но я не хочу навязываться вам дольше, чем это необходимо.

Сенмей склонил голову с улыбкой.

— Позволите? Твое восстановление займет время, и я не хочу отправлять тебя в путь сразу после такой раны. Прошу, прими предложение моего брата и позволь мне лично приглядывать за тобой, чтобы обеспечить тебе лучшее выздоровление.

Его мягкий вежливый тон рассек оставшееся напряжение. Командир и его брат — лидеры клана — показали свою позицию.

Эма подняла голову, глядя только на Саитама и Сенмею, а потом склонила ее.

— Благодарю. Я приму предложение.

— Хорошо. Вы все можете идти, — Саитама встал с Сенмеем. — Акито, — они переглянулись.

Назэ поклонился.

— Да, командир.

Саитама снова посмотрел на нее, а потом вышел из комнаты, Сенмей — за ним.

— Спокойной ночи, — Сенмей поклонился на пороге и ушел в коридор. Тоджиро и другой старший офицер прошли за ними.

Холод покалывал на шее. Капитан Окуро задержался, смотрел на нее уже мягче. Он склонил голову.

— Нам повезло, что такими сложными делами занимаются умелые руки вице-командира Назэ. Прошу простить мою грубость. Уверен, вы понимаете, что я просто хочу защитить наш клан. Но я надеюсь, что наши лидеры не ошиблись насчет вас.

Он вышел, высоко держа голову. Кроме Хаганэ и Назэ, остались только молодая женщина и юноша, они тихо говорили.

Хаганэ ткнул ее локтем.

— Я же говорил.

— Что говорил? — Назэ встал и вернул мечи на пояс.

— Ах, просто поддержал. Не честно все время ее пугать.

— Я не боюсь, — вмешалась Эма, глядя на них. — Я понимаю ситуацию. И я уважаю решение командира.

— Хорошо, — сказал Назэ. — Тогда я верну тебя в твою комнату.

— Эй, ночь только началась, — буркнул Хаганэ, но встал и протянул руку. — Если не против, я тебя сопровожу, — он склонил голову, заразительно улыбаясь.

Обычно она отказалась бы. Но ее ноги покалывало от ее пребывания на коленях, бок все еще болел. Эма подавила гордость и сжала его ладонь. Он придерживал другой рукой ее локоть, помог ей встать нежно, но уверенно, позволяя ей положиться на его силу. Его улыбка стала мягче, он смотрел ей в глаза.

— Не развлекай его, если не хочется, — девушка подошла к ним, упирая руку в бок. — Мой брат не понимает значение слова «нет».

Брат? Они выглядели похоже, и светлые волосы, как у северян, были необычны в этих краях.

— Цуки, не говори так! Она подумает, что ты серьезно.

— О, но я серьезно!

Хаганэ издал возмущенный вопль, его щеки покраснели.

— Эма, это Хацуки, девушка, которая заявляет, что она — моя сестра.

— Порой я не знаю, почему, — она пожала плечами с улыбкой. Эта улыбка... о, они точно были родственниками. Хацуки прошла мимо брата, сцепив ладони за спиной. — Хаганэ уже все рассказал о тебе. Он не умолкал, — она подмигнула. — Я возглавляю отряд нагинаты, кстати. Ты должна увидеть нашу тренировку...

— Уйми восторг, лейтенант Хакури, — сказал Назэ. — Лейтенант Мацукара тут временно. Не стоит так быстро привязываться к незнакомцам.

— О, я не такая и неизвестная, да, Назэ? — Эма невольно ухмыльнулась. Он отвел взгляд, поджав губы. Она повернулась к Хацуки. — Спасибо за предложение. Я хотела бы посмотреть тренировку, но только если командир Рен позволит. В Тайшо не было отряда, но моя мать и несколько других женщин клана умели сражаться нагинатой.

Хацуки просияла.

— Тогда ты должна прийти.

— Эй, Хаганэ, — сказал юноша рядом с Хацуки. — Мы выпиваем этой ночью?

Хацуки стукнула ладонью по его груди.

— Вы недавно пили.

— И? — он взглянул на Эму, потер рукой шею. — Я — Тесуке Харияма, кстати. Третий капитан.

— Приятно познакомиться, — Эма запоминала имена офицеров.

— Да, мы пойдем. Когда я отведу Эмамори в ее комнату.

Хацуки вскинула руку.

— О, Хаганэ.

— Что? И почему ты еще тут? Разве тебе не пора спать?

Она фыркнула.

— Я остаюсь тут на случай, если нашей гостье нужна защита.

Хаганэ взглянул на Эму, раздраженно качая головой.

— Защита? От чего?

— От тебя, глупый.

— Эй, ты кого назвала глупым?

— Осторожнее, братишка, — она погрозила пальцем. — Я могу рассказать ей о многом...

— Это все ложь!

Хацуки рассмеялась.

— Тебя так просто сегодня задеть. Она явно тебе нравится, — она взглянула на Тесуке, и они вдвоем улыбнулись. — Кстати, то, что он говорит тебе о своем... ты знаешь...

— Цуки!

Улыбаясь, Хацуки схватила Тесуке за руку и развернула его.

— Идем, Харияма. Мой брат догонит нас потом, — она помахала поверх плеча, и они покинули комнату, оставив ее с Назэ и Хаганэ.

— Вот ты и встретила мою сестру, — он скрестил руки на груди, покраснев. — Цель ее жизни — вредить мне.

Их отношения задели что-то глубоко в ее груди.

— Она мне нравится.

— Тогда у меня проблемы.

Назэ встал перед ней, ладонь опустилась на меч на его поясе.

— Мы закончили здесь. Ты вернешься в свою комнату, — он мрачно взглянул на Хаганэ. — Найди другое развлечение на ночь.

— Эй, Акито, я наступил тебе на ногу?

— Прими совет, который я дал твоей сестры. Я не потерплю безрассудное поведение.

Хаганэ провел рукой по волосам.

— Полегче. Был дружелюбным — не преступление.

Назэ игнорировал его.

— Идем, лейтенант.

— Спасибо, Хаганэ. Все хорошо, — она пошла за Назэ к двери, хромая. — Веди, вице-командир.

Шагая рядом с ним, она обдумывала его замечание Хацуки. Его расследования развеяли тревоги Сайтамы насчет нее. Это не означало, что она получила их доверие, но это было началом. Хоть ее присутствие не помогало, они не были бы в отчаянном положении, если бы не Фракция.

Им точно было тяжело как одному из последних оставшихся кланов.

Она могла как-то помочь? Ей было нечего им доказывать. Смерть все равно ждала ее, от руки Ноэ или чего-то другого. Они вряд ли остановят Фракцию, но она еще хотя бы раз помешает врагу.

— Назэ, — он не замер, не ответил ей. — Я говорила серьезно. Если я могу что-то сделать...

Он все молчал. Она будто говорила со стеной. Ладно. Ей и не хотелось говорить.

Саитама шел в свои покои, его брат следовал за ним в паре шагов позади.

Неуверенность среди его людей стала хуже, повлияло появление Черного Шипа. Тоджиро разочаровал его, ведь до этого его верность клану была безоговорочной. Но он не был так верен Саитама.

Это не помогало тревоге, растущей в его разуме. С тех пор, как их предал клан Варуама... Кто будет в этот раз? Кто продаст гордость и честь за защиту своих трусливых задов? Словно Фракция когда-то выполняла обещания.

Без доказательств он не собирался ничего делать с подозрениями, разъедающими доверие к тем, кто был вокруг него.

— Ты довольно тихий, — Сенмей поравнялся с ним.

— Ты удивлен? — буркнул он с большей горечью, чем намеревался.

— Все напряжены, Тама. Что ты ожидал, поставив ее так перед ними?

Он нахмурился, шагая дальше. Встреча произвела нужный эффект, как и предупреждал Акито. Хотя все было бы проще, если бы Мацукара оступилась и этим указала, кто из его людей мог работать с Ноэ. Сенмей мог отмахиваться от его паранойи, сколько хотел.

Кто-то сломается.

Саитама прошел в свою комнату и стал раздеваться, Сенмей замер на пороге.

— Она довольно впечатляюще держалась, учитывая ситуацию.

Саитама сжал оби, не успев развязать до конца узел. Он думал о том же, но не собирался это признавать. Ее румяное лицо было решительным, это сильно отличалось от ее вида при смерти. Ее теплые карие глаза смотрели в глаза его офицеров, принимали их недовольство. Ее голос был сильным и уверенным...

— Буду честен, — Сенмей убрал ладони в рукава, — я нахожу ее довольно симпатичной.

— Симпатичной? Сенмей, я не думал, что тебя так увлекла наша гостья. Высокая похвала от тебя.

— Разве ты не забавный? Мой интерес к ней чисто научный. Учитывая мифы...

— Она — не твой проект. Я уже это говорил, — Сенмей так увлекался изучением порой, что забывал о человечности. — И я не буду забирать свои слова, если она не даст повода. Как бы там ни было, она — наша гостья.

— Хорошо. Тогда позволишь ей хоть немного свободы в поместье?

— Я не могу пустить ее бродить везде, где она хочет, — он развязал оби и бросил его на стол, Сенмей фыркнул.

— Если хочешь, чтобы она доверяла нам, доверяла тебе, нужно дать ей ощутить свободу.

Саитама фыркнул.

— Она поймет уловку.

— Может, и нет. Но я не советую ей долго лениться. Ее восстановление...

— Ладно. Я это обдумую. Спокойной ночи, Сенмей.

Он задержался на миг, поклонился, повторив пожелание, и пропал в коридоре.

Один. Наконец-то.

Саитама снял одежду и надел легкую юката, нежный шелк ласкал его уставшее тело. Он вздохнул и вышел на веранду с видом на его сад. Ароматный ночной воздух нес нотку

холода, близился конец лета. Ветерок остужал его раздражение и ослаблял усталость.

Он почти каждый вечер проводил тут, ощущая себя одиноко каждую ночь. Может, дело было в том, что он знал, что будет в конце. Его план удара по Ноэ имел последствия, но его душа хотя бы будет страдать не зря.

Акито проследит за безопасностью клана.

Но союзников было все меньше, искать поддержки было негде. Когда клан Тайшо сообщил, что изменил верность, в этом году, Сайтама увидел неизбежный конец.

Но он не собирался сдаваться и принимать это.

— Ты еще не спишь.

Сайтама вздрогнул от голоса Акито. Его вице-командир стоял в углу веранды, еще одетый и с мечами, недовольно хмурился.

— Акито, не подкрадывайся ко мне так.

— Прощу прощения. Ты не ответил, когда я звал раньше.

— Ах, — разве Сенмей не обвинял его в этом недавно? Он потерял глаза, посмотрел на луну.

— Твое здоровье пострадает, если плохо спать.

— Я в курсе.

— Да?

Он выпрямился, голос Акито приблизился.

— Мое здоровье — меньшая из наших тревог сейчас.

— Хорошо, — сказал Акито через миг, посмотрел на сад. — Хочешь обсудить тревоги?

— Потому ты здесь, не так ли?

— Я тут в том качестве, какое тебе нужно.

— Тогда наблюдения с собрания.

Он кивнул.

— Я не ощутил связи между лейтенантом Мацукарой и другими, не включая тебя и капитана Хакури.

Сайтама тоже наблюдал за ней, ожидал увидеть узнавание, намеренное игнорирование или долгий взгляд. Но Мацукара явно не знала их. Это не доказывало ее невиновность, но было уже чем-то.

— Мы продолжим следить за ней, это еще может быть опровержено.

— Да, пожалуйста. А другие?

— Гнев капитана Тоджиро не был неожиданным, учитывая его отношение к Тайшо. Вряд ли это может перевесить его верность клану. Но его поведение этой ночью нельзя игнорировать.

— Согласен, — Сайтама постучал пальцами по деревянным перилам. Тоджиро Гиншен был из семьи, которая давно поддерживала клан Рен. Он не стеснялся бросать вызов офицерам, но отец ему доверял. И до этой ночи он поддерживал Сайтаму с момента, как он стал лидером. Его решение насчет Мацукары могло разбить то доверие? — А Окуро?

— Он быстро предложил полный допрос, несмотря на наши расследования. Он поддерживает тебя, но и верен Тоджиро. Однако меня беспокоит его готовность подвергнуть ее... — он сжал перила, костяшки побелели. — Конечно, я сделаю, как ты считаешь нужным.

Его голос едва заметно подрагивал, но Сайтама уловил.

— Но ты не хочешь.

Акито не ответил.

— Почему? Потому что она женщина?

— Нет. Ее пол не важен.

Он снова притих.

— Эта уклончивость на тебя не похожа, — Сайтама смотрел на лицо Акито, искал намеки на его мысли. Его должно было утомлять постоянно скрывать эмоции.

— Прощу прощения. Я уточню. Я не хочу заставлять кого-то страдать из-за прихотей другого.

Хмурясь, Сайтама прислонился бедром к перилам и скрестил руки.

— Справедливо. Но если ситуация изменится...

— Я знаю о приказах.

Сайтама вздохнул, прижался рукой к перилам.

— Мы кое-что еще не обсудили, — лицо Акито осталось замкнутым, голубые глаза холодно сияли в свете фонаря. — Ты сказал, что с Черным Шипом было покончено. Но она тут.

— Ты решил, что я убил ее.

— Ты не уточнял детали. Такой вывод был логичным.

Акито смотрел на свои ладони.

— Нас обоих обманули. Мы помогли друг другу, а потом разошлись с ясным пониманием. Она не будет меня искать, потому что это подвергнет ее опасности.

Опасности? И странная нота вернулась в его голос.

— Ты переживаешь за нее.

— Я переживаю из-за эффекта ее присутствия тут.

— Ты не это сказал.

— Прости, если не так выразился, — он поднял голову и повернулся к нему. — Как я и сказал, я не могу обречь ее. Ее открытость и усилия на благо клана нельзя отбрасывать.

— Ты звучишь так, будто доверяешь ей.

— Признание ее честности — далеко от доверия.

— Для тебя это уже стоит многого.

Акито молчал пару мгновений, а потом:

— Я всю жизнь приносил смерть тем, кто ее не заслуживал. Я не буду это повторять.

Сайтама не спрашивал Акито о прошлом, хотя знал достаточно, чтобы понимать его напряженное поведение сейчас.

— Не нужно оправдываться. Я доверяю твоим суждениям. Поверь, я готов принять уверения брата, что наш клан защищен. Но я не могу утихомирить свои сомнения. Не после предательства, с которым мы столкнулись.

Лоб Акито дернулся, Сайтама этого не ожидал и подумал, что ему показалось.

— Жаль, что Сенмей не разделяет твоей настороженности. Но я справлюсь с каждым, кто будет против тебя. Ты не один в этот раз.

Он посмотрел в мрачные глаза Акито. Он все еще не простил себя? Он не мог знать, что Варуама собирались напасть, что они хотели смерти отца. Никто не ожидал этого.

— Ты ничего мне не должен, Акито.

— Если бы я был тут...

— Что сделано, то сделано.

— Мое отсутствие было непростительным.

— Ты не был и не будешь привязан ко мне. Только по своей воле.

— Я уйду, если хочешь.

— Не в том дело, — неуместная преданность Акито тревожила его. Мужчина уже так много нес на своих плечах.

Он не забыл день, когда Акито, чуть больше, чем мальчишка с улицы, прошел в додзе и бросил вызов ученикам со строганной палкой. И его побили с презрением. Но тихий голубоглазый мальчик приходил каждый день со звериной яростью и необтесанными навыками. Даже в десять лет Саитама увидел что-то в нем и попросил принять его в школу.

Через год Акито пропал.

Так было в их младшие годы, Акито то появлялся, то пропадал из его жизни. Он всегда возвращался в Аомори-то сильнее, более умелым, обеспокоенный сильнее бременем на его плечах. Только недавно Акито решил оставаться с кланом. Но он ничего не просил у Саитама.

— У тебя всегда будет место тут, Акито, пока ты этого хочешь.

Акито посмотрел еще раз на сад и склонил голову.

— Если я уже не нужен, я отправлюсь выполнять долг.

Саитама смотрел ему вслед. Там что-то было, нотка колебаний — гнева — с прибытия Мацукары. Может, даже непоколебимый Акито достиг предела.

Он вернулся в комнату, снял накидку и забрался в футон, поправил одежду для сна на груди. Что произошло между Акито и Мацукарой? Почему казалось, что он многое не рассказал?

Он повернулся на бок. Она была бесстрашна против ши-но-кагэ, и Акито безжалостно удерживал ее за секунду от смерти.

Онсен...

Жар наполнил его тело. При других обстоятельствах она присоединилась бы к нему? Сняла бы одежду, распустила бы волосы, охнув, когда голая кожа задела бы горячую воду... Она думала о таком, пока смотрела?

Он шумно выдохнул, крепче сжал одеяло. Она не могла быть такой в его разуме. Он не опозорит так ее жертву. Но его тело не слушалось, одна мысль потревожила старые чувства, которые он долгое время сохранял спящими.

Саитама выругался и ударил кулаком по полу. Они не просто так спали. Он не мог позволить ее милому личику вскружить ему голову.

Мысли были безобидными. Другим делом было позволять желаниям управлять им, это не повторится.

Слишком многое было на кону.

Эма вскочила с футаона, потные виски гудели под ладонями.

Она снова видела тени во сне.

Холодное темное место стало слишком знакомым. Хотя сны приходили не каждую ночь, они стали появляться чаще за последние месяцы. И Назэ всегда был там, глаза мерцали во тьме. В том месте пустоты и смерти он был ее маяком к безопасности.

Но в реальности он отказывался говорить об этом.

Почему? Что он скрывал?

Она не верила в мифы и истории о духах. Теперь у нее были общие сны с молчаливым убийцей, и она сражалась с большими тенями. Это было ненормально. И ей не нравилось, что Назэ с неохотой помогал ей.

Никто не упомянул ши-но-кагэ на собрании. Даже Саитама скрасил обстоятельства их встречи. Они знали правду?

Она как-то убедит Назэ заговорить. Игнорирование не отменит факта, что тени были тут — и что они были как-то странно связаны с тенями.

Смех сорвался с ее губ. Вот это гора.

Два легких стука отвлекли ее от мыслей.

Она напряглась.

— Да?

— Лейтенант. Это Сенмей Рен, — позвал он сквозь шоджи. — Есть силы поговорить?

— Ах, минутку, — он говорил, что будет заботиться о ней. Она насторожилась. Хотя он выглядел добрым, спас ее жизнь, она привыкла к присутствию Арины.

Эма подтянула ноги, чтобы оказаться на коленях, кривясь от натяжения в ране. Каждое движение напоминало о ее состоянии, хотя боль сегодня была терпимой. Она поправила юкату и быстро пригладила волосы.

— Входите.

Дверь подвинулась, и стало видно мужчину, который позволил ей выжить. И в свете утра в коридоре он еще сильнее напоминал Саитаму. Те же темно-каштановые волосы, собранные в пучок. Седина на висках выдавала его старший возраст, хотя он выглядел ненамного старше брата. И его худое гибкое тело было без выпирающих мышц и твердых линий солдата. Он был без оружия, только с мешочком на плече.

— Прости, что нас официально не познакомили, — он поклонился, стоя на пороге. — Я хотел встретиться с тобой до вчерашнего собрания.

Она подняла руку.

— Не нужно извиняться. Я понимаю.

Сенмей мягко улыбнулся, радуясь ее ответу.

— Можно войти?

— Конечно. Это же ваш дом.

— Ах, да, точно. Прости, — Сенмей вошел и опустился на пол напротив нее, его спина была прямой, как стрела. Он вел себя даже строго в своей вежливости, каждое слово и фраза были продуманы. Даже его поведение было строгим.

Это отличалось от ее общения с Саитамой. Эма не знала, что думать о нем.

— Я еще не выразил должным образом благодарность за помощь моему младшему

брату. Ты спасла его от ужасной судьбы, и я благодарю тебя за это.

— Я не могла стоять в стороне, когда кто-то в опасности.

— Ах, твоя доброта осталась незамеченной офицерами. Они ждут от тебя — Черного Шипа — другое, но многие другие благодарны за твое вмешательство, — он прижал ладонь к груди. — Я, конечно. И позволь успокоить, хоть он может не выразить прямо, Тама тоже благодарен.

— Это добрые слова. Хотя, думаю, лечение — уже достаточная благодарность. Спасибо, лорд Рен.

— Я сделал то, о чем меня попросили, — его щеки покраснели. — И можешь звать меня Сенмей. Хотя я — заместитель лорда-командира, никто тут не обращается ко мне по титулу. Я — просто Сенмей, — он кашлянул. — Еще одно. Ах, духи, ты явно жалеешь, что я пришел сегодня. Надеюсь, я не сильно помешал.

— Ни капли, — Эма улыбнулась, пытаясь его успокоить. Если он уже был добр с ней, стоило это сохранить. — Прошу, продолжай.

Он склонил голову, опустил взгляд.

— Как ты знаешь, я обработал твою рану. Прошу прощения, если ты ощущаешь себя обманутой или обиженной. Мои услуги требовались немедленно, — а ты была, — он заерзал, теребя шнурок мешочка, — без сознания какое-то время. К сожалению, другие дела помешали мне продолжить лечение, потому тетя — то есть, Арина — ухаживала за тобой, — он посмотрел ей в глаза, его глаза были карими, как у его брата, но чуть светлее и без глубины Сайтамы. — Но, как я и сказал прошлой ночью, я хочу продолжить заботу о тебе. Если можно, я хочу проверить твою рану. Лучше узнать состояние твоей раны от человека, который изначально осматривал твоё тело.

Щеки Эмы пылали. Он странно выражал мысли. Но его лицо оставалось спокойным, без хитрости или злобы, только тревога лекаря. Такое лицо она видела у медиков и целителей, которые помогали ей с прошлыми ранами. Она прогнала дрожь из груди. Странная реакция на его склонность придерживаться правил приличия. Может, его смущала ситуация, и он пытался подобрать слова.

— Как долго я буду восстанавливаться?

— Сложно сказать. Вскоре станет видно. Прошу прощения. Я знаю, что тебе неудобно, но я не могу отпустить тебя в таком состоянии. То существо оставило тебе ужасный порез, — он указал на ее правый бок. — Я зашил тебя лучшим образом, но шрам останется. И, боюсь, какое-то время будет оставаться боль. Хотя, думаю, ты знаешь боль, судя по другим твоим шрамам.

Дрожь пробежала по ее спине. Насколько внимательно он ее осматривал?

— У меня было достаточно ран. Я справлюсь.

Он выпрямился.

— Хорошо. Ты крепкая, как я и думал. Думаю, ты выдержишь. Конечно, я буду спокойнее, если буду следить за твоим восстановлением. Это меньшее, что я могу. Теперь можно проверить рану? Пожалуйста, — он указал на футон и открыл мешочек.

Покальвание пробежало по шее, она легла рядом с ним. Она не ощущала себя так с Ариной. Вежливость Сенмея и неловкие фразы задевали что-то, что она не могла определить. Эма еще не встречала никого, как он, раньше. Не помогало и то, что он признался, что у него был доступ к ее телу, пока она была без сознания.

Нет. Сенмей помог ей, передал, что был в долгу перед ней. Было просто найти причины

не доверять людям вокруг нее. Но она собиралась позволить ему помочь, подавив эти голоса.

И она не была беспомощна. Эма могла сломать ему руку, если его намерения окажутся плохими.

Эма выдохнула, развязала оби и открыла юкату достаточно, чтобы было видно перевязанную рану. Он робко улыбнулся ей, прошептал извинение и приступил к работе.

Его нежные руки работали быстро, умело и уверенно, это отогнало ее тревоги. Он явно делал это тысячу раз. Эма разглядывала балки под потолком, пока он очищал рану.

— Отлично. Заражения нет, — он отложил окровавленную ткань. — Арина хорошо позаботилась. Позволь закончить осмотр, и я пойду, — он провел пальцами по ее боку. Эма напряглась, дрожа от опасно близкого прикосновения, на грани наслаждения и боли. Он замер у ее живота и надавил на нежную плоть.

Агония вызвала стон. Она резко вдохнула, смаргивая слезы. Ухмылка появилась на его лице. Или нет? Эма моргнула. Нет. Он сосредоточенно щурился, уголки губ были опущены.

Сенмей остановил осмотр ее живота, шепча, вернулся к ране.

— Должен сказать, я... потрясен, что ты выжила против ши-но-кагэ, — его голос стал мягким, почти благоговейным. — Как ощущался бой с ним? — он посмотрел ей в глаза.

Голодно. Пылко.

Эма поежилась. Что это был за взгляд?

— Саитама точно рассказал об этом.

— Да, — его прикосновение пропало. — Но меня интересует твой взгляд.

— Почему?

— Почему? Потому что ты выжила, лейтенант. Прощу, — он развел руками, — просвети старого ученого.

Сглотнув ком в горле, она рассказала, что помнила, о столкновении.

— Я словно смотрела в бесконечную тьму. Словно она могла поглотить все, чего касалась. И холод. Он высосал все тепло из онсена.

— Ты их раньше не видела?

— Нет. Слышала истории. Я не верила, что они настоящие.

Он кивнул, опустил ладони на свои бедра.

— Мне давно нравились мифы и легенды. Мой интерес был чисто учёным — как ты, я никогда не верил в них. Но их присутствие на земле нельзя отрицать. Они — слуги Смерти, посланные собрать души в этом мире для их господина. Но их жестокое поведение беспокоит. Почему они появились сейчас? Почему так охотятся на живых? И ты... отмечена тенью, но лежишь передо мной, живая и дышащая. Поразительно, — его пальцы задели края ее раны, взгляд стал далеким и стеклянным.

Эма отдернулась от его прикосновения. Он фамильярничал, даже если был врачом.

— Что значит: отмечена?

Сенмей кашлянул, сел на пятки.

— Если хочешь посмотреть...

Духи, она не хотела видеть. Но пора было понять свое состояние полностью.

Она взяла себя в руки и опустила взгляд, кривясь, когда живот напрягся у раны. Ее черный живот, словно плоть выжгли.

— Адские духи! Что...

— Шш, лейтенант, все хорошо.

— Не хорошо! Что это?!

— Метка ши-но-кагэ, если не ошибаюсь. Но она стала меньше, значит, лечение было эффективным. Это радует, — он коснулся пальцем подбородка. — Конечно, я не знаю, что все это значит. С тех пор, как мы обнаружили их существование, я пытался понять их цель. Но ты доказала, что они могут быть тут не просто для убийства.

Метка теней. Что это означало? Эма опустила голову на подушку, подумала о Назэ. Что он знал о метке? Он скрывал знания от Сенмея?

Назэ мог держаться на расстоянии, потому что знал... и боялся ее из-за этого?

— Я снова тебя расстроил, — он цокнул языком и опустил голову. — Искренне извиняюсь. Раны — неприятные дела, но ты себе вредишь, если не борешься с ними, — он сделал паузу, поджал губы. Сенмей вытащил из мешочка шприц с темной жидкостью.

Она напряглась и приподнялась на локтях.

— Что это? — она была готова биться с мечом, но эти шприцы врачей, которые недавно стали использоваться, пугали куда больше.

— Ах, просто травяное лекарство, которое я изобрел и улучшил за годы. Я много раз его применял. Оно помогает справиться с болью. Ты сможешь сегодня хорошо отдохнуть, — он склонил голову, напряженно улыбаясь. — Думаю, ты это заслуживаешь, да?

Эма махнула рукой, настороженно смотрела на инструмент.

— Я справлюсь без этого. Бывало и хуже, — хорошо, это было не совсем правдой. Это была ее худшая рана. Но мысль об игле, вонзенной в ее кожу...

— Я понимаю опасения, лейтенант, — сказал он, опустив шприц на колени. — Правда. Но не нужно играть сильную при мне. Я вижу твой дискомфорт. Разве я могу позволить тебе страдать, когда у меня есть средства помочь? Прошу, позволь мне обеспечить тебе комфорт при восстановлении, — он склонил голову, смотрел на пол между ними.

Духи, этот Сенмей. Она вздохнула. Может, он был прав. Рана была необычной, может, стоило принять предложение. Так она скорее сможет уйти отсюда.

— Я знаю, что ты пытаешься помочь.

— Это мой долг, — он поднял голову, посмотрел на нее, задрал нос. — Ты — не первый пациент, который боится современных орудий. И принятие помощи тут не отменяет твою силу, лейтенант. Верь, я не считаю тебя слабой. Теперь, — он поднял шприц, — прошу, подготовься. Будет жечь, но лишь миг.

Эма стиснула зубы, игла пронзила кожу. Она отвела взгляд, он выпустил содержимое в ее тело. Прохлада пробежала по ней, принося немедленное облегчение. Она резко выдохнула. Она ощущала только натяжение сшитой кожи.

Невероятно.

— Можешь сесть, если ощущаешь себя готовой. Я наложу свежие повязки.

Прижимая юкату к груди, она сидела, пока он перевязывал ее живот, скрывая черную рану.

— Теперь, — он вернул все свои вещи в мешочек. — Что думаешь о ежедневной прогулке по поместью?

— Я бы... ах, командира Рена это устраивает?

Он улыбнулся.

— Не могу обещать, что за тобой не будут следить. Не уходи далеко, и ты будешь в порядке.

— Это успокаивает, — буркнула она.

Сенмей поднял тонкий палец.

— Одна прогулка в день. Не будем проверять терпение Тамы, — он подмигнул. — Медленные шаги, не перетруждай себя. Но лень только удлинит время восстановления, а никто из нас этого не хочет.

— Точно, — даже если за ней будут следить, она примет это.

Он встал, повесил мешочек на плечо.

— Если ощутишь что-то необычное, или если боль усилится, прошу, позови меня.

— Спасибо, Сенмей, — духи, она ощущала себя как новая. Будто раны и не было.

— Я делаю это ради брата, в первую очередь. Но я помогаю и клану. Потому я в долгу перед тобой, лейтенант, — сказал он, лицо снова было строгим. — Прошу, принимай и дальше мою помощь, чтобы я исполнил свой долг.

Эма помедлила и кивнула. Несмотря на странное поведение, казалось, он искренне хотел ей помочь. Не важно, было это ради нее или его брата. Как она могла винить его в верности клану? Она была для них неизвестным фактором, как они для нее.

— Может, — продолжил он с ноткой неуверенности в голосе, — из-за твоего выживания мы сможем лучше понять те тени. Тама не попросит, но, думаю, он будет рад помощи в этом деле. И, подозреваю, тебе интересно знать больше о ши-но-кагэ.

— Да, — это было преуменьшением.

— Чудесно. Тогда будем больше говорить об этом, — он шагнул к двери, поправил мешочек на плече и повернулся. — Старайся не перетруждаться, лейтенант, иначе придется видеть меня чаще, — Сенмей посмеялся над своей шуткой, неожиданно отвлекся от строгой вежливости.

— Постараюсь. Еще раз спасибо.

— Рад помочь. Правда.

Он поклонился и ушел.

Это немного радовало. Капля свободы и шанс узнать больше о ши-но-кагэ. И Сенмей был готов делиться. Может, его знания помогут ей понять и ее сны, ведь выдавить что-то из Назэ было почти невозможно.

Эма резко вдохнула от жжения в боку. Рана пульсировала в такт с биением сердца.

Что? Лекарство уже перестало работать? Она прижала ладонь к груди, медленно и глубоко вдыхала. Через пару минут боль притупилась, но не ушла вся. Комната дрожала перед ее глазами, кружилась, словно Эма оказалась под водой.

Духи, ей нужно было прилечь.

* * *

Потеряна в море бесконечных теней.

Снова.

Это место. Всегда одно и то же.

Тени задевали ее руки, вели вперед. Она уже не пыталась от их прикосновений.

Назэ в любое время появится и уведет ее.

Эма слепо шла во тьме, сжимая кулаки, кончики пальцев похолодели.

Темный завиток обвил ее запястье. Она спокойно отодвинула руку.

Тень отпустила ее.

Она медленно дышала, шагая сквозь тени по шагу за раз. Она шла дальше, чем помнила.

Как далеко она прошла?

Эма оглянулась, но видела лишь кружащиеся силуэты тьмы.

А потом бестелесные голоса заговорили, слова сначала были искаженными и

медленными. А потом громче, четче, словно они стояли рядом с ней. Но там была лишь тьма.

— Командира Рена нужно вразумить.

— Ну-ну, конец будет прежним, одобряет он это или нет. Та убийца — наш шанс выбраться из этого кошмара.

Оба голоса были мужскими. И незнакомыми.

— У нас будет лишь один шанс. И времени осталось мало.

Другой низко рассмеялся.

— Он знает, что шанс лишь один. Мне плевать, что другие говорят ему в лицо. Они не будут стоять с ним. Никто не выберет глупо смерть, когда жизнь еще можно сохранить.

— А если он не одумается?

— Тогда пусть погибает.

Что-то твердое зацепило ее грудь, оттащило ее назад.

Голоса пропали. Утихли.

Тени снова потянулись к ней, их стало больше, они были рьяными.

Где он был? Она искала безопасность его руки, словно она появится от ее желания.

Но она была одна.

Тени устремились вперед, связали ее запястья, развели ее руки. Эма охнула, дернулась, еще тень обвила ее талию, еще две — бедра, не давали ей идти.

Назэ?

Ее язык не мог говорить, но разум звал его.

Почему его там не было?

Эма то переживала, то ощущала безразличие сна. Сдаться было проще. Принять судьбу. Поддаться ледяной пустоте, которая ждала ее.

Назэ....

Еще тень обвила ее тело, крепко сжала ее шею.

Ледяное отчаяние.

С беззвучным ревом она вскинула голову. Ее тело текло с тенями. Ее ноги оторвались от земли.

Назэ!!

Пара глаз появилась во тьме. Но не...

Не его.

Серебряные радужки, окруженные красным. Неестественные. Не человеческие.

Нет, те глаза...

Эма закричала, огромная черная фигура поднялась. Картинки мелькали перед ней, а с ними обрывки голосов. Они пронеслись во тьме мимо нее на поразительной скорости. Лица были неузнаваемыми, но...

Ота? Ее старый товарищ... из дней Черного Шипа...

Что?

Ши-но-кагэ сомкнулись, сжали ее крепче, большая тень бросилась, пронзила ее грудь холодом, от которого немел разум, вырвала ее сердце и давила...

Эма охнула, резко села и схватилась за грудь. Свет проникал сквозь шоджи, озарял гобелен с цветущей вишней.

Сон.

Нет, не просто сон.

Ее сердце яростно колотилось, гремело в ее ушах. Эма закрыла глаза, ее мутило от угасающих серебристо-красных глаз, ледяной хватки теней...

Почему Назэ не появился, не вытащил ее из того места, как всегда делал?

Эма отодвинула одеяло, подползла к двери и отодвинула ее. Сад был почти темным, тусклый свет на востоке обещал рассвет. Она медленно и глубоко дышала, глядя на кедровые половицы веранды.

Боли не было.

Она робко провела ладонями по перемотанному боку, ощутила лишь немного покалывания. И она двигалась по комнате, не кривясь.

Что Сенмей ей дал?

Эма прошла к лампе, все еще не привыкнув к свободе действий, зажгла ее огнивом. Сияние огонька прогнало оставшийся туман. Одежда лежала у двери.

Она сняла мятую юкату, в которой уснула, свернула ее и опустила рядом с футоном. Коснувшись бинта, она не дала себе убрать его, не хотела видеть черную кожу и сшитую плоть снова.

Шею покалывало. Что-то щекотало ее разум. Голоса. Да, она услышала кое-что во сне. Эма закрыла глаза, потянула за нить. Что-то о командире Рене и... «той убийце».

Явно о ней.

Кто-то хотел использовать ее против Саитама. Как она и боялась, кто-то хотел выдать ее за награду, чтобы наладить отношения с Ноэ. Хотя бы временно.

Она прижала ладонь к голове. Как она могла рассказать о таком командиру? Он примет ее за безумную. Может, она и была уже такой. У нее не было доказательств.

Но...

Назэ. Сны с тенями были у них обоих, он мог это понять. Если кто и мог принять ее слова всерьез, то это он.

Эма надела белую косодэ, темно-синие хакама и чистые таби. Она поблагодарила мысленно хозяина одежды, хотя было отчасти стыдно принимать вещи. Но Саитама сказал, что она была гостьей, так с ней и обращались. Он не собирался избавляться от нее. У него уже было много шансов.

Она отогнала эти мысли, встала с легкостью, снова удивившей ее. Ее ноги подрагивали, но она могла идти, почти не хромая.

Надежда на восстановление вспыхнула в груди, прогоняя отчаяние из-за неизвестного будущего.

Но сначала Назэ.

Свет дня выглядывал из-за горизонта, бросая на сад желтые, розовые и золотые оттенки. Она глубоко вдыхала теплый утренний воздух, наслаждаясь светом солнца. Жаль, он не мог прогнать холод внутри нее.

Эма вышла наружу, пошла по веранде к мосту и пруду с кои. Где были покои Назэ? Кто-

то должен быть тут в это время и помочь ей найти его.

Небо светлело с каждой минутой, озаряя воду и ярких оранжево-белых рыб в ней. Дрожь пробежала по ее спине. Она подняла взгляд, ожидая увидеть его там, наблюдающего.

Фигура вышла на мост, словно в ответ на ее мысли. Свет солнца упал на его волосы, озарил золотом голову, янтарные глаза смотрели на нее.

Хаганэ.

Он улыбнулся, тут же просиял. Дыхание Эмы дрогнуло в горле, она вдруг вспомнила его руки вокруг ее тела в лесу перед тем, как все потемнело. Его добрые слова предупреждения у ее комнаты. Его поддержка на собрании.

Нет. Она не должна была думать о нем.

— Ты еще милее в свете утра, — он остановился рядом с ней. — Я ощущал, что ты из тех, кто встает с солнцем.

— А я думала, что ты из тех, кто долго спит.

— Я? — Хаганэ упер другую руку в бедро. — Нет, — он склонился, хитро улыбаясь. — Но я польщен, что ты думала обо мне, пока мы были порознь. Ты уже в меня влюбилась.

— Я уже говорила. Не заинтересована, — она повернулась к нему. — Я хотела еще раз поблагодарить тебя за то, что ты заступился за меня. Ты не был обязан.

— Мне не нравится, когда кого-то оскорбляют без причины. Тоджиро вел себя ужасно, — его голос стал напряженным, улыбка пропала. — Он был заместителем Садахиге, отца Тамы. Вряд ли он простил Таму за изменение порядка, так сказать. А потом он потерял место из-за Акито. Но не важно.

Это объясняло его поведение прошлой ночью. И то, что он не доверял Саитама...

— Кстати о Назэ. Мне нужно с ним поговорить. Где его можно найти в это время?

— В его покоях, но он оторвет тебе руку, если я тебя туда приведу. Он не пускает в свое пространство.

Это не удивляло.

— Как мне его увидеть?

— Думаю, — он потер подбородок, — он ушел с прошлой ночи. Вряд ли уже вернулся. Но я могу сообщить Тасо, что ты его ищешь — он из отряда Акито.

— Спасибо.

— Конечно, — его улыбка вернулась, глаза блестели на солнце. — Ты сегодня чудесно выглядишь.

Она пожала плечами, игнорируя трепет в груди.

— Странно, но мне лучше, чем за месяцы.

— Я рад. Уверен, было тяжело без места, которое можно звать домом.

Эма подняла голову, их взгляды пересеклись. Приятный запах летнего поля, травы и дождя окутал ее. Его запах.

— Да, — она сглотнула ком в горле, узнала раздражающий трепет в груди.

Эма заставила себя смотреть на небо, пока ее сердце воевало с разумом. Конечно, ее могли привлекать другие мужчины. Рё не был концом всего. Но не было времени на такие утехи.

Она не могла позволить себе оступиться.

Его ладонь задела ее руку, теплые пальцы погладили ладонь. Эма напряглась и повернулась к нему. Но его добрая улыбка стерла ее слова. Почему он улыбался так в неясные времена?

На что он надеялся?

— Так хорошо?

— Могу спросить о том же?

— Я бы осыпал тебя всеми видами нежностей, если бы ты позволила.

Эма покачала головой, лицо пылало.

— И что сказал бы твой командир? Или тебе приказали соблазнить меня?

Он усмехнулся.

— Приказ моего сердца.

Она со стоном прижала пальцы к виску.

— Ты не сдаешься, да?

— Никогда, — его улыбка пропала, он вытянул руки над головой. — Ты держалась дольше многих. Я впечатлен, — он стал задумчивым, потирал челюсть. — Если подумать, я еще не встречала женщину, которая могла бы так сопротивляться моему очарованию, как ты. Ты мне нравишься. Но если ты хочешь, чтобы я отступил, только скажи.

Трепет вернулся в ее груди.

— Ты меня почти не знаешь.

Так дай узнать тебя лучше.

— Это... ты не переживаешь из-за всего, что происходит вокруг тебя?

— Конечно, переживаю, — его улыбка увяла, глаза затуманила печаль. — Я знаю, что это могут быть последние дни. Но будь уверена, я буду биться за каждый. Я говорил, я живу без сожалений. И когда я умру, я буду знать, что был рядом с теми, о ком забочусь, до конца. До этого я буду жить, как живу.

Эма смотрела на него, а он глядел на небо. Свет солнца сиял на его волосах, делая корону из света. Ее сердце забило сильнее, от боли в груди во рту пересохло. Даже этот серьезный миг содержал искру надежды, за которую он держался.

Он не обманывал.

Он был просто Хаганэ.

— Потому ты еще тут? — спросил он. — Ты все это время билась с Фракцией одна.

— И продолжу это делать.

— В том и дело. Ты не обязана делать это одна, Эма.

Она пожалала плечами, не став его ругать за обращение по имени.

— Тебе легко говорить. У тебя есть дом тут. Семья, — а у нее ничего не было. Она сама ушла от Тайшо. Но она не могла остаться там после предательства. Они уже не были ее семьей.

— Да, но так было не всегда, — он провел рукой по волосам и вздохнул. — Я прошу лишь подумать об этом. Что происходило до этого — это конец одного и начало другого. Ты тут, живая и еще борешься. Это что-то означает.

— Я... — но у нее не было ответа. Она сжала губы и смотрела на ноги, жар снова задел ее щеки. Она недооценила Хаганэ.

— Тут нужно выразить одобрение. Я принимаю в любой форме, — он подмигнул. — Леди выбирает.

Она выбирает? Эма приподняла бровь и ткнула его в плечо, вызвав смех, задевший что-то глубоко в ней. Духи, она знала, что он мог быть проблемой. Теперь он начинал ей нравиться.

Он потер рукой шею.

— Я сам сказал, что во всех формах, да?

— Да, — она усмехнулась, скрестила руки на груди.

— Мне нравятся женщины, не дающие расслабиться, — он оттолкнулся от перил, повернулся к ней, другая фигура вышла на мост.

Сенмей.

— Ах, лейтенант Мацукара. Доброе утро. Я шел тебя проверить, — он кивнул Хаганэ, не глядя ему в глаза. — Я рад видеть, что тебе сегодня лучше.

— Спасибо, — если кто-то еще скажет, что она хорошо выглядит...

— Я надеялся, что ты позавтракаешь со мной. После дня сна нужно хорошенько поесть. И я надеялся, что тебя заинтересует продолжение разговора.

Духи, она спала целый день.

— Сенмей, ты же не зовешь ее на банкет императора.

Он улыбнулся, опустил взгляд.

— Старые привычки. Это моя натура. Так ты присоединишься? — эта улыбка. Она была слишком спокойной для неуверенности в ее груди. Она всегда полагалась на свои инстинкты, и что-то было не так. Но он помогал ей. Она выжила, благодаря ему. Она видела то, чего тут не было?

Хаганэ ощущал ее колебания. Он поймал ее взгляд, приподняв брови. Она тряхнула головой и повернулась к Сенмею.

— Звучит отлично. У меня есть несколько вопросов к тебе, — например, почему он дал ей такое сильное лекарство, что оно стерло всю боль и вырубил ее на день.

— О? Ладно, я отвечу, насколько смогу.

Закатив глаза, Хаганэ коснулся ее локтя.

— Если он утомит тебя, я тебя заберу. И не переживай за Акито. Я передам ему весть.

— Спасибо, Хаганэ. За помощь.

Он улыбнулся, чуть выпятив грудь. Поклонившись, он пошел прочь, насвистывая.

— Вот так общество у моего брата, — Сенмей покачал головой, цокнув языком, убрал ладони в рукава. — Идём?

Его голос стал более напряженным, но улыбка осталась. И он почти не смотрел на Хаганэ.

Странно.

— Да. Веди.

* * *

Сенмей шагал медленно, хотя это не требовалось. Эма уже почти не хромала, что было удивительно, и это только сильнее ее встревожило.

Как ее состояние могло так быстро улучшиться?

Он дошел до своих покоев и указал ей входить.

— Прощу. Нашу еду должны вот-вот принести.

Эма замерла у порога, искала трещину в его чересчур приятном поведении.

— Что ты мне дал, Сенмей?

Он выпрямился и посмотрел на нее большими глазами.

— О чем ты?

— Не надо этого. Лекарство отключило меня до этого утра.

Он прижал ладонь к груди.

— Духи, ты злишься на меня. Я не могу винить тебя за это. Ты сильно отреагировала на

обычное лекарство от боли. Я использовал его годами, и тут никто не жаловался. Но помни, тебе нанесли серьезную рану. Твое тело отдыхает, сколько нужно, для него это важно.

— Стоило предупредить, — хотя она сама была виновата, что рискнула, даже если у него были хорошие намерения.

— Лейтенант, я не мог предсказать такую драматичную реакцию. Я работал с разными ранами, но твоя — самая сложная. Это все ужасное недопонимание. Должен за это попросить прощения, — он низко поклонился. — Ты спасла моего брата. Я не хотел намеренно вредить или расстраивать. Прошу, прими глубочайшие извинения за дополнительный дискомфорт.

Его серьезное лицо не дрогнуло, голос не изменился. Было только это? Недопонимание? Все внутри дрожало, ощущение проникло глубже, чем раньше. Она доверилась этому мужчине. Зачем ему вредить ей? Он уже помог ей с худшим.

Эма сжала губы и кивнула.

— Я принимаю извинение, — пока что. Она хотела выяснить, что он знал о ши-но-кагэ.

— Спасибо. Я буду осторожнее относиться к заботе о тебе. Боюсь, мое желание помочь тебе скорее выздороветь привело к этой ошибке. Давай забудем об этой неудаче и продолжим идти вперед, да? Пожалуйста, — он указал на дверь. — Надеюсь, этот завтра станет шагом в ту сторону.

Она прошла мимо него в его довольно тесную комнату. Всюду были книги и бумаги, а еще ящики с неизвестным содержимым. С двумя столами места почти не оставалось.

Где он спал? Точно не среди всего этого? Но, несмотря на тесноту, все лежало на местах, и не было видно ни пылинки.

Все было чистым и отполированным, как сам Сенмей.

Они сидели напротив друг друга за низким столиком, говорили о погоде. Принесли еду, включая блюдо, которое она не ела уже давно. Эма ела теплый рис, смешанный с яйцом, подавляя радостные вздохи. Она должна была отдать должное клану Рен. Тот, кто готовил еду, отлично с этим справлялся. Омурайс отлично получался у ее мамы, она делала это Эме, когда яиц было много. Блюдо перед ней было почти таким же по вкусу.

— Хорошо? — спросил Сенмей, опустив палочки, когда доел.

— Да. Спасибо за еду, — она опустила голову.

Он повторил за ней.

— Теперь о ши-но-кагэ, — сказал он, согнув палец у подбородка. — Я хочу продолжить наш разговор, ведь эта тема интересна нам обоим.

— Все еще сложно верить, что они существуют, — отметила она.

— Верно. Это понятно. Но мне было интересно, пересекалась ли ты с ними раньше? Дсонсена.

Эма сделала глоток чая, не спешила, успокаивая волнение в груди. Сны с Назэ. Холодная ласка, когда она двигалась в тени. Станный уют, который она ощущала под покровом тьмы. Но, когда она посмотрела в глаза Сенмея под приподнятыми в невинном удивлении бровями, Эма подавила слова. Хоть Назэ молчал насчет теней, что-то говорило ей, что у него был на то повод. И пока она не узнает...

— Нет, — она опустила ладони с чашкой на колени. — Как я и говорила, я слышала только истории, пока росла.

Сенмей склонил голову с улыбкой.

— Ты не совсем честна со мной, лейтенант.

Сердце Эмы колотилось от его медленных слов.

— Почему ты так говоришь?

— Тама сказал, ты напала на тень без колебаний. И смогла прогнать ее из леса, не дав ей убить тебя. И я подумал, что ты уже с ними встречалась, раз действовала так уверенно.

Уверенно? Она была перепугана.

— Прости, но это не так. И я ее не изгоняла, она просто... исчезла, — и почти сразу же появился Назэ. Он точно был недалеко. Эма нахмурилась. Как долго он был там перед тем, как показал себя? Почему он не помог ей или Саитаке против тени?

— Это совпадает с отчетами из Канаэ-мачи, Хаигавы и Кайто-мачи. Думаю, ты проходила те места.

— Все те нападения были от ши-но-кагэ? Я думала, это сделала Фракция.

— Да, — вздохнул он. — Так думали и мы. Пока не заметили странное сходство между жертвами, — он встал и поманил ее. — Идем.

Он подошел к одному из открытых ящиков, вытащил деревянную коробку и открыл. Внутри стояли флаконы с пробками в два ряда.

— Образцы с жертв теней, — он поднял один флакон, потрянул содержимым. Черный порошок. — Единственное доказательство ши-но-кагэ в этом мире в этой комнате.

Его глаза стали мрачными, как когда он впервые спросил ее о ши-но-кагэ. Эма огляделась, понимая теперь, что видела.

— Все это...?

— Мое исследование. Я годами собирал все, что мог найти, о тенях и схожих существах, о богах жизни и смерти — Тэн и Джи. Старые легенды имеют другой вес, если знаешь, что они — правда. Если ши-но-кагэ существуют, что еще существует? Боги и духи, которых мы проклинаяем и благодарим... слышат ли они нас? — он тихо рассмеялся, закрыл коробку и опустил ее. — Признаюсь, лейтенант, мне сначала тоже было сложно это принимать. А я не из тех, кто мыслит узко.

Это был не просто интерес. Сенмей изучал эту тему.

— Почему ты взялся за это?

Он печально улыбнулся.

— Никто не должен умирать без повода, — его тихий голос дрогнул. — То, что сдерживало тени в мире духов, видимо, пропало. Я не понимаю, как или почему — это нужно выяснить. Боюсь, они продолжают забирать жизни, пока не заберут все, — он сцепил ладони перед собой и пожал плечами. — Встреча с тобой дала мне надежду на успех.

— Потому что я выжила.

— Именно.

— А другие? — она указала на коробку, которую он ей показал. — Почему я выжила, а они — нет?

— У меня нет ответа. У тебя есть метка. Все жертвы с похожей меткой, почерневшей кожей. Только ты выжила. Вопрос, который нам нужно понять, такой: ты выжила случайно, или так было задумано? — он сжал ладони у живота, отходя, оставляя ее обдумывать эти слова.

Эма прижала кулак к сдавленной груди.

«Задумано?».

Сглотнув, она смотрела, как Сенмей расхаживал, согнув палец у подбородка. Она всегда ощущала себя уютно в тени. Ее роль убийцы требовала этого, но дело было не только в

послушании и тренировках. Помимо снов с Назэ, она давно ощущала зов тьмы, тени помогали ей в каждой миссии. Она как-то связалась с ними до всего этого? Потому...

— Меня беспокоит то, что ты в это попалась. Ах, не пойми превратно, я рад, что ты вмешалась, и я признаю жертву, которую ты принесла. Я могу лишь представить, с какими сомнениями и вопросами ты столкнулась. Метки, тени смерти и духи ходят по нашей земле. Потому я свободно предлагаю поддержку и советы, пока мы разбираемся в этом феномене, — он поджал губы, постучал пальцем по руке, взглянул в ее глаза. — Я могу кое в чем тебе признаться?

— Если хочешь.

— Хочу. Это беспокоило меня с того дня, как ты попала к нам. Почему капитан Хакури и вице-командир Назэ не помогли моему брату? Они — его близкие друзья, но это ты — незнакомка — защитила его. Ах, прости! — он помахал рукой, словно прогонял слова. — Я не должен плохо говорить о членах своего клана. Но я переживал, особенно, из-за нашего вице-командира. Ты должна немного знать о его прошлых поступках, — он шагнул ближе. — Порой, — он понизил голос, — я боюсь того, что он хочет обрушить на нас.

Эма напряглась, отклонилась, сохраняя расстояние между ними.

— О чем ты? Чего ты боишься?

— Конечно, — продолжил он, словно не слышал ее, — Тама не слушает, когда разговор заходит о вице-командире Назэ, несмотря на его мутное прошлое. И он отсутствовал в прошлом году, когда наши родители... — он сжал губы, качая головой, вздохнул с болью. — Ворчу о прошлом, которое не изменить. Порой я хочу лишь понимать брата лучше. Почему он доверяет тому мальчишке? — Сенмей посмотрел на нее, подняв руку. — Ради клана и моего брата, если ты увидишь что-то, хоть малейший намек, что он принесет нам беду, пожалуйста, я прошу лишь...

— Сенмей.

Холодный и низкий голос Назэ рассек комнату, как нож.

Эма попятилась от Сенмея, все внутри сжалось от предупреждения мужчины и появления Назэ в этот миг. Лицо Сенмея тут же стало безмятежным. Он улыбнулся, ладони скрылись в рукавах, он чуть поклонился.

— Вице-командир. Приятно, как всегда. Я тебе нужен?

Назэ посмотрел на них по очереди, на его безразличном лице появилась капля гнева.

— Лейтенант Мацукара, ты хотела поговорить со мной. Идем.

Духи, он ответил на ее просьбу. Но появиться в такой миг, перебив предупреждение Сенмея, его мольбу...

Неодобрительно поджав губы, Сенмей встал между ней и Назэ.

— Грубо врываться без приглашения, хотя тебе негде было учиться манерам.

— Хуже только врать.

— Врать? — Сенмей фыркнул. — Возмутительное обвинение. Ты знаешь куда больше меня.

— Да. Я знаю, когда кто-то говорит неправду.

— Ах, вице-командир. Тебе бы смотреть в зеркало, когда говоришь такое.

Назэ склонил голову, взгляд ожесточился.

— Замолчи, или я тебя утихомирю.

Что это было? Он защищал Сайтаму, но, похоже, не уважал его брата.

— Спасибо за еду, Сенмей. Я пойду.

— Конечно. Продолжим разговор в другой раз, — улыбка Сенмея не задела его глаза в этот раз. Присутствие Назэ испортило ему настроение.

Она пересекла комнату, прошла мимо Назэ, задев его. Дрожь пробежала по ее руке от контакта. Но она не замерла, даже когда услышала его шаги на половицах за собой.

— Лейтенант.

— Ты знаешь, что я уже не офицер, Назэ, — буркнула она поверх плеча. — Можно и убрать формальности.

— Мацукара, стой.

— Только если хорошо попросишь.

Молчание. Потом:

— Прошу, подожди минуту.

Эма замедлилась и повернулась к нему.

— Вот так, — она скрестила руки. — Это было так трудно?

Теплый ветерок летал по веранде, шевелил его длинные черные волосы, пока он смотрел на нее, хмурясь.

— Мацукара... — было странно слышать от него такое обращение, почти робкое. Он сглотнул, шагнул ближе и понизил голос. — Не оставайся больше наедине с Сенмеем.

— Но с тобой наедине быть можно? — она не винила его в предупреждении. — Между вами двумя что-то произошло?

— Тасо сказал, ты меня искала, — сказал он, игнорируя ее вопрос. — Назови причину.

— Ах, теперь ты хочешь говорить, — она скрестила руки. — Интересно, почему?

— Я знаю, что ты не стала бы тратить мое время по пустякам.

— Не стала бы, — особенно с этим его недовольным взглядом. — Кое-что случилось. Я

даже не знаю... — она склонилась. — У тебя есть причина сомневаться в чьей-то верности тут?

Он помрачнел, губы чуть приоткрылись. Миг колебаний. Ответ без слов.

Она вспомнила предупреждение Сенмея. Но, несмотря на загадочную и опасную ауру Назэ, она не ощущала тревогу с ним, как было с Сенмеем. Что бы между ними ни было, это что-то означало.

И Назэ не было среди заговорщиков — она хорошо знала его голос. Он не казался ей тем, кто стал бы хитрить. И Эма завела его в пустую комнату и рассказала все: о тенях в саду, деталях разговора и изменившемся сне с серебряными глазами и его отсутствием. Назэ молчал, пока она не закончила.

— Ты кому-то еще об этом рассказывала?

— Не. Я думала...

— Что только я тебе поверю.

— Да, — сказала она, он отошел. — Ты не удивлен из-за того, что я рассказала.

— Было бы глупо верить, что все тут верны командиру, — он повернулся. — Я проверю этот вопрос.

Она поклонилась, удивленная его желанием принять ее слова всерьез.

— Спасибо, что выслушал, — она выпрямилась, он хмуро смотрел на нее, на его лице было ошеломление. Это отличалось от его обычной строгости, и она невольно улыбнулась.

— Если ты соврала...

— У меня нет причины врать. И я думала, ты такое ощущаешь.

— Да.

— Хорошо. Тогда ты понимаешь мои тревоги...

— Не стоит переживать. Беспокойся о своем здоровье.

— И о том, как быть подальше от брата Саитами? — спросила она.

— Его одержимость ши-но-кагэ меня тревожит.

— Его одержимость? А ты? Ты знаешь о тенях больше всех.

— Я знаю достаточно, чтобы видеть, что его намерения опасны.

— Опасны? — может, если те горы книг и бумаг упадут на спящего, это будет опасно.

Но она не видела вреда в интересе Сенмея, даже если это граничило с одержимостью. — Если ты так переживаешь, почему не помогаешь ему? Ты ему не доверяешь?

— Я никому не доверяю.

— Даже своему командиру?

Глаза Назэ расширились от этого.

— Не лезь к Сенмею. И не говори о тенях. Ни с кем.

— Или что? Что ты пытаешься скрыть? Почему ты не...

Боль обожгла живот. Она охнула, отшатнулась к стене. Звезды плясали перед глазами, рана пульсировала под ладонью. Высокий вой заполнил ее уши.

Половицы скрипнули. Пара ног в сандалиях. Черное кимоно. Эма поднялась взглядом по худощавой фигуре Назэ, мимо мечей на его поясе, черный шарф свободно висел на его шее, лицо было как из камня. Но глаза были наполнены решимостью, от которой ее пальцы дрожали, желудок делал сальто. Холодный пот стекал по ее шее.

Она надавила на него, и теперь он избавится от нее раз и навсегда.

Он смотрел на ее живот, вытянул руку. Эма напряглась, подвинулась. Она не могла позволить ему...

— Не шевелись, — сказал он, его тон был слишком мягким для того, что он собирался сделать. — Прошу.

Рана снова вспыхнула, и она охнула. Он шагнул ближе, опустил ладонь поверх ее. Холодные искры покалывали на ее коже. Она поежилась, сердце гремело в груди. Он это слышал? Он был так близко, но недостаточно. Она хотела... ей было нужно...

Нет. О, духи, нет.

Она точно сходила с ума.

Это явно был эффект того проклятого лекарства. Другого повода не было...

Он скривил губы, стиснул зубы, его глаза закрылись.

— Назэ? — прошептала она и охнула, дернулась вперед в его хватке. Зажмурившись, она прижалась лбом к его плечу, прикусив губу от боли. Запах дыма от его кимоно наполнил ее нос, удерживал ее на земле. Он держал ее, пока ее сотрясали волны агонии. Ее сердце, казалось, могло взорваться, хотя она не знала, было дело в боли или его неожиданной помощи.

А потом боль утихла до слабого пульсирования. Она прислонилась к стене. Его хватка осталась, нежная, но твердая. Близко, словно...

— Сама стоять сможешь? — прогудел голос Назэ ей на ухо, теплая дрожь проникла сквозь его обычный контроль. Его тело дрожало под ее ладонями.

Что он сделал? Она с раздражающей неохотой выбралась из его рук, отодвинулась, переживая из-за чувств, сотрясающих ее.

— Да, — выдавила она, поймала его взгляд, и он развернулся и вышел из комнаты. Его глаза казались тусклее, почти серыми.

Эма коснулась ладонью лба, мокрого от пота. Ее сердце еще колотилось, без его прикосновения она ощущала неожиданную пустоту. Словно часть нее унесли с ним.

Она вышла за ним, он смотрел на маленький двор.

— Ты... в порядке?

— Да, — но он не посмотрел на нее, сжимал перила.

Она кашлянула, встала рядом с ним на расстоянии. Прикосновение к нему вызывало приятные ощущения, и это не стоило повторять.

— Сенмей верит, что на мне метка смерти, что я выжила по какой-то причине, — он не ответил, Эма покачала головой. — Ты должен что-то знать. Хоть немного расскажи. Помогги понять...

— Тебе не понравится то, что ты увидишь, — его глаза снова сияли голубизной, посмотрели в ее глаза. — Лучше все оставить так.

— Как можно так говорить? Не нужно делать выводы за меня. Тут что-то происходит с этими не убиваемыми тенями и безумными снами, — его лицо осталось каменным. Духи, она хотела убрать эту маску. — Что за связь между нами, Назэ? Почему ты в *моих снах*? — но ее слова падали, он уходил без ответа. Его шаги стучали в такт с ее сердцем. — Назэ! — она бросилась вперед, но ее голова закружилась. Сжав перила, она зажмурилась, чтобы не упасть.

Он должен был знать, как его молчание злило, особенно после того, что он сделал мгновения назад. Метка могла быть связана со снами? Нет, они были у нее намного раньше, хотя теперь сны стали ярче. Это был знак, что ее смерть была близко, или что ее накажут за жизни, которые она забрала? И почему они с Назэ видели общие сны?

Она прислонилась к деревянной колонне, призрак его прикосновения остался на ее

теле. Не было смысла бояться неизбежного. Смерть не была для них загадкой. И они не собирались сдаваться.

Эма прижала ладонь к животу, пока смотрела ему вслед.

Духи, чего тогда он боялся?

Еще письмо в столицу — его последнее.

Саитама завернул его, хмурясь от тщетности этой затеи. Император Ичиго уже не защищал Хинаэ, позволял сыну распалить огонь раздора между кланами.

Какие кланы еще сохранили силы? Как мог Ичиго ничего не предпринять за это время? Ничего не заявил, только издал указ оставаться верными двору императора — ему. Но он никак не помогал тем, кто был ему верен.

Императору вообще было дело до этого?

Кланы потеряли что-то между собой по пути, даже до принца Ичиё. Он схватил семена недоверия и использовал их для своих целей. Он не действовал в добрых целях, а под маской объединения страны достигал свои цели насилием. Были способы лучше. Отец часто говорил о своем видении страны.

Жаль, Саитама не слушал внимательнее, пока он был еще жив.

Саитама запечатал письмо, вышел в коридор и отнес его в кабинет курьера. Переписка замедлилась, ведь союзники пропадали. Сегодня ничего нового не пришло, было лишь его письмо — напоминание, что они были одни.

Желудок заурчал, он остановился у кухонь. Кивнув слугам, он схватил два свежих рисовых шарика.

Один себе.

И один Мацукаре.

Она была с ними уже неделю. Кроме странного отчета Акито о беспокоящем разговоре, который она слышала, который усилил его тревоги, он не получал других тревожных отчетов. Конечно, она была умелой убийцей, у нее был опыт шпионажа, как и говорил Тоджиро. Он не мог удивляться, что она «случайно» подслушала что-то. Но Акито объяснил, что она сразу же сообщила ему, значит, она подслушала нечаянно. Акито знал о его тревогах и не делился бы с ним ничем опасным так спокойно.

Значит, Акито верил ее искренности.

«Признание честности — еще не доверие».

Но это был шаг к доверию.

Гул цикад заглушал его шаги. Жар полудня перешел в ранний вечер, темнеющее небо не обещало облегчения. Ночь будет жаркой. Пот выступил на его шее и груди, он повернул к дальней части здания.

Она сидела у своей комнаты, одетая в бледно-голубую юкату, ее ноги свисали с края веранды. Он на миг не смог увидеть в женщине перед собой яростного воина, какой ее знал. Она подняла голову, когда он подошел, карие глаза встретили его взгляд, не дрогнув. Ее волосы растрепались, обрамляли лицо, щеки порозовели в свете фонаря. Она не была робкой, да? И почему она смотрела на него так, словно пропасть неуверенности между ними не имела значения?

Он сглотнул, подавляя предательские мысли, проникшие в разум. Даже если Черный Шип окажется его важным союзником, он не будет видеть ее как-то иначе.

Контроль. Если Акито мог, сможет и он.

— Командир.

Она хотела встать, но он поднял руку. Он спустился по лестнице в сад, а потом

склонился к ней и протянул рисовый шарик.

Ее глаза чуть расширились, и он невольно ощутил укол удовольствия, что удивил ее жестом.

— Бери, — сказал он. — Мне одного хватит.

Она приняла еду с осторожной благодарностью, опустила руки с угощением на колени, слабо улыбнувшись.

— Чем обязана? Кроме онигири.

Он пожал плечами.

— Я просто проходил мимо, — ему было интересно, как шло ее выздоровление. Мацукара выглядела уже лучше. Ее лицо было не таким бледным. Даже ее глаза казались ярче. Саитама замечал, как она гуляла по поместью, почти не хромя. Доказывала умения Сенмея. Это было удивительно, учитывая ее жуткую рану.

Почти слишком удивительно.

— Ясно. Это все? Допроса не будет? — он заметил, как ее губы изогнулись, а тон был едким.

Смелая девица.

— Если только не хочешь в чем-то стоящем признаться.

— Не хочу, — она посмотрела на сад и вздохнула. — Тут красиво, кстати. И тот пруд с кои чудесен. Я такой еще не видела как часть поместья.

Грудь Саитама сдавило от упоминания пруда — это было любимое место его матери в поместье.

— Это была уникальная часть земель несколько поколений.

Она кивнула.

— И все ухоженное, как и все поместье, — она попробовала онигири и тихо вздохнула, вызвав трепет в его теле. — Так вкусно. Спасибо, что подумал обо мне.

Он отклонился на край веранды лицом к саду.

— Как я и сказал, взял лишний.

— Конечно.

Они ели в тишине, и он неожиданно ощутил, что расслабился. Саитама посмотрел на ее ноги, покачивающиеся рядом с ним, укутанные в голубую юкату. Ее босые ноги выглядывали из-под края.

— Акито сообщил мне о разговоре, который ты слышала, — он говорил тихо, не зная, кто мог смотреть или слышать. Он не должен был ощущать себя так дома.

— Надеюсь, я ошибаюсь, но я не могла молчать, — она потерла ладони и провела ими по бедрам. — Но меньше обо мне. Я знаю, что не всем нравится мое присутствие. Но я знаю, как опасны тайны, как и ситуация, в которой вы оказались.

Саитама скрестил руки на груди, повернулся к ней.

— Спасибо, что учитываешь нас. Но почему ты пошла к Акито, а не ко мне? Содержимое нас встревожило.

Если она была удивлена, она не подала виду.

— Я понимаю, что ты спрашиваешь. Назэ и я... наша прошлая связь.

— Да, это тоже. Ты знаешь, что он бывает загадочным.

Смешок сорвался с ее губ.

— Прости. Да, это правда.

Он скрыл свою неожиданную улыбку, сохранял голос ровным.

— Продолжай.

— Назэ нашел меня в Нагеями-то. Нашел меня первым, — она слабо улыбнулась. — Он обнаружил, что Тайшо и Фракция уже тайно объединились год назад. Ноэ хотел его смерти от моей руки. Но Назэ не убрал угрозу, а дал мне шанс, раскрыв правду. А позже нас обманом завели в засаду, и он помог мне, она сделала паузу, — сцепив ладони на коленях. — Это казалось шансом отплатить ему за доверие.

— Ты в долгу перед ним.

Мацукара приподняла брови.

— Он не ожидает от меня ничего, если ты об этом.

— Возможно, — может, он переживал из-за того, чего не было. Ей было логично идти к человеку, которого она уже знала, особенно, раз он ей помог.

— Командир, мы можем развеять оставшиеся сомнения?

— В смысле?

Она склонилась и сжала пальцами край половиц, посмотрела на него, прищурившись.

— Настоящая причина, по которой ты хочешь, чтобы я оставалась тут.

— Думаешь, у меня есть скрытые мотивы?

— Твои слова.

Он фыркнул.

— Чем я заслужил такие обвинения?

Она помрачнела.

— Я уточню. Исследование твоего брата о ши-но-кагэ. Что он пытается достичь?

Его шею покалывало, словно холодные пальцы задели его кожу. Зачем Сенмей показал ей свою работу, хотя бы немного? Редкие знали правду о существовании теней. Его так очаровало ее участие в этом, что он не соображал? Он уже говорил Сенмею держаться на расстоянии, кроме ее лечения.

— Сенмей хочет добра. Он всегда хотел знаний больше всего. И чем сложнее их добыть, тем больше он их хочет, — Он всегда таким был. «Книги выше мечей», — часто говорил он.

— Потому ты настоял, чтобы я осталась? Чтобы утолить жажду брата до знаний? — она нахмурилась. — Я — диковинка для вас двоих? Вещица, которую можно пожалеть, а то и *использовать*? Прости, но мне этого хватило, — она поднялась на веранду и нависла над ним.

— Погоди, — он поднялся и встал лицом к ней. — Не в том дело, — что сделал Сенмей, что она так злилась?

Мацукара держалась на расстоянии.

— Да? Он показал мне свои исследования. И я видела пыл в его глазах. Он сказал, что выжила только я. Это что-то означало для него, — она скрестила руки. — Я понимаю, что он — твой брат. Но я должна слушать свои инстинкты, и с ним что-то не так.

Жар вспыхнул на его щеках.

— Он чуть не упал от усталости, чтобы спасти твою жизнь, и ты так говоришь о нем? Помни, ты говоришь о *моей семье*, — Сенмей не мог никому навредить. Он всю жизнь исцелял, гордился этим талантом, это была его цель в клане. — Ты не знаешь его, как не знаешь меня. И если ты так легко принимаешь доброту за угрозу, почему не уходишь? Ты уже можешь ходить. Никто тебя не остановит.

— Интересно, командир, что ты еще ни слова не сказал о ши-но-кагэ, хоть тень чуть не убила нас. При этом Сенмей почти отчаянно хочет поделиться со мной своей работой.

— Ладно. Я вижу, что тебя это беспокоит. Давай поговорим о том, как ты остановила тень, как выжила и почти вернулась в норму.

— Я ее не остановила. Я не знаю, почему она убежала, но иначе мы уже были бы мертвы, да?

— Ты напала на нее без колебаний, словно не боялась, — он пересек расстояние между ними. Был опасно близко. Он ощутил ее запах, приближаясь, словно ароматные цветы под летним небом. Он стиснул зубы от глупой мысли. — Ты хоть чего-то боишься?

Она разглядывала его лицо, ее карие глаза пронзали, и на щеках появился румянец, что его радовало, хоть и было неожиданным.

— Все чего-то бояться. Но я не боюсь смерти.

Кем она была? В одну секунду крепкая, в другую — уязвимая и женственная. Не изящный цветок, но и не сталь.

Потому он держался на расстоянии.

А теперь между ними почти не осталось места.

— Смело так подходить к убийце, — сказала она, в голосе гудело предупреждение. — Ты знаешь, что я могу с тобой сделать, верно?

— Расскажи мне.

— Еще шаг, и я все покажу.

— Вот как?

Она нахмурилась.

— Не недооценивай меня, командир. Я не просто так получила то прозвище.

Она была без оружия, но ее рот сыпал угрозами.

И он хотел больше.

Его сердце гремело в ушах, искушение попробовать ее кипело в его теле. Он посмотрел на ее губы, поднял взгляд и уловил удивление в ее глазах.

О чем он думал?

— Оставайся или уходи. Мне все равно. Но не попадайся мне.

Саитама повернулся и пошел прочь, ругая себя за то, что думал о таком. Он не имел права угрожать ей. И не стоило давать интересу управлять его действиями.

И она это увидела.

Когда Саитама добрался до своих покоев, стемнело, и луна озарила все нежным сиянием. Ее спокойное присутствие говорило с ним, как всегда, подавляло бурю эмоций внутри него. Что так влекло его в ней?

Нет, он знал. Он винил Сенмея в том, что он вложил идею, что она может стать союзницей. Даже если она боролась с Ноэ, зачем ей присоединиться к ним? Особенно после того, что ее клан сделал с ней.

Он провел рукой по волосам. Они пересеклись на миг, и этот миг пройдет, как цветение вишни весной. Они ничего не были друг другу должны, и потому он сдержит слово и позволит ей свободно уйти, когда она будет готова.

Но его грудь все еще была сдавлена.

Саитама посмотрел на луну с ее бесконечным спокойствием. Хоть видно было лишь половину, ее свет оставался мягким и чистым. Никто не мог ее предать или испортить этот свет своими ошибками.

Никто не мог коснуться луны.

С визита Сайтамы Эма держалась своей комнаты, отказалась от лекарств Сенмея, и от этого рана ощущалась неприятно натянутой.

Оставайся или уходи.

Хоть его слова задевали глубже, чем она ожидала, она узнала их. Хуже, она поняла жалкую правду в них.

Всю жизнь у нее была ясная цель, роль, ожидания.

Теперь она была ветром в пустом поле без цели.

Духи, все было так плохо?

Как-то Эма столкнулась со схожим выбором. Остаться с Тайшо после того, как они раскрыли свои истинные краски, было бы простым путем. Она осталась бы с жизнью, которую когда-то считала правильной. Но она оставила все позади, не хотела, чтобы ее использовала Фракция. И из-за этих убеждений она страдала, не могла нанести хороший удар по Фракции.

Простым ответом было уйти. Эма ничего не была им должна, как и они ей. Сайтама дал ей выбор, значит, как-то принимал ее, даже если условно. Но как она могла отвернуться от этих людей, зная, с чем они скоро столкнутся?

Может, она могла тут что-то изменить, где ее клан проиграл. Она и Сайтама совпадали в их мнении насчет Фракции, и это было началом.

Сайтама принимал возможное разрушение, но все еще держался за свои убеждения. Это делало его куда лучшим командиром, чем был ее прежний. А она когда-то равнялась на Тайшо.

А еще был вопрос ши-но-кагэ, о которых знали Назэ и Сенмей. Черная метка и ее быстрое выздоровление явно были связаны, как и сны с Назэ и всем остальным. Но что все это означало? И, что важнее, могли ли они найти способ остановить тени? Это звучало невозможно, но та тень пропала, не убив ее, и она выжила.

Кстати о движении, ей хотелось прогуляться, чтобы размять тело и прогнать мысли.

Эма встала и вышла наружу, глубоко вдыхала летний воздух, свежий и теплый, как фрагменты лучших дней. Облака покрыли почти все небо, защищали от жаркого солнца. Ее косодэ липло к груди, пот покрыл лоб, пока она обходила поместье по кругу. Те, с кем она пересекалась, почти не реагировали на нее, но она ощущала спиной их взгляды.

Пусть смотрят. Те, кому не нравилось ее присутствие, ругали ее почти без причин.

Тень мелькнула на земле. Эма застыла, тень свернулась, как ленивая дымка, замерла и снова стала плоской. Дрожь пробежала по спине Эмы, мурашки появились на руках.

Ши-но-кагэ?

Эма насторожилась, продолжила, но ничего не ощущала и не видела.

Странно.

Она прошла к тренировочной площадке, заметила сияющие клинки нагинат, движущиеся в унисон. Она вспомнила маму, как та управляла этим оружием по традиции, а не для боя. Но маме пришлось один раз использовать те навыки в бою...

Качая головой, чтобы заглушить старые мысли, она прошла ближе, смотрела, как тренировались Хацуки и ее отряд. Сестра Хаганэ была прирожденным лидером, ходила перед девушками и называла приемы. Их быстрые движения и почти идеальное исполнение

показывали, что они долго работали вместе. Это напоминало ей о ее отряде. У каждого была своя роль, они работали командой, чтобы выполнить миссию.

Казалось, это было вечность назад.

— Эмамори!

Хацуки помахала и подбежала.

— Прости, надеюсь, ты не против, чтобы я тебя так звала. Я не очень хороша с формальностями.

— Не против, — она кивнула на девушек. — Они в отличной форме. Я давно не видела нагинату в действии.

Девушка улыбнулась.

— Мы как сестры. Особенно, Марико, Наруэ и я. Были вместе годами. Ах, точно. Ты же говорила, что твоя мама тренировалась?

Эма кивнула.

— Командир Тайшо не любил полагаться на женщин в армии, хотя у нас было несколько умелых, — и она была одним из нескольких исключений.

— Похоже, он был козлом.

Было такое.

— Думаю, он хотел как лучше для клана, — и тогда она не сомневалась в его решениях.

— А ты? Ты же Черный Шип.

Эма отвела взгляд, вспомнив тяжелые ранние годы.

— Я тренировалась сама, пока не смогла одолеть всех, кого они отправляли ко мне. Командир Тайшо что-то увидел во мне, — шанс, а не искреннее желание помочь, — и изменил мои тренировки.

Хацуки оперлась о нагинату, скрестив ноги.

— Слухи о тебе доходили даже сюда. Хоть Черного Шипа всегда считали мужчиной, — она рассмеялась и вздохнула. — Порой они серьёзно недооценивают нас, да?

Было приятно говорить о таком с другой женщиной. У нее не было подружек, кроме матери и нескольких друзей детства. Когда она взяла меч, она осталась одна. Конечно. У нее был Рё, но это было другим. Общение с Хацуки напоминало ей, как мало женской дружбы было в ее жизни.

— Это даже хорошо, — она усмехнулась. — Их можно застать врасплох, да?

— Ха! Точно, — она позвала отряд, закончивший упражнение, и дала им перерыв. — Я слышала от Хаганэ, ты как-то раз билась с Акито. Серьезно, лицом к лицу.

— Ах, да. Это немного сложно, но...

— Верю. Превзойти его — как поймать ветер, — она склонила голову. — Мы бились с ним в тренировках. Казалось бы, с этим у меня должно быть преимущество, — она постучала нагинатой по земле, — но его ловкость и умения недостижимы для нас. Повезло, что он на нашей стороне.

— Эй, Цуки!

Они повернулись. Один из юных офицеров с собрания шел к ним, его дружелюбные глаза окинули взглядом Эму, потом сосредоточились на Хацуки.

— Помнишь Тесуке? — спросила она у Эмы и улыбнулась мужчине. — Эй, я думала, у тебя сегодня патруль.

— Уже закончил. Хаганэ подхватил отряд. Добрый день, лейтенант, — он поклонился ей и выпрямился, улыбнулся Хацуки. — Ты идешь с нами ночью?

— Да, но только если в этот раз пойдет Таки. Марико была разочарована...

— Вот и нет! — закричала Марико.

— Она врет, — тихо сказала Хацуки. — Если Таки не пойдет, он от меня получит, ясно? Тесуке поднял руки.

— Эй, не мучай его, ладно? Ему только этого не хватало.

— О? И что ты имеешь в виду, Харияма?

Он взглянул на Эме.

— Ты понимаешь, о чем я, да?

Эма покачала головой, смеясь.

— Прости, ты тут один.

Они игриво перепирались, и сердце Эмы болело от ностальгии. Те времена между миссиями и тренировками, когда она, Рё, Ота, Сабуро и другие ходили выпить, шутили и смеялись вместе. Она ощущала это между Хацуки и ее отрядом и Тесуке. Как давно у нее не было тех, кого она звала своей семьей, друзьями, а Рё...

— Может, командир Рен пустит тебя.

Эма отвлеклась от воспоминаний и пожалала плечами.

— Возможно, — она не была готова давить, когда все между ними было неясным. — Я ценю предложение, но не буду мешать вам.

Они болтали еще немного, и Эма помахала им и пошла в свою комнату. Тренировка группы Хацуки вызвала старую тоску. Она скучала по своим мечам. В этом странном времени восстановления она почти смирилась с их отсутствием. Но если Сайтама хотел принять ее поддержку, ему придется поверить ей немного сильнее.

Холод ударил ее по груди так резко, что она согнулась. Рана болела в ответ, вспыхивала, пуская мороз по ее телу.

Ши-но-кагэ. В этот раз она была уверена. Ощущения до этого меркли, по сравнению с этой силой, схватившей ее, зовущей ее...

Крики зазвучали снаружи, а за ними знакомый шум хаоса. Эма вышла, увидела десятки людей, бегущих во все стороны, солдаты хватались за оружие.

Она поспешила к вооружившимся солдатам, идущим к главным воротам. Капитан Окуро был там, отдавал приказы и управлял потоком людей в поместье. Раненого уже уносили внутрь.

— Вы тут не должны быть, лейтенант, — заявил он. — Или решили помочь друзьям из Фракции?

— Простите, что разочарую, но мы с вами на одной стороне.

Он цокнул языком.

— Разве? — он отвернулся, чтобы отдать приказы приближающемуся отряду. — Если хочешь помочь, не мешайся. Командиру Рену не хватало, чтобы ты бегала по городу.

— Да, капитан? — Сайтама подошел, мрачно глядя на Окуро. — Думайте о своем долге. Там умирают люди.

Окуро фыркнул, но послушался.

Сайтама повернулся к ней и протянул меч в ножнах, смотрел на нее темными глазами с высоты своего роста.

— Ну? Бери, — он сунул меч в ее руки. — Им нужна вся помощь, так что если ты туда идешь, вперед, — он пошел прочь, отдавая приказы солдатам.

Эма сжала меч, гладкая поверхность ножен была прохладной. Не ее, но намек был ясен.

— Ты его слышал. Отойди, капитан.

Окуро пожал плечами, словно ему было все равно.

— Я заранее извиняюсь, если ты думаешь, что я погибну. Это не случится.

— Наоборот, лейтенант. Мне твоя смерть не нужна, — он вскинул голову, отвернулся и отдал приказы еще одной группе людей.

Фракция была угрозой, но ши-но-кагэ пугали сильнее. Они были в городе, тянули ее к себе, зацепившись притяжением за ее грудь.

И она встретится с ними. Она, как воин, не станет прятаться, как черепаха в панцире, даже если это означало смерть.

Она пошла на зов среди хаоса.

* * *

Крики боли сотрясали воздух, признаки жестоких смертей.

Черная вуаль закрыла солнце, сделала день тусклым, как перед грозой. Улицы города были незнакомыми, но холод в ее теле она знала. Она шла по переулкам без названий, ее вело притяжение тени, пока она не наткнулась на первые признаки боя.

Разбитые прилавки и обломки усеивали улицу, кровь запятнала землю. Солдаты уносили раненых в безопасность, пока другие жители убегали в панике.

Стиснув зубы, Эма шла дальше, ноги стучали по узкой дороге, ведущей глубже в город. Ей уже было тяжело дышать. Хоть она быстро восстанавливалась, ее состояние все еще было нестабильным.

Поднялось больше криков, они были громче и отчаяннее. Где они были?

Эма завернула за угол и застыла.

— О, нет...

Неподвижные тела лежали на улице. Та же жуткая смесь красной и черной крови, как в Канаэ-мачи, залила тела. Запах горелого гнилого мяса и медной крови ударил по ней, вызывал тошноту, оттолкнул на шаг.

Эма оторвала взгляд, ее сердце сжалось от жуткой сцены. У них не было шансов.

— Цуки, осторожно!

Крик раздался близко. Эма устремилась к ближайшим воплям и звону оружия. Еще узкий переулок, и она попала на залитую кровью улицу среди звона стали.

Несколько мужчин в лохмотьях атаковали женщин с нагинатами. Дерганые движения отличались от плавных ответов противниц. Даже грязные и в дырах, синие хаори отмечали их как сторонников Фракции. Она заметила Хацуки в группе, она билась с налетчиками.

Эма приблизилась за ними и бросилась на ближайшего врага, ударила мечом по его спине. Он упал на колени с криком, Хацуки пронзила его клинком нагинаты. Вырвав оружие, Хацуки толкнула его на землю ногой, Эма отскочила. Он упал на землю, извиваясь, красная и черная кровь брызнула на землю.

Черное... так много черного...

Ее бок болел, рана пульсировала. Она точно откроет рану до конца боя. Но холод рос, звал ее...

— Эма! — крик Хацуки привел ее в чувство.

— Есть! — она подняла меч и остановила удар шатающегося нарушителя, отогнала его от отряда Хацуки. Тусклые глаза посмотрели на нее, и видя ее. Она поежилась, ударила мечом по его груди. Красно-черные брызги попали на ее лицо и руки.

Ноги шаркали по земле за ней. Эма повернулась, еще три врага выбежали на улицу и

попытались поймать их. Она взглянула на отряд Хацуки, кривясь от боли в мышцах и животе. Они добивали последних нескольких врагов, которые отказывались падать.

Эма встретила атаки налетчиков. Затуманенные черные глаза. Раскрытые рты. Что было с этими людьми? Им дали какое-то вещество? Их удары были сильными, но без скорости и навыков. С ними будет просто...

Стойте. Эти хаори...

Серые. Как у Тайшо.

Нет!

Эма уклонилась от удара. Рукав врага был порван, но символ цветка сливы отмечал ее бывший клан.

Духи, что...?

Она отскочила, уклоняясь от сильного взмаха, бросилась влево от двух других врагов. Эма опустила вакидзаси, ударила по его открытому правому плечу. Он с рычанием отпрянул.

Она охнула. Проклятье, она уже потратила слишком много сил.

Марико бросилась от тех, которые они одолели, ее нагината пронзила бок налетчика, высвободила оружие и напала на следующего. Хацуки и Наруэ вскоре присоединились, и они вместе быстро разобрались с оставшимися людьми. Они падали по одному.

Тайшо.

Она даже не подумала... Конечно, это было логично, но видеть их участие в атаке...

— Эма! Ты в порядке?

— Да, — она стряхнула кровь с меча. — Ты?

— Да. Напали на нас из засады...

Жуткий вопль разорвал воздух, пронзая ее разум. Что-то полетело по воздуху к ней из-за зданий вокруг.

Что это было?

Эма бросилась в сторону, повернулась, что-то упало на землю со стуком, проехало и врезалось в разбитую телегу.

Рука. Целая рука, отрубленная у плеча, ладонь еще сжимала меч.

Ее мутило, рот наполнил едкий вкус рвоты. У них не было шансов против этого! Она видела и раньше оторванные части тел, кровь, но дикое насилие испытывало ее решимость. Рука была оторвана от тела и выброшена, как мусор.

Холод сжал ее сердце, сдавил сильнее, чем раньше.

Это явно была их работа. Она ощущала их близко.

— Я иду, — она указала на другой переулок. — Ты справишься?

Хацуки кивнула, глядя на отрубленную руку перед ними.

— Не смей умирать, — она выругалась и махнула рукой. — Ты знаешь, о чем я. Мы идем, — она кивнула и побежала с отрядом по дороге.

Эма прошла в длинный узкий переулок, следовала за притяжением, которое будто вело ее ноги.

— Цуки, идет еще больше! — далекий крик ударил ее по сердцу, но ей нужно было идти. Хацуки и ее воительницы были крепкими, как мужчины. Эма ощущала свои пределы, ложная надежда на быстрое восстановление разваливалась с отчаянием. Ей нужно было снова увидеть ши-но-кагэ. Ей нужно было понять, почему они делали это, почему она их чувствовала. И, может...

Она застыла в конце переулка, посмотрела на маленькую площадь, кровавые тела и

разрушения пугали ее.

И в центре огромная тень нависала над ползущим мужчиной, кровь лилась из разорванного плеча. Кто-то закричал ругательства на существо, пытаясь увести его от раненого.

Хаганэ!

Лицо было в крови, рукава — изорваны, открывая окровавленную плоть.

Тень игнорировала его, провела длинными когтями по спине мужчины. Брызги крови окропили землю вокруг его тела. Мужчина рухнул, содрогаясь. Существо окутало его на миг, а потом встало...

...и бросилось к Хаганэ.

Сердце гремело в груди, Эма побежала из переулка к тени. Существо замедлилось и попятилось от ее появления.

— Эма!

Грудь Хаганэ вздымалась, он смотрел большими глазами, сжимая в руке меч. Ее взгляд скользнул мимо смеси тел в синем и коричневом. Сколько уже отдали души из-за голода Смерти? Духи, почему это происходило? И она не успела это остановить.

Нет. Она подавила страх, подняла голову, чтобы снова встретиться с ши-но-кагэ. Промедление означало смерть, и если она выжила раз, то...

Она шагнула к жуткой огромной тени, была еще ближе к черной пустоте, беззвездному ночному небу. Бесконечные, как в ее снах, маленькие тени преградили путь, поймали ее, удерживали ее...

Чужие чувства пронзили ледяными щупальцами ее грудь, усталость с гневом и яростью. Эма уперлась ногами и стояла, вес меча в руке утешал. Это чувство... этот утомленный гнев вокруг ее сердца... Не ее, но знакомый.

Если она ощущала эмоции тени, тень ощущала ее?

Она шагнула ближе. Кто-то снова позвал ее по имени. Тень замерла, стала выше, потом выпрямилась и завизжала.

Шаги стучали по земле. Хаганэ затормозил рядом с ней, закинул меч на свое плечо.

— Хаганэ, — тихо сказала она, — тебе нужно уходить отсюда.

— Какой из меня мужчина, если я оставлю тебя биться с этой штукой одну?

— Ты ранен.

— Как и ты, — он улыбнулся, хоть на лице и волосах была кровь. — Есть идеи?

— Их не убить нашим оружием. Потому тебе нужно идти, — а потом она ощутила что-то еще. Едва заметное за гневом. Тоска...

Ледяной холод пробежал по ее спине. Черные тени полетели по земле, слились, устремившись за них. Она повернулась, пошатнулась, испуганно охнув.

— Хаганэ!

Они бросились в стороны, вторая тень обрушилась между ними, жала холодом. Тень повернулась и бросилась к Хаганэ. Он повернул мускулистое тело, направил меч сквозь щупальце тени. Существо закричало, но от злости, а не боли.

Ее сердце гремело от ярких эмоций. Почему она знала, что ощущала тень?

— Эй! Сюда, ходячий кошмар! Ты бьешься со мной! — Хаганэ бросился вправо, уводя их от нее.

— Нет...!

Он подмигнул, отскочил от самой большой тени. А потом бросился, направив все тело в удар.

Удар рассек только воздух.

Хаганэ остановился и повернулся к тени. Вторая приближалась. Меньшие тени поднимались, окружая его. Грудь вздымалась, он метался между ними.

Нет, он не умрет из-за нее!

Она побежала за ним, бросилась сквозь вторую тень, зубы стучали от холода. Большая тень поднялась, потянулась длинной рукой, быстро опустила ее.

— Осторожно! — она бросилась, но тень была слишком быстрой, а Эма была далеко.

Треск от контакта ударил ее по ушам. Стон боли Хаганэ пронзил ее сердце, он покотился по брусчатке, врезался в стену здания. Дерево трещало от столкновения, его голова покачнулась, глаза закрылись.

Он не двигался.

Нет....

Тени слились в одну, закричав, и напали на Хаганэ. Черная пасть открылась, тьма приближалась к нему. Она окутает его и поглотит его душу. Он будет потерян навеки, как другие.

Она бежала изо всех сил, кричала от агонии, терзающей тело. Эма бросилась перед ним, встала между Хаганэ и тенью.

— Хватит! — закричала она, хоть это было безумно. Словно эти существа станут ее слушать.

Но тень замедлила наступление. Она... слышала Эму?

А потом она оказалась в воздухе, лед опалил живот, она рухнула на спину. Пыль и тень мешали видеть. Но она ощущала гадкое гнилое дыхание тени, нависшей над ней, коготь прижимал ее к земле. Она толкала коготь. Почему он был твердым? Он не сдвигался, край давил на ее рану. Эма скривилась, глаза слезились. Гадкий воздух дул на нее, и ее мутило. Она стонала, толкала, пыталась вырваться, но без толку. Желчь поднялась в горле. Тень давила сильнее, прижимала ее, пронзая холодом. Она не могла дышать. Ее тело дрожало, и даже кровь стала остывать. Сердце гремело в ушах, заглушая все, кроме ее грядущей смерти.

Тень медлила. Хотела, чтобы она страдала.

Стойте... нет. Она не пыталась причинить ей боль? Не намеренно.

Что...?

Тень смотрела на нее, черное тело закрывало солнце и небо, опустилось, чтобы укутать ее.

Проклятье!

Эма боролась с когтем, пока тень поглощала ее. Тень смерти. Она хотела убить, поглотить ее душу. В этот раз она не сбежит. Это был конец.

— Эма...?

Рё? Она точно была при смерти. Слышала голоса из прошлого...

Она вдохнула холодный воздух, замораживающий легкие, жалящий внутри.

Так ощущалась смерть? Может, она происходила так быстро, что душа не успевала понять. Это были ее последние мысли?

Любопытство. Неохота. Тьма.

Она теряла себя...

Точки света появились вдали, незнакомый гул, смех ребенка и какофония голосов, которые говорили одновременно, а потом утихли. Бесконечная тихая пустота. Ничего.

И все дрожало — она дрожала — и любопытство сменилось страхом и гневом. Тьма поднялась, и внезапный свет неба ослепил ее. Она... была еще жива?

Черное пятно пронеслось над ее головой, раздался визг боли. Черная жидкость вылетела из тени, дымясь, залила землю вокруг нее с жуткими шлепками. Жидкость стала кристаллами и испарилась, оставив черный пепел на ее теле. Давление пропало, коготь исчез. Эма откатилась, встала на корточки рядом с Хаганэ, сжала меч дрожащей рукой. Она повернулась.

Назэ.

Эма резко вдохнула. Он стоял перед тенью, лицо было в черной жидкости, глаза яростно пылали, голубые радужки были ярче, чем когда-либо. Он пугал даже сильнее, чем когда она встретила его в ту ночь в Айзен-мачи.

Он выглядел как демон.

Тень ударила. Назэ двигался без усилий, удивительно быстро, легко избегал атак ши-но-кагэ. Его длинные черные волосы вырвались из шнурка, он повернулся, опустился на колени и прижал ладонь к земле.

Ши-но-кагэ с последним воплем растаяла, словно ее засосало в землю. Темная вуаль на небе растаяла, и полуденное солнце озарило резню, оставленную тенями.

Тишина.

Эма повернулась к Хаганэ. Его грудь медленно вздымалась и опадала. Она коснулась его лица в крови. Живой, слава духам. Она скользнула взглядом по телам, солдатам Рен, жителям и врагам из Фракции. Это было на улице. Сколько людей погибло в городе?

Эма прижалась к стене и встала, держась за живот, кровь текла сквозь пальцы. Отголоски любопытства и колебания тени мерцали под ее кожей.

И Назэ....

Она повернулась к нему, потрясенная его спокойными движениями, пока он шел к ней. Его гнев рассеялся с тенями, волосы были распущены, и он был не таким, каким она его знала. И серые глаза, как в тот день...

— У тебя кровь течет.

Это было не так важно после всего этого.

— Где ты был? Как ты их остановил? Почему ты не... этих людей можно было спасти...

— Были другие. Я не могу быть всюду сразу.

Она опешила.

— Другие? Их было больше?

— Мацукара, это мое бремя.

— Бремя? — Эма стиснула зубы и посмотрела на него, щурясь. — Это был ты в онсене, да? Ты остановил тень. Ты знаешь, как их остановить!

— Все не так просто.

Эма взглянула на Хаганэ, тот начинал шевелиться у их ног.

— Я ощущала их, — прошептала она Назэ, придвинувшись ближе. Резкий запах крови бил по ее ноздрям. — И я слышала что-то, звуки, голоса... Я знаю, есть нечто большее. Тень могла меня убить, но не стала. Почему? — он отвел взгляд, и она протянула руку, хотела встряхнуть его, заставить стереть ее вопросы. Он сжал ее запястье, пальцы были ледяными на ее коже. — Назэ, я не сдамся.

— Мацукара, — его голос стал серьезным. — Я знаю.

Он отпустил ее, отвел взгляд. Она ждала, что он прикажет ей остановиться, но было лишь смирение.

Такой мужчина, как Назэ, не мог так легко сдаться.

Хаганэ застонал с земли.

— Ох, моя голова...

Эма села на колени рядом с ним, кривясь, помогла ему сесть. Прижав ладонь ко лбу, он открыл глаз, щурясь от солнца, а потом посмотрел на нее с кривой улыбкой.

— Слава духам. Красивая богиня, с которой я проведу вечность!

Назэ фыркнул, но Эма невольно рассмеялась.

— Ты жив, Хаганэ. Потрепан, но жив.

— Даже лучше.

— Чем ты думал, погнавшись за тенью? Я чуть тебя не потеряла!

Он отклонил голову с улыбкой.

— Я знал. Я знал, что ты в меня влюбишься.

— Ты хочешь, чтобы я добавила тебе синяков?

— Эй, Эма, не стесняйся своих чувств.

Она шлепнула его по плечу достаточно сильно, чтобы донести намек. Он скривился, но улыбка осталась.

— К сожалению, удар по голове тебя не исправил.

Хаганэ посмотрел на Назэ, сдвинув брови.

— Что значит, к сожалению? И что за черная гадость на тебе? — Эма помогла ему встать, оба кривились и шатались.

— Черная *гадость*, — процедил он так, словно слово было на другом языке, — причина, по которой ты еще жив.

Хаганэ напрягся рядом с ней, окинул взглядом улицу. Он выругался под нос.

— Они появились без предупреждения. Как те мерзавцы из Фракции прошли так далеко в город? И тени... — он провел окровавленной ладонью по волосам, пачкая их еще сильнее. — Я... мало помню, — он посмотрел на Назэ. — Я останусь. Сосчитаю мертвых.

— Ты и Мацукара ранены. Вы вернетесь в поместье, ты доложишь командиру.

— Но...

— Я прослежу за всем тут.

— Акито...

— Если тебе нужна мотивация, считай, что ты отвечаешь за Мацукару.

Он пошел прочь, один из отрядов вошел на улицу. Назэ стал отдавать приказы, и люди принялись проверять мертвые тела на улице. Он замер на миг, один, словно был далеко отсюда. А потом поднял голову, поймал ее взгляд и отвернулся.

Эма сжала кулаки. Он верил, что был в ответе за тени? Никто не был в ответе. Почему он винил себя в таком?

Если только он не был единственным, кто мог их остановить.

— Я потерял их, — шептал Хаганэ, голос был тихим, без веселья. Он держался за плечо, шевелил им, кривясь. — Я не должен быть жив, раз они мертвы.

— Хаганэ, — Эма сжала его руку, чтобы он не упал. Она узнала его взгляд, беспомощность из-за потери команды, давящую вину выживания, когда его люди не смогли выжить. — Твои поступки — и их — защитили людей.

— Не всех. Мы были недостаточно быстрыми, — он выругался, вышел на улицу. — Мы не смогли ничего сделать, когда тени появились.

— Ты сделал все, что мог. Те тени... вне нашего контроля, — трещина в его веселом поведении пугала. Она видела его надежду. Но теперь его лицо было встревоженным, он близко к сердцу принял события дня. — Идем, — сказала она, сжав его теплую ладонь. — Мы не в состоянии сделать тут что-то еще.

Он кивнул со слабой улыбкой.

— Справишься?

— Конечно, — она не хотела обременять его своей порванной раной. Но после пары

шагов она застыла, держась за живот. Все кружилось, мир крутился. Ладони поймали ее, не дав упасть.

— Эма? Эма!

Хаганэ звал ее снова и снова, но она не могла ответить, не могла дотянуться до него...

Хаганэ бежал в замок, потрепанное тело возмущалось с каждым шагом. Его мышцы ревели, но он шел дальше, нес бледную неподвижную Эму. Боль не имела значения. Она нуждалась в нем.

«Ты отвечаешь за Мацукару».

Он взглянул на нее. Тама рассказал ему о бое с тенью у онсена, но другим делом было видеть, как тень вытягивала жизнь из его людей. Он ощутил холод, смотрел в ту бесконечную черную ночь, зная, что его нашла смерть. Но она снова сразилась с этим, зная, на что они были способны. Зная, что их не остановить.

Как они остановили тень? Хаганэ не мог прогнать из головы Акито в крови и черной саже. Эма тоже была такой. И он не упустил странное напряжение между ними.

Голова гудела, но он шел по улицам с легкостью, ведь знал их. Он вскоре ответит на вопросы — как налетчики проникли в город, и почему тени были будто на их стороне.

Она была такой бледной. Пот покрывал лицо, дыхание было тяжелым.

— Я тебя держу, Эма. Не сдавайся.

Его имя ее голосом было бальзамом на его израненную душу, отвлекло его от ужаса смерти его людей. Она утешила словами, поделила понимание, но не могла стереть с его сердца вину. Если бы он был сильнее, быстрее...

Он подвел их.

Он не мог подвести и ее.

Хаганэ ворвался в ворота, стал звать Арину, поспешил в комнату Эмы. Он осторожно опустил ее, плюхнулся на пол рядом с ней. Проведя ладонью по растрепанным волосам, он вытер пот и кровь об уже испорченную одежду. Вдруг все порезы и синяки стали ощущаться сильнее. Он сжал кулаки, глаза слезились от боли. Но ему было все равно, пока он не узнает, что она в порядке.

— Ах, вот так вид.

Сенмей стоял на пороге, в тревоге приподняв брови. Хаганэ напрягся, посмотрел мимо него.

— Где Арина? — перед тем, как Хаганэ убежал с Эмой, Акито остановил его и запретил попадаться Сенмею. Приказ был странным, но это был приказ.

— Она сейчас будет. До этого я могу осмотреть ее...

— Сенмей, без обид, но мне приказано, чтобы Эму осмотрела Арина.

Что-то темное мелькнуло на лице Сенмея. Его улыбка стала шире.

— Ах, но чей приказ? Если не от моего брата, боюсь, они не важны. Сайтама доверил мне заботу о ней, и меня не переубедить.

— Акито...

— ...не наш лорд-командир, или ты это забыл? Ну же, капитан Хакури. Мы знали друг друга достаточно долго, и ты знаешь о моих способностях, — он коснулся головы Эмы, потом груди.

Конечно, он знал. Почему он был настроен против Сенмея? У Акито обычно для всего была причина, но тут Хаганэ не понимал. Но он не хотел навлекать на себя гнев.

— Прости. Я не могу тебе позволить это сделать.

Улыбка пропала.

— Конечно. Я ценю твою верность долгу, — Сенмей поджал губы, коснулся пальцем подбородка. — Может, я тогда заварю тебе чай?

Ему нужно было выпить сакэ. Но напиваться сейчас не стоило. Позже. Он напьется, когда все будет улажено. Когда он будет готов принять вес событий этого дня.

— Да. Спасибо, Сенмей.

Он склонил голову.

— Конечно. Она не сразу проснется. Я пришлю чай с Ариной, а сам проверю остальных. И, прошу, — он склонил голову, — позволь помочь и с твоими ранами, — Сенмей вышел из комнаты, быстро поклонившись.

Он ушел, Хаганэ прислонился к стене, скрестив руки. Он смотрел, как она спала, не замечая мир. Медленное ровное дыхание вылетало из ее приоткрытого рта. Она была бледной, румянец боли пропал с ее щек. Ее волосы отчасти выбились, лежали под ней, и она напоминала духа или богиню. О, он помнил обрывки, Эма стояла над ним, как небесный страж, тень упала на них, и мир почернел...

Он не думал, что их отношения начнутся — или закончатся — с его смерти.

Арина принесла чай, пошумела над ним, потом проверила Эму.

— Ох, ее рана открылась, — она порылась в мешочке и замерла. — Не хватает пары предметов. Хаганэ, я вернусь через минутку.

Хаганэ отклонил голову к стене, устроился с чаем. Он был готов лишиться жизни ради клана Рен. Тама и его семья дали ему шанс, дом годы назад, и он понимал, что отплатит однажды за доброту. Налетчики были помехой, с которой они могли справиться, но ши-но-кагэ...

Как он мог исполнить обещание Таме против непобедимого врага.

Его тяжелые веки опустились. Усталость давила на него. Он рано встал утром после всего... а потом... все это...

Тело Эмы расплывалось перед ним. Он закрыл глаза, чтобы голова не кружилась.

Так устал. Он мог закрыть глаза... на минутку...

* * *

Ладони шарили по ее телу.

Эма извивалась, уклоняясь от прикосновений. Холод ласкал ее руки. Теплые твердые ладони сжали ее бедра. Уверенные ладони, запах дыма. Назэ? Нет, это не мог быть...

Ощущение пропало, сменилось тошнотворным запахом гари, решительной ладонью на ее животе. Она охнула от давления, рана пульсировала в такт с биением ее сердца. Эма хотела открыть глаза, но видела только еще больше тьмы.

Кто-то говорил.

Это был... Сенмей?

Она пыталась говорить, звать. Грудь сдавило. Дышать было тяжело.

Двигайся.

Дрожащее тело не слушалось.

Почему... где она была? Что...?

Дернувшись от ощущения падения, Эма проснулась.

В комнате с гобеленом с цветущей вишней.

Тяжелое дыхание вызвало дрожь на спине. Она повернулась, Хаганэ спал на татами. Он похрапывал, его одежда все еще была в дырах и крови от атаки.

Он чуть не умер. Если не она, нет, если бы не Назэ...

Эма прижала ладони ко лбу, запустила пальцы в мокрые от пота волосы. Она поежилась, вспомнив, как ее окутали тени, и лед покалывал кожу. Слово тень была как-то с ней связана, хотела, чтобы она... что-то ощутила.

А потом Назэ прогнал тень. А потом он был в черных пятнах, глаза потеряли цвет. Как до этого. Почему он скрывал все это от нее?

Эма коснулась живота. Бинтов не было. Она взглянула на еще спящего Хаганэ, приоткрыла юкату. Длинный красно-черный шрам. Но закрытый. Разве рана не открылась, когда она билась с ши-но-кагэ? Жуткое ощущение, когда рана порвалась, боль сотрясала ее. Кровь...

Кто-то постучал в дверь.

— Эмамори? — прошептал женский голос. — Хацуки?

Она поправила юкату.

— Я тут.

Дверь чуть сдвинулась, а потом открылась до конца. Хацуки поспешила войти, плюхнулась рядом с ней и крепко обняла. Эма скривилась, а потом расслабилась в объятиях девушки.

— Прости, я просто... — она отодвинулась, прижав ладони к плечам Эмы. — Я говорила с Акито. Он все рассказал — что ты защищала моего брата, — она взглянула на Хаганэ. — Это на него похоже. Но он жив, когда я думала, что потеряла его. Половина его отряда... — Хацуки прикусила губу.

— Знаю. Прости, что не прибыла раньше, — она могла предотвратить те смерти? А Назэ? Он сказал, что другие тени задержали его. Это было на самом деле?

Хацуки покачала головой, опустила руки.

— Ты сделала больше, чем должна была. И даже после того, как капитан Тоджиро был груб с тобой той ночью, ты рискнула собой, чтобы помочь. И против тех ужасных теней... духи, ши-но-кагэ, настоящие!

Эма кивнула.

— Это невероятно, да? Все должны уже знать, ведь тени бьют по городу. Они уже не просто истории испуганных жителей. И как это связано с Фракцией...?

— Точно! Но, кхм, я знаю, что ты восстанавливаешь силы. Я... — она отодвинулась и поклонилась, голова коснулась пола. — Спасибо, что спасла Хаганэ. Я никогда не забуду то, что ты сделала для него.

Щеки пылали, Эма соединила ладони на коленях.

— Хацуки, все хорошо. Ты не обязана меня благодарить.

Она встала.

— Хаганэ никогда не ошибается, если заботится о ком-то. Потому я знала...

— Эй, Цуки, ты можешь притихнуть? Ты беспокоишь моего ангела-хранителя.

Ангел-хранитель? О, духи. Эма прижала ладонь ко лбу, Хацуки встала.

— Хаганэ Хакури, если бы ты умер, я бы тебя никогда не простила!

— Но я не умер, — он усмехнулся. — У тебя остался привлекательный старший брат, которым могут любоваться твои подружки.

Она застонала, подошла к нему и схватила его за грязную одежду.

— Посмотри на себя. Ты ужасно выглядишь! Не говори, что тебе не помогли Арина или Сенмей, — Хацуки села на корточки и раздвинула его юкату, открывая грудь. — Ах, кто-то тебя немного подчистил, но...

— Эй, Цуки! — он отбил е руку. — Может, мне стоило умереть, чтобы спастись от твоих замечаний.

Ее лицо стало красным, она посмотрела на брата, щурясь.

— Из уважения к Эмамори я не отвечу на это. Но приведи себя в порядок, ладно? Как ты кого-то очаруешь, когда ты в крови?

— Мое очарование зависит не только от внешности. Хотя, может, мне стоит поработать над обликом после боя.

Хацуки сжала кулаки, замерла, а потом опустила и обвила его руками. Хаганэ издал удивленный звук, а потом обнял ее в ответ.

— Все хорошо, Цуки. Я тут. Мы оба тут.

— Я з-знаю.

Эма отвела взгляд, хоть так давая им побыть одним. Слезы выступили, она вспомнила часы после сложной миссии в руках Рё, они делились радостью, что снова выжили.

Они много раз так делали.

Но у Хаганэ и Хацуки была глубокая связь брата и сестры, Эма не знала такую. Этот нежный момент воссоединения семьи, когда потеря была так близко, вырезался глубоко в ее груди. Ее сердце болело от потери связи, которой у нее не было, напоминания о связях, которые у нее были.

Хацуки встала, шмыгнув, посмотрела на них по очереди.

— Веди себя прилично, Хаганэ, или я тебя отчитаю. Ясно? Эмамори, если что-то нужно, проси, ладно? О, и если он начнет лезть к тебе...

— Цуки!

Со звуком между всхлипом и смешком она помахала и вышла из комнаты.

— Кошмар, — он посмотрел на себя. — Я даже не слышал, как Хацуки вошла. Я помню, как принес тебя сюда, — он прижал ладонь ко лбу. — Ты в порядке?

— Да, — она вспомнила фрагменты тревожных снов и поежилась. — Ты знаешь, кто снял мои бинты?

— Я... Сенмей был тут пару минут, но он пошел за Ариной. Она принесла чай и ушла за инструментами. Это я помню. Думаю, она... — он поднял голову. — Я отключился.

— Это понятно после того боя, — Хацуки говорила правду насчет внешности брата. Его раны обработали? — Ты в порядке? Тебя там серьезно потрепало.

— Угу. О, продолжай. Можешь переживать за меня.

Эма закатила глаза.

— Послушай сестру и позаботься о себе, ладно?

Он провел ладонью по спутанным волосам.

— Я выгляжу так плохо?

— Кошмар — это преуменьшение, — грязь и кровь напоминали, как он бился с тенями, она еще не видела в нем такую ярость. Он был веселым, и было просто забыть, что он был опытным бойцом.

— Но я все еще очаровываю тебя.

— Это сложно отрицать, — признала она. Хаганэ был редким светом, который согревал, даже когда его не было рядом. — Спасибо, что остался со мной. Теперь я в порядке.

Он с улыбкой встал на дрожащих ногах.

— Ты точно в порядке?

— Правда. Я ожидала, что мне будет хуже.

— Я вернусь позже и проверю, если ты не против.

Она увидела тревогу в его глазах, и Эма не думала, что это было из-за нее. После миссии всегда все было запутано. Он потерял людей. Он мог потерять сестру. Конечно, он хотел укрепить связи с живыми. Она испытывала это с Рё в прошлом, с ее старым отрядом. Хотя она не знала тех, кто погиб тут, она понимала эту потерю.

Она подавила воспоминания и кивнула.

— Да. Я буду рада.

Его улыбка стала шире, он прошел к двери, его земляной запах щекотал ее нос, когда он миновал ее.

— Знаешь, Хацуки была права. Я никогда не ошибаюсь.

Он кивнул ей и ушел в коридор, закрыл за собой дверь.

Следующие три дня слились. Правда о ши-но-кагэ раскрылась, и напряжение в городе и поместье усилилось. Эма несколько раз видела Саитаму, и по нему это было сильнее всего.

Она держалась замкнуто все время, отчасти из-за просьбы Сенмея отдыхать. Его мягкая, но чересчур резвая опека все еще тревожила ее, но он принял ее слова и держался на расстоянии.

Арина приносила ей еду, ее присутствие успокаивало. Она рассказывала истории о клане, личные воспоминания о детстве Саитама и Сенмея.

Хаганэ сдержал слово, проверял ее, даже Хацуки и Тесуке заходили пару раз. Им, наверное, хотелось отвлечься, как и ей, но она была благодарна. Они потеряли важных людей пару дней назад. Раны еще какое-то время будут свежими. И хоть их визиты развлекали, Эма помнила, что все еще была тут чужой. Их потери были только их делом.

Может, если бы она поняла раньше, пошла в город раньше...

Нет. Она знала, что нельзя было поддаваться этим «а если». Даже если бы она добралась до теней раньше, она не знала, как их остановить.

Знал только Назэ.

Эма пригладила волосы. Не было смысла спрашивать, пока он не захочет отвечать ей. Его бремя, его тайна... Он не хотел, чтобы она знала то, что знал он. Но она уже знала часть его тайны. Что он собирался с этим делать?

Эма встала, сняла промокшие от пота хакама и косодэ, чтобы они высохли. Она проверила рану, уже без бинтов. Черная метка осталась вокруг красного воспаленного шрама, словно кожа была навеки выкрашена.

Она с дрожью надела бледно-зеленую юкату с узором из желтых листьев гинкго, наряд принес Хаганэ. Она обычно не стала бы такое носить, даже летом, но ткань хорошо продувалась, и это было приятно в жаркой влажности.

И Хаганэ позвал ее на ужин к ним этой ночью. Он хотел ее там видеть. Почему нет? Фракция и тени подступали, и Эма снова увидела, какой непредсказуемой была жизнь — и как быстро ее могли оборвать.

По пути к общему залу, где она впервые встретила офицеров, Эма замерла на миг у пруда кои. Саитама погрузился, услышав о пруде. Стал мягче, явно из-за воспоминаний о матери. Странно, что они оба потеряли родителей. Но он получил роль лидера, а она — поддержку клана.

Она вошла в здание и пересеклась с Саитамой, шагающим по коридору. Он замер, увидев ее.

— Мацукара, — он продолжил идти, чтобы перехватить ее. — Ты в порядке? — спросил он сухо.

Даже его поза была напряженной. Напряженной. Это не удивляло. Она кивнула.

— Тебе хватает забот, помимо меня. Я не буду задерживать. Прости, — Эма пошла мимо него, но он нежно коснулся ее руки.

— Спасибо, — сказал он неожиданно искренне, — за помощь нам.

— Это были пустяки. Правда.

— Нет, Мацукара. Не пустяки, — он опустил ладонь, держался на расстоянии от нее. — Я кое-что хочу с тобой обсудить. Завтра, — Саитама взглянул в сторону общего зала. — Я

разрешил им свободно выпивать этой ночью, если они хотят. И тебе можно.

— Хаганэ это упоминал, — пока она была с Тайшо, у них были похожие собрания после миссии. Эма участвовала в веселье, стирала адреналин или отвлекалась от горя. Это требовалось, чтобы вернуть хоть немного нормальности, напомнить, что жизнь продолжалась. Смерть была тем, что им нужно было принимать.

Он рассмеялся, звук удивил ее.

— Проследишь за ним? Ему нужно много, чтобы напиться, но он решительно хочет этого добиться.

— Конечно, я присмотрю за ним.

— Эй, Тама! — Хаганэ выглянул в коридор. — Ты уже закончил с Эмой?

— Хаганэ... — в его голосе было предупреждение, хотя он не злился.

— И, кстати, — он вышел в коридор с бутылкой сакэ, — я знаю, что у нас есть кое-что получше этого. Где ты это прячешь?

Саитама сжал переносицу.

— Сколько раз повторять. Есть только это. Если это тебе не нравится, можешь пить амазакэ, — легкое сладкое вино, где почти не было алкоголя, означало, что солдаты не погибнут, отвлекшись на выпивку. — Уверен, у нас еще осталось немного.

— Э? Не оскорбляй меня. Идем, Эма, — он протянул руку. — Побудешь со мной?

Взглянув на Саитаму, который кивнул, она сжала ладонь Хаганэ. Но, когда она повернулась пожелать Саитаме спокойной ночи, он уже уходил по коридору.

— Тама не присоединяется к нам, как раньше, ведь он теперь командир, — он нежно притянул ее ближе. — Я знал, что зеленый тебе подойдет. Ты явно обычно носишь не такое, но тебе нравится?

— Да. Спасибо, Хаганэ, — у нее обычно не было много одежды. Почти все было скромной формой для миссий и тренировок. А это было почти роскошью, хоть это и была простая юката.

Он склонил голову с улыбкой, потянул ее в комнату, уже почти полную. Мужчины и женщины собрались группами, пили и ели. Она заметила Хацуки и ее отряд. Они кивнули, пока Хаганэ вел ее в дальний угол, где говорили Тесуке и несколько других, кого она не знала.

Наэ не было, но это не удивляло. Она не видела и Сенмея среди мужчин.

— Тебе нужно догонять, — Хаганэ рассмеялся, когда они сели вместе. Он опустил бутылку между ними.

— Она теперь пьет с нами? — Окуро нахмурился, глядя на них, сидя в паре футов в стороне. — Или это попытка заманить ее в постель?

— Я не заманиваю. Я очаровываю, — Хаганэ улыбнулся ему. — И Эма может к нам присоединиться, если хочет. Ее никто не вынуждает.

— Ни капли, — она посмотрела в глаза хмурого юного капитана.

Он фыркнул.

— Она не задержалась тут?

— О, перестань, Око, — сказал Хаганэ рядом с ней. — Ты злишься, потому что она храбрее тебя.

— В тысячный раз прошу, не зови меня Око, — он прищурился. — И моим долгом было следить за воротами. Разве я мог бросить пост?

— Эй, вы двое, — прорычал Тоджиро, его лицо стало румяным из-за выпивки. —

Продолжайте не уважать мертвых, посмотрим, как быстро вы станете одними из них.

— Точно, капитан, — Окуро кивнул с довольной ухмылкой, а потом осушил чашку.

— А ты, — старший капитан указал на Эму, щурясь, а потом слабо кивнул. — Твои старания... признаны.

Эма посмотрела на капитана Тоджиро и Хаганэ, глаза обоих были широкими. Даже Окуро удивила похвала. Но Тоджиро уже стал говорить с мужчиной рядом с ним.

Никто больше не стал комментировать ее присутствие, и кроме пары вопросов о бое с тенью, ее не трогали.

Через час комната стала пустеть. Тоджиро и Окуро ушли, как и несколько других солдат. Хацуки и Мариико задержались, первая успела пошутить над братом за его попытки очарования. Но Эма видела тепло в ее глазах, когда она смотрела на Хаганэ, помнила их слова. Хацуки переживала за брата, а он — за нее.

— Эма, ты даже глотка не сделала.

Хаганэ лежал на боку, приподнявшись на локте. Да, она не пила. Она годами не пила сакэ или что-то близкое. Она всю ночь ела, пока Хаганэ и другие делились историями.

Что-то отскочило от его плеча и покатилося рядом с ней.

Рыбный пирожок.

— Эй, Тесуке. Не трать хорошую еду, — он схватил пирожок и откусил. — Seriously, хватит сдерживаться. Выпьем за то, что мы живы.

— Я выпью за это снова, — сказал Тесуке, схватив бутылку.

— Не ты. Эма!

— О, точно. Да, Эма, у меня еще бутылка осталась, — Тесуке тряхнул ею. — Ах, половина, — он улыбнулся почти так же, как Хаганэ. Они были опасной парой, судя по их историям.

Они искушали ее. Пара чашек сакэ успокоила бы ее разум, но выпивка могла затуманить суждение. Часто было сложно остановиться, когда начинал выпивать.

— Ладно. Одну чашку. Не больше.

— Вот, — он протянул ей чашку, шевеля бровями. — И выпей быстро, — его янтарные глаза радостно сияли, обещая веселье и шалости, и она вдруг ощутила себя и старой, и юной.

— Ты этим наслаждаешься, да?

— Живи хоть немного. Мы должны порой быть людьми. И, — он вдруг посерьезнел, — нам нужно почтить тех, кто умер, продолжая наслаждаться жизнью. Их не забыть. Это невозможно. Но я и не должен тебе это рассказывать.

О, да. Она знала.

Духи, ей бы хоть половину жажды жизни Хаганэ. Он вел себя не как человек, который столкнулся со смертью или потерял половину отряда в патруле. У каждого солдата была своя роль, и Хаганэ улыбался. Но она видела в его глазах блеск отчаяния в тот день, когда он понял серьезность ситуации. Даже если он не показал сейчас, эма знала, что отчаяние осталось.

Она поежилась, поняв, что чарующая душа не сидела бы с ней сегодня, если бы она не побежала в город в тот день.

— И не переживай, — продолжил он. — Я защищу тебя от других, если ты случайно слишком много выпьешь.

Эма рассмеялась, серьезность момента пропала.

— И кто защитит меня от тебя?

— Зачем тебе защищаться от меня? — Хаганэ усмехнулся, поднял чашку между ними, покачал ею. — Пора выпить...

Эма смотрела на опасную жидкость, вкус остался в ранние дни Черного Шипа с Рё и близкими товарищами. А потом ей перестало это нравиться, как и многое другое.

Но этой ночью...

Она взяла у него чашку и прижала к губам, горькое вино полилось в ее горло. Оно было крепким, согревало ее внутри, пока спускалось.

— Одна. Все. Счастлив?

Хаганэ уже наливал следующую.

— Доволен. С двумя буду счастлив.

— Тебе придется остаться довольным.

— Если она не хочет, я буду, — Тесуке потянулся к чашке.

Хаганэ убрал руку, пролил немного на пол.

— Забудь. Наливай себе сам.

Тесуке вдруг зевнул, Хаганэ сам выглядел сонно, хоть и пытался продолжить пить.

— Я обещала Саитама — твоему командиру — что не дам тебе выпить слишком много, и я сдержу слово. Идите, вы оба. Пора спать.

— Эй, Эма, — возмутился он. Эма и Тесуке подняли его, хотя последний был не в лучшем состоянии. Они вместе вышли из общего зала.

С помощью Тесуке, хоть и ослабевшего, Эма смогла довести Хаганэ до его комнаты на ночь.

Потому она не выпивала. Она помнила такие ночи, когда она заливала тьму в сердце, особенно после нескольких первых убийств. Это не смогло стереть оставленные шрамы.

Этой ночью она сделала исключение. Хаганэ выпил за павших. И за продолжение жизни, продолжение сражения. Она могла хоть раз выпить за них.

— Эй, Тесуке, ты решил поспать тут?

— Это предложение? — он подмигнул.

Хаганэ толкнул его.

— Трое — это слишком много. Уходи.

Тесуке фыркнул, вышел, шатаясь, в коридор, невнятно пожелав спокойной ночи, помахав поверх плеча.

Он, наверное, так уже тысячу раз делал.

Улыбнувшись ей с сонными глазами, Хаганэ прислонился к стене у двери.

— К такому можно привыкнуть. Ты, я, свет фонарей в ночи... — он кивнул на комнату.

— Не воображай, — Эма подвинула шоджи. — Я не остаюсь.

— Поможешь хоть дойти до кровати? Тело все еще болит.

Она подошла к нему.

— Тебя сильно потрепали, — он обвил рукой ее плечи, кривясь, прошел в комнату.

— Да. И у меня остались синяки. Хочешь увидеть?

— Может, лучше оставить это Сенмею.

— Вот уж нет, — его ладонь с ее плеча спустилась к талии, притянула ее ближе. Ее сердце забилось быстрее, хоть это точно выпивка сделала его смелее.

Но ей это нравилось. Прикосновения Хаганэ... были приятными. Естественными. Правильными. Но у нее были пределы. Сближаться с кем-то тут и сейчас...

Нет. Она так не могла.

Все внутри трепетало, она выбралась из его хватки. В темноте его ладонь нашла ее, нежно потянула обратно.

— Хаганэ, — предупредила она, прижав ладонь к его груди, когда он притянул ее вплотную к себе. Ладонь легла на ее поясницу, дразнила ее искушением. Ее влекло к нему, и он не скрывал интереса к ней. Так почему нет? Хотя бы раз...

Нет. Пределы.

— Эма, — прошептал он, свободная рука гладила ее волосы у шеи. — Я хочу отблагодарить тебя... должным образом... за то, что ты сделала, — он прислонился лбом к ее лбу. В его дыхании был запах сакэ, смешивался с запахом земли после дождя, который она связывала с ним.

Теплый. Он был такой теплый.

— Не стоит. Это были пустяки. Этого не хватило, — она опустила взгляд, нежно сжала его кимоно и тут же отпустила. Духи, она не могла...

Он склонил голову и потерся носом об ее щеку.

— Это не были пустяки.

Его рот задел ее ухо, зубы поймали мочку. Она поежилась, дала себе насладиться

простым прикосновением. Его губы скользили за ее ухом, оставляя легкие, как перышко, поцелуи на ее шее. Медленно. Нежно. Неспешно.

Духи, где были пределы?

Жар вспыхнул на ее щеках, искры горячего желания вспыхнули внутри, собрались между ее ног.

И он даже еще не поцеловал ее должным образом.

С каждым прикосновением его теплых нежных губ пределы казались все менее важными. Почему не насладиться вниманием друг друга? Каждый день они были все ближе. Она пожалеет, выйдя за дверь, оборвав нечто до того, как это началось?

Словно ощутив, что она отвлеклась, Хаганэ остановил чудесные поцелуи и отодвинулся. Янтарные глаза смотрели на нее, нежные, но уверенные. Он прижал ладонь к ее щеке, гладил ее большим пальцем.

— Останься на ночь.

— Хаганэ, я...

— Я буду хорошим. Обещаю.

Приятная дрожь пробежала по ее спине.

— По-моему, наше определение «хорошего» отличается, — его губы были так близко. Несколько дюймов, и она сможет ощутить их вкус.

Она взяла себя в руки и мягко оттолкнула его.

— Дай мне зажечь жаровню. Ночи холодают.

Он отпустил ее без слов. Эма встала на колени и сосредоточилась на простом задании перед собой. Это дало ей время разобраться с конфликтом внутри.

Ее влекло к Хаганэ, она не сомневалась. Но она ощущала что-то и к Саитаке, несмотря на их сдержанные отношения. И то, как ее держал Назэ...

Может, она читала в этом слишком много. Даже когда она была с Рё, ее влекло к другим мужчинам. Это было естественно. Не было ничего плохого с чувствами и желанием. И, может, теперь эти чувства были значительнее.

Эма села на пятки возле жаровни, огонь замерцал под камнями. Воздух нагревался, в комнатке будет уютно до конца ночи. Она взглянула на Хаганэ, сидящего на футоне, скрестив ноги, янтарные глаза мерцали в свете огня.

Он склонил голову и усмехнулся.

— Что такое? — спросила она.

— Любуюсь видом.

Она рассмеялась.

— Ты безнадежен.

— Я надеюсь. Всегда.

Кашлянув, Эма опустилась на колени на футон рядом с ним. Вне досягаемости.

— Ты справишься с одеждой?

— Если нужно снять, то твоя помощь будет очень приятна.

Она покачала головой. Он звучал почти внятно.

Постойте.

— Хаганэ, ты пьяный?

— Ага.

— Точно?

— Ах, — он провел ладонью по своей шее, — может, наполовину?

Саитама ведь говорил, что Хаганэ было сложно опьянеть?

— Помнишь, я сказала, что ты безнадежен? Я все еще так думаю.

— Но ты все еще тут, — он пожал плечами, ослабленное кимоно сползло с плеча, оголяя больше голой кожи и твердых мышц. — Я все еще считаю, — он подмигнул, — что ты влюбляешься в меня.

— Вот и нет, — но сердце колотилось, пальцы покалывало от мысли, что она коснется его, узнает размах его желания. Огонь потрескивал за ней, она воевала с собой, сердце билось с разумом.

— А я думаю, что да, — он понизил голос до шепота. — Не переживай. Я никому не скажу.

— Нечего говорить, — жар прилил к щекам, говоря о другом. Если бы это было правдой, она уже была бы в своей комнате.

— Останься со мной, эма. Согреем друг друга этой ночью, — он отодвинул одеяло и похлопал по месту рядом с собой. Его улыбка увяла, когда она помедлила. — То, что произойдет тут или нет, — твой выбор. Я ничего не жду.

— Хаганэ... — кого она обманывала? — Ловлю на слове, — она подобралась ближе, глядя на его открытую грудь, он лег на бок.

— Любуешься мной, Эмамори? — шутил он, улыбаясь, пока она опускалась рядом с ним. — Все хорошо. Знаю, такой привлекательный мужчина, как я, приятное зрелище.

— Духи, ты слышишь себя? — но она невольно улыбнулась, хоть рана болела, пытаюсь напомнить то, что она предпочитала забыть.

— Нет ничего плохого в осознании моих хороших качеств, — Хаганэ накрыл их одеялом и придвинулся ближе. Его ладонь нашла ее талию, медленно ласкала ее, помня о ране. Улыбка играла на его губах, пока он смотрел на нее. — Чего ты хочешь, Эма?

Чего она хотела...

Она легла на здоровый бок лицом к нему, наслаждалась теплом его близости. Его ладонь скользила по ее телу, пальцы задели ее щеки, опустились на волосы. С ее губ сорвался судорожный выдох, она смотрела в его глаза под тяжелыми веками.

Битва закончилась.

Победитель: сердце.

— Поцелуй меня.

На его губах мелькнула улыбка, и он пересек расстояние между ними.

Его рот нежно играл с ее, посылая жаркий трепет по ее спине. Она вздохнула, коснулась его щеки, обвела твердую линию челюсти.

Это было... правильно.

— Только это? — спросил он между поцелуями.

— Только это.

Хаганэ не врал, он был хорош. Очень хорош. Каждый поцелуй, нежное прикосновение его губ к ее заставляло ее сердце колотиться. Тепло растекалось по ее телу, собиралось в центре, пробуждало старую часть нее. Не было ожиданий дальше встречи губ. Каждый поцелуй сильнее разжигал огонь внутри. Она была в его руках, его ласки согревали ее, прогоняли холод, который все время пытался найти ее.

И он не просил большего, хотя она ощущала у живота его желание.

Поцелуи стали зевками. Они рассмеялись, еще раз пылко поцеловались и устроились спать. Хаганэ вскоре уснул.

Но Эма лежала. Она коснулась своих губ. Те поцелуи. Жаркие, головокружительные, вкусные. Было лишь это, но это означало больше, чем что-либо за долгое время. Словно они как-то восстановили не только ее тело, но и душу.

Может, она не была разбита полностью.

Она разглядывала его красивое лицо, мягкий изгиб бровей, тонкий нос и райские губы. Пока он спал, хитрость осталась на лице. Словно даже во снах он шалил. Эма снова легла рядом, улыбаясь. Она не жалела об этом. Но...

Ее близость с Хаганэ все усложнит? Они ничего не обежали, но она не хотела, чтобы все так закончилось. Но она не собиралась тут оставаться. Неуверенность снова пробралась в ее грудь, а еще что-то холодное — знакомый лед обвил ее сердце нитями.

Ши-но-кагэ?

Они вернулись?

Эма выбралась из тепла футона Хаганэ. Они были там, звали ее. Предупреждали?

Она выбралась из комнаты, пошла по коридору и попала на открытую веранду. Огонь в фонарях снаружи здания горел низко, почти весь догорел. Тьма путала, и притяжение холода пропало. Было тихо и неподвижно. Даже ночные существа не шумели.

Странно.

Она пошла к Хаганэ, фигура, укутанная в тень, появилась в конце коридора. Он медленно приближался, ноги почти не издавали звуков на половицах. Изящные движения напомнили ей...

— Назэ? — прошептала она.

Он не замер, не дрогнул, а зашагал быстрее.

Проклятье!

Эма повернулась и увидела другую фигуру, несущуюся к ней.

Что?!

Что-то врезалось в ее спину, оттолкнув ее в сторону, она полетела в черную комнату.

Эма рухнула лицом в пол, вес напавшего придавил ее. Она закричала от боли, вспыхнувшей в ране.

Две пары ладоней завели ее руки за спину, крепко сжали. Эма подавила желание сопротивляться. Если она будет отбиваться слишком сильно, она потратит все силы и пострадает в процессе.

Холодное покалывание наполнило ее, бежало по рукам и ногам. Ее мышцы стали твердыми, как сталь, и сила потекла по ее телу. Эма дернулась в сторону, высвободила руку, ударила локтем назад. Он попал по ребрам напавшего с громким треском. Он со стоном отшатнулся.

Но больше вошло в тускло освещенную комнату, ее окружили скрытые лица. Рука обвила ее шею, потянула ее назад. Сила, какая была у нее миг назад, пропала, оставив боль пустоты. Они окружили ее, снова поймали руки и придавили тело к полу.

Сердце отчаянно колотилось, она извивалась, пытаясь вырваться из их хватки. Агония редела в раненом боку, но она не собиралась сдаваться им!

Кто-то ударил ладонью по ее рту и щеке, прижимая ее голову к татами. Она закричала, звук вылетел с бульканьем. Но кто-то должен услышать. Хаганэ... был дальше по коридору.

Если только...

Веревки обвили ее запястья и лодыжки, затянулись. Она прорычала ругательство, ударила ногой, но не попала. Они были слишком быстрыми, подавляли ее количеством и размером.

Она не могла... она не могла пошевелиться, не могла защититься. Еще веревка обвила ее голову, затянулась на ее рту, впиалась в уголки губ. Она охнула и закричала, но все было понятно.

Никто не пришел. Это было продумано с пугающей точностью. Пара ног остановилась перед ее лицом, так близко, что она ощущала запах носков-таби. Ладонь сжала ее волосы, подняла ее, а он опустился на колени.

— Без обид, лейтенант.

Эма знала этот едкий наглый голос. Окуро даже не пытался скрыть личность.

Она закричала, но веревка мешала произнести слова.

— Может, в других обстоятельствах мы могли бы стать союзниками, — он склонил голову. — Но мы не можем оставить все ихори на столе.

Эма боролась с веревкой на запястьях, грубые нити впивались в нежную кожу. Они плотно затянули путы. Они не шутили.

— Тебе не стыдно? Или ты боишься встречи с лордом Ноэ? — он сжал ее подбородок, пальцы впились в челюсть. — Я не завидую тебе. Я просто выполняю приказ, и я уверен, что ты можешь понять. Это мой долг перед кланом.

Приказ? Нет, он же не говорил.

— О? Ты не должна удивляться, что командир Рен приказал тебя убрать.

Эма замерла, сердце замедлилось, билось тяжело.

Он точно врал. Духи, после всего этого план Сайтамы был таким? А Хаганэ, Назэ...? Ее голова болела, кулак сжимал ее волосы.

— Думала, он хотел, чтобы ты была тут? Что кто-то из нас хотел? Я думал, ты была

умнее, учитывая, кто ты, — он цокнул языком, склонился и опустил маску. Его рот задел ее ухо. — Спасибо за жертву и сотрудничество. Ты можешь встретить судьбу, зная, что ты спасла целый клан от разрушения. Не плохая причина умереть, да? — он улыбнулся, глаза были холодными и жестокими, он отпустил ее с толчком и отошел. — Уводите ее отсюда.

Она прикусила веревку и приглушенно взревела, за это ее ударили по голове сбоку. Звезды вспыхнули перед глазами. Кто-то сунул к ее рту и носу сладко пахнущую тряпку.

Духи, она знала этот запах.

Эма задыхалась, старалась не вдыхать это. Она металась, ладонь давила на ее лицо. Ей нужно было вдохнуть, но если она это сделает...

Она отпрянула, пыталась вдохнуть чистый воздух. Но мужчины крепко ее держали, ладонь на ее затылке толкала ее к тряпке. Успокоительное вторглось в ее ноздри, наполнило ее легкие, вонзилось в ее разум с полной силой.

Ее конечности двигались, будто она была в воде. Такие тяжелые...

Но все стало понятным.

Назэ... в коридоре...

Хаганэ... не слышал...

Ничего не осталось. Шевелиться она не могла... как и биться... Зачем? Они уносили ее.

Саитама... спасал... клан...

Тьма опустилась.

Она была невесомой. Парила.

Летела.

Без ограничений.

Свобода.

Тени кружились, приветствовали ее.

Холод.

Сюда.

Эма вдохнула.

Влажный затхлый воздух.

Свет. Она проснулась? Где...?

Она моргнула, в голове гудело. Ее тело пульсировало. Болело везде. Что-то сладкое осталось в носу, смешалось с запахом старого дерева и грязи. Свет солнца проникал сквозь планки старого здания вокруг нее.

Где она была?

Мысли крутились, путаясь, она пыталась понять, куда попала. Она подвинулась, под ней была земля.

Веревки. Все еще крепко связана, как скот на убой.

Чудесно. И ее голова гудела громче, чем церемониальные барабаны монахов.

Мерзавцы. Окуро. Они вырубил ее. Как долго...? Она осталась в Аомори-то?

«Командир Рен приказал тебя убрать».

Грудь сдавило, все внутри сжалось. Она глупо подумала, что забота была искренней. В этом был смысл после атаки. Саитама столкнулся с ситуацией — сдайся или будь уничтожен. Как она могла винить его за найденное решение для защиты клана?

«Спасибо за жертву».

Она все время была жертвой, чтобы остановить руку Ноэ.

Шаги приблизились, размеренные и уверенные. Сердце Эмы забило быстрее, пульс

вызвал шум в ушах. Она затаила дыхание и замерла.

Человек остановился у двери, сдвинул засов. Дверь скрипнула, и стало видно мастера безразличия.

Акито Назэ.

Он посмотрел на нее, щурясь, его худое тело наполнило дверной проем. Лучи солнца сияли за ним, делая его лицо в маске темнее, скрывая его глаза. Капля пота покатилась по ее шее, ее тело дрожало под его тихим взглядом.

Конечно. Назэ помог поймать ее, и теперь...

Он вытащил из рукава кинжал.

Вот и конец.

Саитама расхаживал по комнате, Арина заканчивала перевязывать левую руку Сенмея. Его бледный брат спорил с Ариной, пока она работала. Пока она зашивала его, он оставался спокойным, как всегда. Словно его не попытался кто-то убить.

И они не знали, кто это был.

Он не мог никому доверять? Когда он стал верить, что она была искренней, и захотел дать ей шанс...

— Вот так, — Арина повесила петлю на его шею, вставила руку туда. — Постарайся не шевелить ею, иначе швы разойдутся.

Сенмей улыбнулся, склонив голову.

— Спасибо, Арина. Как всегда, твое мастерство куда лучше моего.

Она похлопала его по плечу.

— Ну-ну, не нужно льстить старушке, когда мы оба знаем, что это не так, — она прошла мимо Саитама, потеряла его руку и прошептала слова утешения, а потом покинула комнату. Со смерти его родителей Арина оставалась близко к нему, тихо справлялась со своим горем потери сестры, пока он опускался во тьму. Она помогла вытащить его, заставила его принять ответственность и заняться будущим клана.

Но теперь...

— Ты не можешь верить Окуро, — Хаганэ оттолкнулся от стены, у которой стоял, скрестив руки. — Эма не...

— Где Акито? — он не мог принять обвинение после того, что она сделала с ним, после того, что он стал подпускать ее.

Хаганэ пожал плечами.

— Я не видел его все утро. Ты знаешь, какой он, когда происходит кошмар.

— Пока он не вовлечен в это, — он повернулся к Сенмею, который одной рукой поднимал книги и бумаги на полу. — Сенмей, наведешь порядок позже. Тебе нужно отдохнуть.

— Ах, Тама, не переживай. Все заживет, — он нахмурился, чуть пошевелив рукой.

Это было так похоже на брата — пытаться скрыть свои страдания.

— Ты не знаешь, кто на тебя напал?

— Если бы знал, так и сказал бы. Скрытый враг в темной комнате. Это мог быть кто угодно, — он согнул палец под подбородком. — Но ты задаешь не тот вопрос. Я не верю, что лейтенант Мацукара виновна в этом.

— Ты сказал, что это может быть кто угодно, но она невиновна. Почему? Ты перечишь отчетам не только Окуро, но и людей из отрядов Тоджиро и Тесуке, — были свидетели, как она убежала из покоев Сенмея, а потом пропала на улицах Аомори-то, уйдя от погони. — И теперь ее нигде нет, — как и Акито, но, в отличие от них, он видел Акито незадолго до поднятой тревоги. Он дал ему одно задание, несмотря на ее участие в этом.

— Как бы там ни было, — Хаганэ провел ладонью по шее, — я тоже не верю, что это была Эма. Она, кхм, была со мной прошлой ночью.

Саитама мрачно посмотрел на Хаганэ, шипы вонзились в грудь глубже.

— Поздравляю. Это и сон из-за похмелья. Конечно, тебя не было этим утром, когда ты был нужен. И если она была с тобой, — он сглотнул неприятное ощущение в горле, — что

заставило ее уйти? Куда она ушла?

Он опустил взгляд.

— Не знаю. Я даже не знал, что она пропала, пока не проснулся утром, — ему хотя бы хватило достоинства не выглядеть смущенно.

Но это было непростительно.

Что заставило ее так поступить? Или это было все время частью плана Ноэ? Отправит милую убийцу отвлечь его — шутка над предательством Илии.

В этом не было смысла. Но было ли так, потому что он так хотел?

— Тама, — тихо сказал Сенмей, опустив ладонь на его руку. — Не спеши с выводами. И проверь. Но слушай разум и сердце. Ты хорошо судишь...

— Да? — он фыркнул. — Все мы можем сказать об обратном.

— Это было...

— Мы не будем говорить об этом сейчас, — он скрестил руки, отошел, искал способ успокоить мысли. Не время думать об Илии.

Пока Мацукары не было, все указывало на ее вину.

— Что еще мог это сделать? — бормотал Сайтама под нос, посмотрел в глаза встревоженного брата. Духи, он почти потерял его. — Если ее найдут, мы ее выслушаем. Если не веришь, что она на тебя напала, я это приму к сведению. Но, Сенмей, если я уловлю хоть каплю лжи, я разберусь с делом сам.

Сенмей поднял здоровую руку.

— Тама, ты перегибаешь, — его упрек ранил глубоко, так делал и отец. — Я знаю тебя. Я вижу, что ты делаешь. Не связывай этот случай с Илией.

Он скрипнул зубами от звука ее имени и продолжил:

— Я хочу, чтобы все офицеры собрались на закате с полным отчетом. Включая Акито, где бы он ни был, — он давно позволил вице-командиру свободно двигаться, это нужно было, учитывая его навыки убийцы. Но в этом был риск, особенно в такие времена, когда он пропадал на часы, даже если это было выгодно клану. Это осталось от его времени в одиночку в годы после их первой встречи.

Он доверял Акито, но голосок шептал: «А если?».

— Ты знаешь, что Великий и Бесстрашный Акито не вернется, пока не посчитает это нужным, — Хаганэ оттолкнулся от стены. — Если я уже не нужен, я проверю людей, — его тон был удивительно кислым, раскрывал его сомнения. — Тоджиро и Тесуке уже должны что-то знать.

— Да, сделай это. И сообщи немедленно, если что-то раскроешь.

Хаганэ поклонился и ушел. Сайтама знал об интересе друга к Мацукаре. Он редко скрывал свои чувства. Но Хаганэ любил всех женщин. И если обвинения окажутся правдой...

Сайтама не выгонит его из клана за ошибку в суждении. Как он мог это сделать, если он сам был виноват в том же?

— Что будешь делать?

Он повернулся к Сенмею. Ночью его брат один боролся за жизнь. Если бы все пошло иначе... Духи, им повезло, что он остался с раной, которую можно обработать.

— Кто-то порезал тебя от запястья до локтя. Разгромил комнату. Предал наше доверие, весь наш клан! Будет наказание.

— Ты должен сделать то, что считаешь нужным, конечно, — Сенмей опустил голову, вернулся к своему столу.

— Сенмей, — он смотрел на разбросанные медицинские инструменты, разбитые флаконы и рассыпанные порошки. — Сколько Мацукара знает о твоём исследовании?

— Очень мало. О, мы говорили о ши-но-кагэ, ясное дело, — он сделал паузу. — Тама, я верил, что мы хорошо ладим. У нас был общий интерес к этому феномену. Думаю, всегда возможно, что я мог где-то ошибиться. Но такое? Нет, я не думаю, что могу в это поверить, — он опустил стопку бумаг на стол и вздохнул. — Может, мне стоит отдохнуть.

— У тебя есть догадки, кто мог тебе навредить?

Сенмей поджал губы и покачал головой, опустил ладонь на перевязанную руку.

— Меня не так любят, как я позволил себе поверить, — он тихо рассмеялся. — Думаю, ты отыщешь виновного.

— Мы найдем, — они раскроют правду.

Сенмей склонил голову и указал на кровать.

— Если ты не против...

Саитама смотрел еще миг на старшего брата, а потом покинул комнату, закрыл за собой дверь.

Он был один у комнаты Сенмея. Он схватился щею грудь, шагнул к перилам и сжал их. Медленно и глубоко дыша, он терпел то, как сжималось сердце, перед глазами белело. Он чуть не потерял Сенмея навеки. Кто-то пытался лишить его родственника. Снова.

За это не будет прощения.

Не будет пощады.

Акито Назэ долгое время ходил среди теней, но всегда один.

Но теперь...

Ледяная тьма поднялась в его груди, сжала сердце и потекла в конечности. Он схватил холод, толкнул его в бездну с темными воспоминаниями, подернутыми красным. Тьма не позволит ему забыть годы, когда она впервые овладела им.

Но он мог этим управлять. Должен был.

Время уже было не на его стороне.

Он прошел в старое строение, опустился на колени перед Мацукарой. Ее глаза расширились, смотрели то на него, то на кинжал, и он подавил фырканье. Она была шумной, но все-таки боялась его.

Многие боялись.

Она напряглась, он схватился за веревки на ее груди. В ее глазах кипел гнев, но она не боролась. Он усадил ее в той же позе, в какой был сам, отметил, как много лишней веревки на нее намотали. Странная похвала и доказательство их страха перед ее способностями.

Но дураки оставили место обмена без охраны.

Он поднес кинжал к ее щеке, его костяшки задели ее кожу. Холод теней гудел в глубине него, искал, тянулся. Акито нужно было осторожно касаться, особенно, когда он был с ней. Она сдвинула брови, грудь вздымалась и опадала от дыхания. Она уже многое подозревала, но не знала правды, не могла знать, какой стыд он нес каждый день.

Отчаяние и безнадежность плясали ветерком на его коже, сплетались с тьмой, которая была с ним всегда. Ее отчаяние. Ее безнадежность. Ее бросили, оставили судьбе, и никому не было дела.

Акито такое когда-то ощущал.

— Я это уберу, — сказал он, разбивая молчание между ними, — но ты не будешь кричать или шуметь как-то еще.

Она нахмурилась. А потом кивнула, отодвинула голову. Он ножом рассек кляп, убрал из ее рта веревку и ткань, освободил ее голову. Красные следы остались на щеках, а еще — лиловые синяки. Он крепче сжал кинжал. Он медленно выдохнул и вернул его в рукав.

— Кто это сделал?

Она сжала губы, мрачный взгляд не дрогнул.

— Я думала, ты мне скажешь.

Ее голос дрогнул, и волосы на его шее встали дыбом.

— Ты веришь, что я это сделал, — это объясняло ее настороженность.

— Один из тех, кто напал на меня, двигался как ты. Но раскрыл себя только Окуро, — в этот раз ее голос не дрогнул. Он ощущал, что она говорила правду, как было и в прошлых их разговорах.

Все были подозреваемыми с события прошлого года. Но капитан Окуро успешно скрыл измену. Как давно он забыл о верности? Или искушение награды — и защиты — было слишком велико?

Чрезмерная уверенность была изъяном. То, что он раскрыл себя Мацукаре, лишит его жизни — если Саитама хватит сил приговорить его.

Его хотя бы будет просто сломать, и он расскажет обо всем своем предательстве.

— Ты не отрицаешь свое участие? — сказала она.

— Если бы я хотел от тебя избавиться, я бы не шел на такие сложности. И я не стал бы беспечно бросать тебя живой.

Она разглядывала его лицо, искала способ понять, была ли в его словах правда.

— Так почему ты тут, Назэ?

Потому что ее смерть была бы тратой таланта.

Потому что ее способность выжить в бою с ши-но-кагэ что-то означала для этого мира.

Потому что он знал, что Ноэ сделает с ней.

— Хоть ты беспечно относишься к своему здоровью, было бы безответственно бросить тебя умирать, когда я могу этому помешать.

Она приподняла брови.

— Ах, спасибо?

— Я не хочу твоей благодарности. Мне нужно было тебя найти, я это сделал. Нам нужно идти, — ее вовлечение принесло плоды, хоть она и пострадала. Страхи Сайтамы будут объяснены, ведь предательство от бывшей невесты еще не закончилось.

Но Акито теперь мог действовать, отплатить непростительный долг. И тени...

Мацукара подвинула тело ближе, протянула связанные руки.

Слишком близко.

— Можешь помочь? — она слабо улыбнулась, приподняв брови. — Все онемело.

Он обычно не доверял, но с ней... Он ощутил ее искренность с момента, как узнал ее личность, когда говорил с ней в Нагеями-то. С тех пор его связь с ней только окрепла, и держаться на расстоянии было все сложнее. Все внутри неприятно трепетало, он не знал такие ощущения. Лучше было убрать доверие, чем рисковать разочарованием.

Голоса снаружи. Два? Три.

Он поднял руку, она напряглась перед ним.

Они не успели.

Мацукара поймала его взгляд с кивком, заняла прежнюю позу.

Не нужно было объяснять.

Хорошо.

Он встал, прижался к стене и выглянул в щель между досками. Приближались трое мужчин. По одному мечу у каждого. Не самые сильные. Курьеры пришли за товаром, бесстыдно носили синие хаори с эмблемой Ноэ.

Вторжение лорда Ноэ на территорию клана Рен разбило его соглашение с Сайтамой. Не удивительно. Он всегда действовал согласно своим интересам. Жаль, Сайтама не позволил ему отомстить. Но Акито не мог лишать его шанса отомстить. И хоть они могли действовать по праву, Фракция не закроет на это глаза. Ноэ хорошо это знал.

Акито сжал катану в правой руке. Разобраться с ними он сможет быстро. Такие бандиты начинали скулить при виде меча, чтобы он пощадил их.

Дверь открылась, и фигура закрыла свет солнца.

— О, посмотрите! Они не сказали, что это женщина.

— Еще и хорошенькая.

Огонь вспыхнул в ее глазах, она смотрела на них. Хорошо. Он смотрел в щель между досками, отметил их места снаружи.

— Эй, у нас же много времени?

— Тебе и минуты будет много, так что время есть!

Больше смеха.

— Тогда как насчет этого, гаденыш? Тот, кто продержится дольше всех, получит все за сегодняшнее задание.

Пошлые намеки пронзили его грудь. Но Мацукара не выдавала эмоции, пока мужчины обсуждали свою гадкую сделку. Его пальцы дрогнули, он крепче сжал меч на миг. Грязь, обрекающая себя еще сильнее с каждым пошлым словом. Он выдохнул почти не слышно, оставил в голове только цель.

— Хорошо. Молчи и жди тут.

Дерево скрипнуло под ногой мужчины, Акито бросился из теней. Клинок был в его руке, он добрался до ближайшего курьера, оттащил его наружу. Он отшатнулся и рухнул на задницу. Ругательства, полные смятения, посыпались из мужчин, они вытащили мечи и попытались окружить его.

— Ты кто такой? — взревел мужчина на земле. Он поднялся на колени. Это он предложил спор.

Акито ослабил хватку на мече, наступая. Его послание Ноэ будет ясным без единого произнесенного слова.

— Эй, ты глухой? — он кивнул своим товарищам. — Хватайте его, дураки!

Они бросились одновременно, рычание выдало их местоположение. Акито повернулся, чтобы лидер был слева, а двое других мужчин — перед ним. Ближайший враг поднял меч для удара. Отбить будет просто. Он повернул запястье с быстрым финтом, ударил клинком по руке выше локтя, разрывая мышцу. Кровь полилась, пропитала одежду мужчины, он упал с низким воем. Другой мужчина помедлил, отвлекся на рану друга. Акито взмахнул, управляя ударом, попал по тому же месту. Такая же рана.

Оставался только лидер.

— Ты... не знаешь, к кому лезешь!

Акито посмотрел на каждого, запомнил их непримечательные лица. Тени шевелились у его ног.

Нет. Убивать, только когда необходимо.

Он подавил старое желание нести смерть, которому он много раз поддавался раньше. Не из-за этих дураков, хоть они были черствыми и гадкими.

— Он должен знать, кто она, — рывкнул один из мужчин, со стоном поднялся на ноги. Другой поднялся следом, кровь текла из раны сквозь его пальцы, рука висела плетью. Кровь пачкала землю у их ног.

— Точно, — лидер посмотрел на Акито. — Кто тебя послал, а? Ты мешаешь делам Фракции. Ты за нашими деньгами? Или... — он рассмеялся и указал на сарай. — Она — твоя женщина? — он вытащил меч, ухмыляясь. — Нам придется тебя убить. Без обид. Но не переживай, она в хороших руках. Как только я закончу с тобой, я отымею ее так, что она забудет свое имя и будет благодарна за это! — он рассмеялся, крутя меч, занял позу для атаки.

Тени тянулись у ног Акито, лакали кровь на земле.

— Эй, Суда, может, стоит...

Этот. Только этот.

— Я не боюсь этого козла. Назад, или тебе конец!

Лидер бросился с диким взмахом. Акито отпрянул и повернулся. Клинок пролетел мимо его груди, не попав. Он схватил лидера за вытянутую руку, выкрутил до хруста кости. Он

взвыл, выпучив глаза, отшатнулся, всхлипывая и вопя.

Двое других раненых мужчин смотрели, раскрыв рты.

— Он безумен! Нам за такое не доплачивали.

— Но они...

— Молчать! Если не сможем одолеть этого козла, мы не будем больше работать.

Но два бандита пятились, бросив товарища и миссию.

Лидер зарычал и взял меч левой рукой. Раздутая гордость. Отчаянно хотел проявить себя. И он не так держал меч.

Верный путь к смерти.

Тьма шевелилась в его груди, окружая острую боль в сердце. Если бы он не нашел ее, она подверглась бы худшей пытке от рук этой грязи.

Не делало ли это его смерть необходимой?

Не важно. Тени уже потянулись к нему.

Отметили.

Хрупкий контроль пропал. Миг колебаний.

Один шанс отступить. Но мужчина показал свою глупость, бросился вперед и решил свою судьбу. Один удар. Два. Акито отражал атаки, подготовился к третьей, последней атаке. Он шагнул в сторону, повернулся и пронзил мечом живот мужчины. Кровь полилась из раны на его уже грязные руки.

Сердце Акито колотилось в такт с биением сердца мужчины, тени устремились вперед, проглотили душу, которую жаждали. Его душа уже была неисправимо черной. Его не очистить, вину не искупить. Даже если он освободится...

Он вытащил меч и отвернулся от мужчины. Он посмотрел на двух потрясенных бандитов, их несчастный лидер гулко упал на землю. Тени быстро разобрались с телом. Он уже ощущал, как они рассеивались, воздух потеплел без них.

— Демон, — прошипел бандит, отпрянул, лепеча ругательства.

— Т-ты пожалеешь! — завопил другой, оба поджали хвосты и побежали, прижимая к себе раненые руки.

Не важно.

Мацукара пялилась, пока он приближался. Сколько она увидела из сарая? Хуже, сколько она почувствовала?

Он вытащил кинжал, опустился на колени, чтобы разрезать ее веревки. Она мудро не шевелилась, пока он работал. От крови на его руках нож соскальзывал. Он вытер ладони о кимоно, красное пятно было заметно на черной ткани. Никто не видел, кроме него... и нее.

— Назэ?

— Ноэ будет знать о твоём присутствии тут, — он разрезал веревки на ее руках и груди, — и моем, — она потеряла запястья, кривясь. Акито разрезал путы на лодыжках, отбросил веревки в сторону. — Их убийство не изменит этого. Но пока что они не смогут сражаться.

— А он?

Он посмотрел в ее глаза, правда горела в его горле. Он оставил ее там.

— Я посчитал это необходимым.

Ее глаза расширились, тень улыбки появилась на лице в синяках.

— Назэ, ты защищал мою честь?

Акито отвел взгляд, раздражающий жар прилил к лицу.

— Нам нужно идти, — он плавно встал и взглянул на мужчину, валяющегося в тени сарая.

Тихий стук. Он повернулся. Мацукара стояла на колени, кривясь, упираясь рукой в стену. Веревки были туго затянуты, и кровь плохо поступала в ее конечности. Ей будет сложно идти, пока тело не оправится от этого.

— Держись, — он протянул руку, приготовился к контакту.

Она подняла взгляд, сжала его окровавленную ладонь и поднялась с его помощью. Внутренняя тьма сплеталась между ними, настаивая на связи, те жуткие желания... кровожадность...

Это было и у нее.

Он прервал контакт. Кровь запятнала ее ладонь. Она провела рукой по хакама, не переживая из-за крови.

— Спасибо, — она вытянула руки над головой, скривилась, но не стала жаловаться на дискомфорт. Она не сказала ни слова о том, что произошло между ними. Хотя раз она, к счастью, не лезла в это.

— Как я и сказал, благодарность не нужна.

— Назэ... — она коснулась его плеча и убрала ладонь.

— Когда мы вернемся, только командир и я будем знать, где ты. Это поддержит версию Окуро о событиях прошлой ночи. А потом я раскрою глубины его измены, — он посмотрел ей в глаза. — Делай, как я говорю, и ты будешь в безопасности.

Ее брови приподнялись.

— Невероятно, — пробормотала она. — Клянусь, ты хотел мне смерти у онсена.

— Я никогда не желал твоей смерти.

— Даже в храме?

Был миг, который не давал ему покоя по сей день. Когда он предложил каплю доверия, а потом поверил, что она обманула его. Когда он чуть не поддался ярости... страху...

— У тебя ужасная привычка задавать вопросы, — он вышел и огляделся. Никого. Здания вокруг пустого переулка обмякли под полуденным солнцем. Старый торговый район был сегодня типично тихим, но будет сложно дойти до поместья незаметно. И им придется двигаться медленнее из-за ее состояния.

Убежище. Он оставит ее там, пока не уладит все в поместье.

— Так тебе не нравятся мои вопросы? — она встала рядом с ним. Он ощущал улыбку в ее голосе. Эта женщина...

Лучше не отвечать. Так ему не придется врать.

— Идем.

К счастью, она промолчала.

* * *

Эма шла за Назэ по переулкам, сердце колотилось из-за того, что она видела.

Тени двигались вокруг него, кружили у ног, следовали за ним. И были не только с ним, а и исходили от него.

И она ощутила знакомую вспышку холода, которую связывала с ши-но-кагэ. Конечно, он мог остановить тени. Кем это делало его? Как то, что она видела, было возможным?

— Сюда, — он скользнул в такой узкий переулок, что ей пришлось шагать боком. На середине пути он остановился перед панелью в стене. Он умело отпер панель, хоть она не увидела замок, сдвинул дверь и проник внутрь. — Заходи, — его голос прогудел из тьмы

внутри.

Она оглянулась и прошла в темную комнату. Пахло старым деревом и плесенью. Хрупкий татами скрипел под ее ногами. И было ужасно жарко, она уже ощущала пот на лице и шее.

Назэ закрыл дверь. Его ладонь сжала ее запястье, нежно повела ее по комнате. Она поежилась, тьма напоминала ши-но-кагэ, но без холода. Его прикосновение на натертой коже вызывало жжение и успокаивало одновременно. Он казался спокойным, но она ощущала трепет тревоги внутри него. И что-то еще...

Он отпустил ее.

— Садись тут. Я зажгу свет.

Она опустила голову, кривясь из-за потрепанного состояния. Раны ей уже надоели.

— Что это за место?

— Убежище. У меня их несколько в городе.

Эма кивнула, хоть он ее не видел. Он двигался, как ветерок, в темной комнате, но она как-то знала, где именно он был. Когда он чиркнул кремнем в дальнем углу комнаты, она уже смотрела туда.

— Тут есть провизия, — он указал на деревянный сундук за ней. — Я вернусь и пополню.

— Вернешься? погоди, ты оставишь меня тут?

— Мне приказали тебя найти, я это сделал. Я должен сообщить командиру об измене капитана Окуро и задержать предателя, пока он не навредил сильнее.

— Конечно, — может, Сайтама или кто-то еще был в опасности. Она опустила взгляд на свои ладони. На запястьях остались следы веревок, красные линии стертой кожи. Даже ее шея болела из-за веревок. Она сглотнула, вспомнила о жажде.

— Я принесу воды, — сказал он, будто читал ее мысли. Или читал? — Прошу, оставайся тут.

— Назэ...

Но он вышел из комнатки без окон, оставив ее одну с трепещущими свечами. Зловеще, что нельзя было изнутри понять, день или ночь снаружи.

Он вернулся с кувшином воды и опустил его рядом с ней. Он вытащил из сундука надбитую чашку, маленькую чашу и тряпку.

— Вода питьевая. Ты можешь ею и вытираться.

— Спасибо, — эта доброта была странной, но и очень милой.

Он встал и прошёл к двери. Эма думала, что он собрался уйти, но он замер и повернулся.

— Мацукара, обещай, что ты останешься тут и дождешься моего возвращения. Тогда все будет улажено. Только я знаю об этом месте. Ты будешь в безопасности.

Эма сжала губы. Хоть он не хотел обсуждать ши-но-кагэ, он ни разу не врал. Даже сейчас она ощущала его решимость через странную связь между ними.

— Обещаю. Делай, что нужно.

И он ушел. Хоть она ощущала его, словно прохладный осенний ветер, шевелящий волоски на ее руках. Спасаящий от жары, но временно.

Это объясняло все и ничего. Но если Назэ мог ей доверять, доверять тому, что было между ними...

Она опустила чашку в воду и выпила, смывая те мысли и подавляя их, чтобы больше их

не ощущать. А потом стала смывать кровь, пот и грязь.

Саитама сжал кулаки у бедер, костяшки побелели.

С возвращением Акито прибыла душераздирающая правда, которой он боялся с жуткого предательства Илии. Было бы проще обвинить Мацукару, любого чужака, чем эта пощечина по лицу.

— Я, конечно, допрошу капитана Окуро. Готовься действовать, как необходимо.

Его голова гудела, ее сдавили тиски. Окуро Киоджи. Юноша познал схожее отчаяние из-за предательства клана Варуама. Они даже горевали вместе. Он всегда служил клану правдой, не давай Саитама повода подозревать его или сомневаться в нем. Как он мог подумать пойти против приказов и помочь Ноэ? И кто его поддержал?

— Да, — он встретил холодное безразличие Акито тяжким вздохом. Он обещал Сенмею, что справится с этим. — Мы должны быть уверены. Я хочу сам услышать от него правду, — когда его заместитель кивнул, Саитама продолжил. — А что с Мацукарой?

— Она... — он замолк, поднял ладонь перед грудью. Тишина, потом шаги. Саитама узнал медленную спокойную поступь брата в коридоре.

— Тама, — позвал Сенмей за шоджи. — Ты там?

— Да, входи.

Сенмей с поклоном плавно прошел в комнату, прижимая к себе перевязанную руку. Акито не стал его приветствовать. Может, так было лучше. Ярость в его взгляде могла разрезать человека.

Ему нужно было разобраться в напряжении между Сенмеем и Акито.

— Вице-командир, когда ты вернулся? — в его глазах загорелась надежда, он опустился на колени между ними. — Полагаю, есть новости?

— Мы еще расследуем дело, — сказал Акито.

— Как жаль, — его брат похлопал по своей руке и вздохнул. — Я был уверен, что кто-то с твоим навыком уже раскрыл бы тайну.

— Прошел всего день, Сенмей. И не только тебя ранили в этой ситуации.

Сенмей потер подбородок.

— Точно. Запутанное дело. Меня интересуют обвинения капитана Окуро в сторону лейтенанта Мацукары. Капитан Хакури заявил, что она была всю ночь с ним. Верно, Тама?

Сердце сжалось с болью. Его брату было приятно напоминать ему об этом?

Акито ответил за него:

— Он был пьян, его показания не считаются.

— Как жаль. Но это понятно. Показания капитана Хакури о его отношениях с женщинами всегда хоть немного преувеличены, — он вздохнул. — Но я буду опечален, если она виновна. Она могла бы стать хорошим союзником, если бы с ней хорошо обращались.

— Ты считаешь ее невинной, несмотря на обвинения?

Сенмей выдержал мрачный взгляд Акито, прошел напряженный миг, и он ответил:

— Я спас ее жизнь. Между пациентом и врачом создается особая связь. Я уверен, что она никогда не навредит мне. Так что ответ на твой вопрос — да.

— Ты сказал, что ничего не помнишь о нападении, — сказал Акито. — Это все еще так?

— Если бы я вспомнил, я бы сказал, — рявкнул он, уже не был сдержанным. — Мне напомнить, что это я тут ранен? Вместо того, чтобы переживать о том, кто что видел, стоит

сосредоточиться на раскрывшейся из-за этого случая проблеме. Мы уязвимы для нападения в наших стенах! И, вице-командир, ты подозрительно отсутствовал, когда был нужен больше всего.

— Сенмей...

— Тама, позволь. Разве не странно, что во время этого нападения и в прошлом году наше самое умелое оружие, — он оскалился, — просто отсутствовало?

— Сенмей, — повторил Саитама, не переживая из-за срыва брата, — если хочешь в чем-то обвинить Акито, тебе нужны улики, — он скрестил руки, сверля брата мрачным взглядом. — Ты весь прошлый год подавлял мои тревоги о недовольстве в клане. Ты осуждал мои попытки что-нибудь изменить. И ты больше всего времени уделял своему исследованию. Порой кажется, что ты забыл, что произошло с матерью и отцом.

— А ты хоть на миг можешь отложить желание отомстить? Твоя месть открыла нас гневу Фракции. Мы могли заслужить ранг в измененном политическом пейзаже. Если бы лорд Ноэ не дал нам год на горе, все уже закончилось бы. Будь благодарен за это, а не используй время, чтобы навредить нам всем еще сильнее.

Жар вспыхнул в его груди.

— Благодарен? Тому человеку, который поддержал их казнь? Ты говоришь мне быть ему благодарным? Не смей так портить память о них! Слышишь меня, Сенмей? Я терпел твою трусость насчет Фракции, но я не буду позволять такие гадкие слова!

Сенмей поджал губы, прищурился, словно его ударили.

— Уверен, — он снова был спокоен, — даже вице-командир Назэ видит в этом смысл.

— Смысл можно найти в чем угодно, — Акито склонил голову, — правильный или ошибочный.

— Но, — Сенмей словно не слышал его, — из уважения к тебе и памяти родителей я успокою свою, как ты выразился, трусость. Отец хотел, чтобы ты вел клан, и я буду следовать за тобой до конца. Но я должен напомнить, что у нас есть другие варианты, я уже несколько раз отмечал это.

— То, что ты предлагаешь...

— Командир.

Он посмотрел в глаза Акито, прочел его вопрос. Это могло быть необходимым в свете всего этого. Но приказать провести допрос Сенмея было...

Потирая висок, он медленно выдохнул. Акито не станет его пытаться, если Саитама запретит это. Угрозы допроса могло хватить. Сенмей не загаивал обиду, он просто не так подобрал слова. Его брат искал легкий выход, послушание и подчинение.

Но легкое не всегда было правильным.

Он кивнул Акито. Они обсудят это позже.

— Я продолжу расследование.

— Спасибо, Акито.

— Удачи, вице-командир, — бросил Сенмей поверх плеча. Акито ушел, и он выпрямился, сел невозможно прямо, как он всегда делал. Даже с перевязью. — Времени осталось мало, — тихо сказал он, будто себе под нос. — Ты видишь, что мы проиграли еще до начала. Не будь эгоистом. Лидеру это не подобает.

— Наше право отомстить им.

Сенмей фыркнул.

— И кто это одобрит? Угасающий император? Принц Ичиё? Ты не соображаешь, и,

боюсь, ты был не в себе с их смертью. Но они еще могут...

В дверь безумно застучали, и это прервало его.

— Командир Рен!

— Что такое? Войдите!

Йоджи, недавно нанятый гонец, вбежал в комнату и быстро поклонился.

— Командир, господин, мы получили отчеты, что лорд Ноэ приближается к Аомори-то.

— Что?! — Саитама вскочил и пересек комнату. Йоджи сжался, испугавшись. Он замер и указал юноше продолжить.

— Они отправили посланника вперед. Он хочет поговорить с вами и просит покои для своей свиты.

Поговорить? *Покои?*

— Что он творит? Он нарушает соглашение! Насколько они далеко?

— В дне пути.

— Интересно. Он решил тебя предупредить, — Сенмей подошел к ним у двери. — Это может быть хорошо для нас, Тама.

— Хватит. Я не изменю свою позицию, — он повернулся к Йоджи. — Проследи, чтобы всем капитанам сообщили. Мы тут же соберемся в общем зале. И проводи Сенмея в его покои. Я хочу, чтобы у его комнаты стояли стражи, пока я не отменю этот приказ.

Йоджи быстро поклонился.

— Да, командир.

Сенмей застыл, помахал рукой.

— Я могу остаться тут, но спасибо за тревогу. У тебя дела важнее, чем проверять, нашел ли я свои покои.

— Ноэ на нашей территории. Я не позволю оставшемуся родственнику оказаться в опасности.

— И все же я дойду сам.

— На тебя уже напали раз! Не будь таким безответственным.

Сенмей открыл рот, потом сжал губы в напряженной улыбке.

— Конечно. Веди, Йоджи. И удачи, дорогой брат, — бросил он презрительно через плечо, Саитама вздрогнул от его тона.

Он расхаживал, собираясь с мыслями, укрепляя решимость.

Даже после всего этого он не был готов встретиться с тем мужчиной. Слова Сенмея пронзили его до сомнений, которые все еще были внутри него из-за ситуации, в которой они оказались, из-за веса выбора на его плечах. Лидеры других кланов, которые погибли из-за их борьбы, тоже это ощущали? Они тоже сомневались?

«Мы — дураки, раз думаем, что еще можем что-то изменить?».

Мацукара понимала, с чем они столкнулись. Она рискнула жизнью, но отвернулась от Ноэ. Но он рисковал целым кланом.

Должен быть другой путь. Он не мог жить, зная, что оставил свои убеждения, чтобы не умереть.

Какой воин приходит сражаться, чтобы просто сдаться?

* * *

Шорох отодвигающейся двери разбудил Эму. Она села на корточки и расслабилась, когда внутрь прошел Назэ, сжимая небольшой сверток. Снаружи было уже темно. Он опустил шарф с лица, его лицо было красивым и бесстрастным, как всегда.

Она устроилась на коленях, тело все еще ныло от побоев. К ее удивлению, он опустился на колени напротив нее, снял с шеи черную ткань и опустил ее рядом с собой вместе со свертком. Два меча остались на поясе, закрепленные obi. Он опустил на них левую ладонь, другая легла на колено. Голубые глаза посмотрели в ее, такие знакомые теперь, что она забыла, какими необычными они на самом деле были.

— Поместье и город пока что безопасны. Окуро задержан. Я его допрошу этой ночью. Допрос. Эма вспомнила предложение Окуро допросить ее.

— Я ему не завидую.

— И не нужно. В зависимости от его податливости, будет довольно больно.

Отсутствие чувств в его голосе послало дрожь по ее спине. Она знала этот тон без эмоций.

Назэ, стойкий убийца из теней, был в ярости.

Он отвел взгляд, словно хотел скрыть бурлящий под поверхностью гнев.

— Это не все. Завтра в город прибудет Ноэ.

— Ноэ... — ее сердце забилося быстрее, ладони вспотели, хоть она сжимала кулаки. Ее мутило.

— Скорее всего, он направился забрать тебя. Он не будет рад тому, что приз пропал.

— Видимо, да, — она не совсем его понимала.

— Успокаивай себя тем, что мы его хорошенько расстроим.

Эма невольно улыбнулась.

— Ты хотел сказать: выведем из себя.

Назэ склонил голову, чуть ухмыльнувшись.

— Да.

Это было... изумление?

Нет. Невозможно. Не Назэ.

— Видимо, он едет не для разговора.

— Наши разведчики сообщили, что там сто человек. Но он едет под знаменем перемирия. Хотя количество он выбрал намеренно, — Назэ сжал кулак на колене. — Этого мало, чтобы устроить осаду города с нашим количеством, но это все еще угроза. Думаю, еще отряды едут в дне или двух за ним.

— Так какой план?

Назэ взял сверток и передал ей.

— Мы с тобой вернемся в поместье под покровом ночи.

— А потом? Как я могу помочь?

Он кивнул на мягкий тяжелый сверток в ее руках.

— Переоденься в это. Я скоро вернусь.

— Погоди. Я про помощь с Ноэ.

Он плавно поднялся и посмотрел на нее.

— Не дай ему найти тебя.

— Но он должен знать. А если он...

— Этого не будет.

Она склонила голову.

— Я уважаю твою непоколебимую уверенность.

Его каменное лицо, как всегда, ничего не выдавало.

— Одевайся.

Когда она осталась одна, Эма развернула одежду. Черные хакама и косодэ, таби и сандалии. Она пригляделась. Это были ее старые сандалии, но их починили? Одежда точно была не ее. Вещи пахли им и чем-то еще, что она не могла угадать.

Она взглянула на дверь, ее манила его загадочность. Словно он знал, как ее утешат чистые вещи, еще и черного цвета ее бывшей профессии. С Назэ не было ничего случайного, и она ощущала, что он приобрел эти вещи, думая о ней.

Жар вспыхнул на ее щеках от мысли о том, что он думал о нем.

Качая головой, она встала и оделась. Он вскоре вернулся и стал тушить свечи.

— Назэ.

— Да.

— Как именно ты меня нашел?

Он замер у последней свечи, повернулся и шагнул к ней. Сердце Эмы забилося быстрее из-за их близости, ведь они были одни, и она сильно ощущала его. Он взял ее за руку. Она снова ощутила биение его сердца, его дыхание, мириады его чувств. Но они словно все время были там, просто от прикосновения стали сильнее. Он оборвал контакт, и все пропало.

— Вот так.

Он взял свечу, последний оставшийся свет в комнате, и прошел к двери.

— Времени мало, а у меня приказы.

Назэ задул свечу, и их окружила тьма.

Прошел день, но ни слова, ни знака от Эмы.

Хаганэ проглотил завтрак, почти не ощущая вкуса. От разговоров в поместье его тошнило — Таме лучше было некоторые не слышать. И Окуро кричал обвинения, подкрепленные показаниями свидетелей. Словно он ожидал, что она так сделает.

Это не вязалось. Гаденыш был слишком нахальным. И Хаганэ не давал тем сомнениям появиться снова.

Одной бессонной ночи хватило.

У Эмы был повод покинуть его. Он перегнул палку? Нет, он отдал ей власть, давал ей лишь то, о чем она просила, больше ничего не требовал. Может, она жалела об этом выборе. Было сложно представить, чтобы женщине не понравились его поцелуи, но он знал с самого начала, что она была другой.

Может, если бы он не был пьян, он знал бы, что произошло в ту ночь.

Когда он пришел к Таме на утреннее собрание, Акито уже был внутри.

— Закрой дверь, Хаганэ. Мы быстро.

Холод пробежал по его шее, волосы встали дыбом. Смирение в голосе Тамы не радовало, и то, как они смотрели на него...

— Что такое? — он звучал бодро, сел на колени перед ними, хоть напряжение сдавило его грудь. Они же не думали...

— Акито ночью допросил Окуро, — Тама скрестил руки. — Он признался, что помог недавнему налету, хотя Акито уверен, что он ничего не знал о ши-но-кагэ заранее.

Хаганэ выругался.

— Из-за него мы потеряли тринадцать солдат, не меньше тридцати жителей! — Окуро был наглецом, но не тем, кто мог так их предать. В это он верил.

«Все изменилось».

— А потом, — продолжил Тама, — он признался, что связался с Ноэ о награде за Мацукару. Он назвал имена тех, кто ему помогал в обоих случаях.

— Вы все узнали у него? — Хаганэ взглянул на Акито, сидящего напротив него, сжав кулаки на коленях. — Seriously, он еще жив? Если да, я его убью, — он захрустел костяшками, готовый вбить лицо предателя в землю.

— Его судьба в руках командира.

Тама не был этому рад.

Его отец, Садахиге, был мягким человеком. Всегда искал лучшее в других. Наверное, потому он нравился Хаганэ. Но Садахиге Рен не столкнулся с испытаниями, с предательством, с которыми разбирался его сын. Насколько он знал.

— Что насчет Сенмея и других?

— Те атаки были проведены людьми из его отряда? Другие помогли убрать Мацукару. У нас есть имена.

Эма.

— Тогда где она сейчас?

— Мы не знаем.

Невозможно. Акито сидел с бесстрастным лицом. Он думал, что никто не мог прочесть его лицо. Тама хмурился, отвел взгляд. Правда пронзила его грудь.

Тама врал ему.

— То есть, вы заставили Окуро признаться, но не узнали, где Эма? А ты, великий Акито Назэ, не смог ее найти? Ты должен наказывать себя за это. Если только не обрадовался тому, что ее нет.

Он прищурился.

— С чего мне радоваться?

— Судя по тому, что я вижу, ты или ненавидишь ее, или боишься, что она может тебе нравиться.

Глаза Акито вспыхнули на миг, этот ответа Хаганэ хватило. Он усмехнулся, радуясь, что причинил убийце неудобство. О, он чаще всего был не против Акито. Но ему нравилось заставлять Акито нервничать.

Особенно сейчас. Какой бы ни была причина, Хаганэ не хотел, чтобы Тама закрывался от близкого друга, когда нуждался в нем больше всего.

— Кстати, — Тама повернулся к Акито, — как ты мог не знать, что такое происходит? Я дал тебе власть делать, кто нужно, чтобы предотвратить такое, особенно после того, как о ее присутствии все узнали. Думаю, ты отвлекся после ее прибытия. Если бы мы раньше уловили намек на такое, мы не столкнулись бы с потерями!

Акито не ответил, опустил голову и смотрел на точку на полу между ними.

— Эй, Тама... — Хаганэ посмотрел на них, обвинение поразило его. С каких пор Тама сомневался в Акито? Он не мог винить его в произошедшем. Нет, он уже видел эту сторону Тама. Его уже хрупкое доверие снова потрясли, открыли последние слои. — Если бы было что найти, Акито нашел бы это. Мы оба это знаем, — Акито не поднял головы, но его ладони на коленях дрогнули. — Это случилось, мы уже не можем это изменить. Нужно идти вперед.

— Скажи это семьям погибших. Посмотрим, будет ли тебе тогда просто.

— Эй, не нужно делать вид, что мне все равно. Я потерял людей, с которыми тренировался годами. Ты забываешь, что я знаю, как это — когда все забирают.

— Я не забыл, — сказал он резким тоном.

— Простите, командир! — позвал голос из-за шоджи.

— Что такое?

Дверь приоткрылась, Йоджи заглянул внутрь. Он поклонился с дрожью и вручил Таме свиток пергамента.

— Они должны прибыть к вечеру, господин.

— Спасибо, Йоджи. Ты можешь передать послание капитану Тоджиро? — он встал и отвел парня в сторону, тихо поговорил с ним и отпустил. — Акито, нужно разобраться с Окуро до его прибытия. Ноэ не должен ничего услышать об этом. Понятно.

— Да, командир, — его сухой тон вернулся. — Я присоединюсь к Тасо после этого, чтобы помочь с оставшимися предателями.

— Хорошо. Пришли весть, когда со всеми будет покончено, а потом скройся. Без Мацукары можно сказать, что ты ушел с ней.

— Согласен, — он встал, быстро поклонился и вышел из комнаты, едва задевая татами.

— Хаганэ, когда придет Ноэ, я хочу, чтобы ты был со мной.

Он выбрал его, а не Сенмея? Хаганэ подавил удивление.

— Я должен быть тронут или оскорблен, что ты выбрал меня для встречи с тем мерзавцем?

— Всего понемногу, — Тама пожал плечами. — Ты — Первый капитан. И хорош в бою.

— Эй, тогда расскажи о своих чувствах, — усмехнулся он.

— И этого хватит, — он встал, но Хаганэ успел заметить румянец на его щеках.

Он рассмеялся, качая головой, встал и присоединился к старому другу. Таме нее нужно было больше тревог. Хаганэ будет там, куда ему нужно пойти.

— Какой план?

— Мы не сможем сделать то, что я задумал изначально. Но нужно быть готовыми к любому кошмару, который он нам устроит. Времени мало.

— Веди, командир.

— Тц, не нужно звучать как Акито.

— Невозможно.

Таме не нужно было переживать из-за верности Хаганэ. Он умрет, но не предаст его или кого-то еще. Он даже не мог представить мысль о предательстве. Он хотел, чтобы Тама верил в него, в связь, выросшую за много лет. Как делал он.

Он никогда не сомневался в том, что должен быть рядом с Тамой.

Саитама расхаживал по приемному залу, подавляя страх, кипящий в животе. Хоть Ноэ шел под знаменем перемирия, у города остались отряды. Воинов было больше, чем нужно для дружеского визита.

Как нагло было дать год на горе, чтобы усыпать его скрытыми угрозами в письмах, предлагать встречу, чтобы там обсудить условия капитуляции, но появиться раньше времени и без приглашения. Саитама не собирался возвращаться с той встречи живым — но и Ноэ не выжил бы. Но этот гад сломал все планы.

Он замер, мысль закралась в разум. Или хватило бы наглости пройти сюда под руку со своим мужем, ведя себя так, словно между ними ничего не случилось?

Духи, пощадите его от такого уровня страданий.

Он вытащил шнурок из кимоно, сжал его зубами и запустил пальцы в волосы. Ноэ под его крышей, в его стенах. Привкус предательства был резким на его языке, ужас той ночи вернулся с полной силой. Старый страх и беспомощность стали комом в его животе.

Если он убьет Ноэ тут и сейчас, под прикрытием мира, Ичиё получит право стереть их. Он за меньшее убирал кланы. Потому придется принять прибытие Ноэ и выслушать его. Он закрепил волосы и убрал ладони в рукава, вздохнув.

Когда Хаганэ прибыл, его обычно веселое лицо было кислым. Не было и намека на улыбку, глаза были тусклыми и без знакомой искры.

— Новости?

— Ноэ вошел в поместье. С ним шестнадцать человек, десятеро с видимым оружием. Тасо управляет отрядом Акиры, следит за ними. Тоджиро управляет воинами в поместье, а Харияма отвечает за город.

Саитама кивнул, его потряс деловитый тон друга. Хотя отсутствие веселья напомнило ему, как сильно Хаганэ помогал ему держаться этот год.

— А мой брат?

— В покоях с маленьким стражем.

— Хорошо, — духи, ему не хватало только переживать за брата снова. Что бы они ни наговорили друг другу, Сенмей всегда будет его единственным братом. — А Окуро?

— По словам Тасо, они заперты. Он сказал, что о них не нужно переживать сегодня.

Как Акито, Тасо был всю жизнь в клане, играл роль шпиона и применял схожие тактики. Проникновение, слежение и сбор информации — эти быстрые и опасные навыки, к сожалению, были необходимы в последние несколько поколений. Мацукара тоже была этому обучена. Ему все еще было стыдно из-за того, что случилось с ней, с Сенмеем...

— Тама.

— Хм?

— Ты расхаживаешь.

Он фыркнул.

— Ты удивлен?

— Нет, — Хаганэ склонил голову, как делал часто, напоминая ему об их юности. Тама сильнее ощутил стыд. Хаганэ всегда был его близким другом, и он соврал ему о Мацукаре. Хуже, из-за того, что он знал, что Хаганэ переживал за нее.

Ее местоположение было тайной для ее безопасности, для их безопасности.

— Покончим с этим, — он опустился на колени лицом к двери. Хаганэ сел рядом с ним.

— Эй, Тама.

— Что такое?

Появилась небольшая улыбка.

— Все будет хорошо.

Хотелось бы.

— Я знаю, — рывкнул он. — Думаешь, я дам им победить?

— Так-то лучше, — Хаганэ поправил официальную позу и перевел взгляд на дверь.

Саитама стало немного лучше.

Голоса зазвучали в коридоре, топот шагов отражался эхом. Тасо появился на пороге и сообщил о прибытии Ноэ. Он едва отошел в сторону, и высший лорд устремился в зал, словно это место ему принадлежало.

Наверное, он так считал.

Лорд Казуо Ноэ был в дорогой одежде и броне на груди, источал беспощадную силу и напоминал о том, что раньше был воином. Саитама знал его силу. Он не забудет то, как Ноэ подавил его и заставил слушать звуки убийства его родителей.

Он терпел мрачный взгляд гада, стиснув зубы и кулаки. При виде Ноэ все всплыло кристально четко. Не только та ночь, но и предательство Илии и вмешательство Ноэ в их дела. Сокрушительная потеря родителей и верных членов клана. Союз Ноэ и Илии вскоре после налета, союз не был оправданным, это была манипуляция Фракции.

Почему вдруг стало сложно дышать?

Хаганэ подвинулся рядом с ним. Этого хватило, чтобы подавить его растущий гнев.

Но обуздать его было куда сложнее.

Саитама склонил голову еще раз. Илии хотя бы с ним не было. Слава духам за это.

— Ты рано, хотя, полагаю, придерживаться слова тебе было тяжело.

Он не был в долгу перед Ноэ. Хотелось вскочить и задушить мужчину, но он как-то смог подавить желание. Его голова уже болела, а мерзавец еще ни слова не произнес.

— И я рад тебя видеть, — Ноэ рассмеялся, сел на колени перед ними без напряжения, словно это была теплая встреча друзей. — Я меньшего от тебя не ожидал, Рен. Твоя честность — приятная перемена, я скучал по этому.

— Прости, это не взаимно.

Он с ухмылкой склонил голову.

— Вежливость никогда не была твоей силой, да? Ах, но не будем начинать с ссоры. Я щедрый, позволил тебе горевать год...

— Одиннадцать месяцев. Как я и сказал, ты рано.

— Ситуация изменилась.

Саитама терпел пронзительный взгляд Ноэ, не вздрогнув.

— Разве?

Ноэ поднял руку и поманил пальцем. Слуга за ним поспешил вперед со свертком потрепанной ткани.

— Оставь нас. И твой человек тоже.

— Он останется.

— Я думал, ты храбрее, — он поднял ладонь, его свита покинула комнату. — Высший лорд предлагает доверие, но ты не можешь ответить тем же? Я оскорбился бы, если бы не знал тебя лучше, Рен. Страх всегда правил тобой и твоим маленьким кланом.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

— О? Так покажи мне ту же вежливость, что я показал тебе, — он развел руками. —

Меня некому защищать. У тебя преимущество. Ты так меня боишься, мальчик?

Его челюсть была готова треснуть. Семь адов!

— Капитан, можете идти.

Он думал, что друг возразит, но даже Хаганэ мог прочесть ситуацию. И даже без него он не был один на самом деле.

Хаганэ кивнул и поклонился, вышел из комнаты, задвинул за собой шоджи.

Ноэ бросил сверток между ними.

— Я не знал, что ты с подарком.

Он фыркнул.

— Возвращаю то, что принадлежит тебе.

Саитама развернул ткань. Высвободились свитки пергамента.

Письма, отправленные в столицу, нет, императору.

Не открытые.

Все.

Пот покатился по его шее. Конечно, он не получил ответ. Письма перехватывали. Они не попадали к императору Ичиго.

— Видишь ли, Рен, — Ноэ оскалился, как волк, — невозможно доставить письма мертвому.

— Что ты... — нет, это не могло быть. Они бы знали... что-то слышали бы...

— Я решил, что лучше сообщить новость лично. Было не так и сложно скрывать раннюю смерть Ичиго, ведь это помогло определить тех, кто был заодно с идеалами Ичиё. Как жаль, что ты старался написать эти письма вместо того, чтобы учитывать плоды неизбежного будущего. Трата времени и усилий.

— Когда? — выдавил он, сжав кулаки, пытаясь совладать с собой.

— Детали не важны, да? Принц Ичиё взошел. Ты понимаешь, что это значит.

Саитама скрипнул зубами. Ясное дело. Кроме мести за родителей, ничего не осталось. Императора Ичиго не было, и старые традиции Хинаэ будут стерты при правлении Ичиё с его жестокими идеалами.

«Неизбежное будущее».

В дверь постучали, ее отодвинули. Чай. Он собирался пить с этим мужчиной? Им нужно было следовать протоколу, но от мысли об этом его почти тошнило. Он хотел бы запачкать дорогое шелковое кимоно Ноэ.

Высший лорд наблюдал за ним, пока расставляли чай, ухмылка осталась на его лице с твердыми чертами.

— Я тронут, но не стоило стараться для меня. Все знают, что у твоего клана тяжелые времена. Но этикет настаивает, чтобы я принял твое щедрое гостеприимство.

Саитама выдерживал его мрачный взгляд. Он посмотрел на шрам на подбородке Ноэ, относительно новый, еще опухший и красный. Кто-то не так давно ранил его. Хорошо. Он заслуживал худшего, но этот шрам уже радовал.

Чай налили, они снова остались одни, и Ноэ сделал первый глоток... и скривился. Духи, Саитама ненавидел это, ненавидел его, ненавидел то, что ему приходилось принимать решение, которое могло уничтожить их, несмотря ни на что.

— Илия передает привет.

Саитама сжал чашку. Дышать. Ноэ хотел, чтобы ему было не по себе, чтобы он растерялся. Илия был легкий удар по его уже рушащемуся разуму.

— Вот как.

Ноэ сверкнул зубами в жестокой усмешке, сделал еще глоток.

— Как жаль, что между вами все сложилось не так, но все происходит не просто так. Она — поразительная женщина. Я понимаю, почему она тебя так очаровала.

Саитама старался выглядеть спокойно, кивнул, не доверяя словам. Внутри гнев обжигал его грудь ужасным жаром, спускался к животу.

— Ты все еще дорог для нее. Потому я тут. Я бы не хотел затягивать конфликт между нами. Я терпеливый, но у меня есть пределы. И письма скучные. Мне хочется видеть глаза человека, с которым я веду переговоры. Слышать его голос. Ощущать вкус его страха.

— Если ты пришел увидеть страх, ты будешь разочарован.

Ноэ опустил чашку рядом с собой.

— Потому ты мне нравишься, Рен. Ты смелый, в отличие от дураков, с которыми мне пришлось иметь дело. Я это уважаю. Ты справился со своим позором лучше многих. И хоть твое сопротивление начинает утомлять, мне нравятся люди, которые сражаются за свои взгляды. Но человек должен понимать, когда проиграл — когда последствия перевешивают гордость.

— Я ни на что не соглашался и не буду. Наша позиция остается неизменной.

Улыбка Ноэ увяла, он склонился ближе.

— Дело в том, что твое соглашение уже не имеет значения. У тебя нет союзников. Ичиги мертв, в Хинаэ начинается новая эпоха. Для тебя должно быть честью, что я готов присоединить твой клан, а не уничтожить на месте.

Честью? Саитама сделал глоток чая, чтобы скрыть растущий гнев.

— Я не поддерживаю режим, который убирает традиции, растворяет кланы и разбивает семьи, чтобы слушаться убийцу-предателя.

— Сильные слова, мальчик. Так ты обвиняешь Ичиё?

— Хочешь сказать, что Ичиги умер сам? Сложно в это поверить, — Саитама сжал чашку, костяшки побелели. — Я никогда не буду поддерживать Ичиё.

— А я думал, ты отличался от своего отца.

— Не говори о нем. Ты лишил себя этого права, убив его.

Он прищурился и опустил чашку.

— Я не убивал его или твою бедную мать. Мы с тобой мило болтали, пока с этим разобрались. И все, Рен. Это было просто дело. И пора закончить наше дело.

— Я уже дал ответ.

Ноэ помрачнел, поджал губы.

— Глупость часто путают со смелостью. Я мог стереть тебя годы назад. Одно мое слово, и я могу сравнять этот город с землей. Но я терпел возмущения Ичиё из-за тебя. Твой клан стоит, потому что настояла моя жена.

Ногти впились в ладони Саитамы. Илия? Нет. Это слова, чтобы разозлить. Зачем ей делать что-то для его клана после кошмара, который для них устроил ее клан?

Но она что-то говорила в их прошлую встречу. Слова теперь не всплывали в голове. Саитама поежился от холода, бегущего по спине. Он не хотел быть в долгу перед ней, не хотел верить, что она помогала им выжить.

Ноэ тяжело и с презрением вздохнул.

— Нам нужно это обсуждать, мальчик? Страна не развивалась. Отношения кланов рассыпались от дуновения ветра. Вы, так называемые лидеры, слишком долго вели себя как эгоисты, игнорировали законы империи ради своих нужд. Что означает нынче быть жителем Хинаэ? Наш народ связывается с иноземцами, разбит личными желаниями кланов. Мы забыли о движении к общему благу, и чистота нашей когда-то великой страны запятнана. Такой человек, как ты, не может с этим спорить. Хрупкость доверия кланов друг к другу — серьезная слабость строения.

— И Ичиё сеял недоверие, а не восстанавливал доверие.

Высший лорд рассмеялся, качая головой.

— Не вини одного человека в том, что уже существовало. Лучше Ичиё, чем кто-то из наших не таких дружелюбных соседей, хм? Разделение делало нас легкой добычей, но Ичиё собрал огромную силу, чтобы восстановить страну.

Конечно, многие кланы верили бреду Фракции.

— Но вы уничтожили всех, кто был против, и заставили остальных преклонить колени под давлением. Вы не отличаетесь от тиранов, на которых ты намекаешь.

Холодные глаза блестели.

— Нет места для несогласных. Видишь ли, Рен, чтобы принести серьезные изменения, нужно использовать большую силу. Мир и единство придут, если мы все думаем одинаково. Уже нет места для сомнений, злых намерений и старых обид. Ради чего? Защиты старой разрушительной гордости и эгоистичных идеалов? Ну же. Ты не можешь верить, что убийство меня может что-то изменить.

Саитама застыл от этих слов, скрывал эмоции на лице. Тиски на голове сжались сильнее. Сердце гремело в ушах. Ноэ не мог знать, хотя высший лорд мог подозревать, что он попытается предпринять нечто такое, ведь Ноэ забрал женщину, на которой собирался жениться Саитама.

Проверка. Больше слов, чтобы пошатнуть его.

Жестоко ухмыляясь, Ноэ сделал глоток чая, покрутил чашку с остатками, давая молчанию затянуться между ними. Саитама не мог признать или отрицать, любой ответ обрек бы его. Его внутренний гнев пытался пробиться наружу, задушить Ноэ. Но Саитама держал себя в руках.

— Как я и сказал, — Ноэ нарушил тишину, — все изменилось. У Ичиё есть свои дела, и я получил задание разобраться с раздражающими хвостами. Твое дело непростое, ведь я хочу сохранить жену счастливой. Но я должен и порадовать своего императора. Я же держу данное слово.

— Тц, конечно.

— Я знаю, что твой мерзавец Назэ бродит тут годами. Но представь мое удивление, когда я узнал, что ты укрываешь еще одного преступника.

— Я не знаю, где нынче Назэ. А другое обвинение...

— Не играй со мной, Рен. Я хочу Мацукару и Назэ, в обмен оставлю твой жалкий клан в покое. Мне не хочется снова приходить сюда, да и Ичиё не видит смысла признавать твоё сопротивление.

— Даже если бы я знал, где они, я не выдал бы их.

— О? Что такое жизни двух убийц против всего твоего клана?

— Почему ты так сильно их хочешь?

Ноэ цокнул языком, скрестил большие руки на груди.

— У меня есть личные причины, и это не твоё дело. Но Ичиё ненавидит, когда его оскорбляют. Он сделает пример из самых опасных убийц Хинаэ. Никто не будет жить в страхе перед такими, как они.

— Как я и сказал, я не знаю, где они.

— Твоё упрямство потрясает, — Ноэ опустил ладони на колени. — Выбор простой. Хотя, полагаю, горе — тяжелое отвлечение, и твоё горе ещё не прошло.

Он встал, заставив и Саитама так сделать. Высший лорд шагнул к нему, был близко, но не касался, ухмылялся, наклонив голову.

— Я уже предупреждал, Рен. И я знаю об истинной натуре Чёрного Шипа лучше тебя. Когда ты ощущаешь наслаждение женщины, извивающейся под твоим прикосновением...

— Хватит. Ты озвучил цену. У меня есть другие дела, это допускает соглашение, которое ты предложил и подписал. Если у тебя есть хоть капля уважения в твоём гнилом теле, ты оставишь нас в покое, пока год не истечет.

Его жестокая улыбка увяла.

— Ты в долгу перед Илией за свою жизнь. Иди и рыдай из-за того, что прошлое не изменить. Мое терпение кончается, как и терпение Ичиё. Не отбрасывай подарок, который она тебе дала.

Он попятился и повернулся к двери.

— Чёрный Шип, — бросил он через плечо. — Сделай правильный выбор.

Ноэ распахнул дверь, позвал слуг, выходя. Группа солдат Рена плелась следом. Когда они ушли, Хаганэ открыл панель в стене и прошёл к Саитама.

— Ты что-то слышал?

— Каждое мерзкое слово из его гадкого рта.

— Я хочу, чтобы за ними следили все время. Люди Акито этим заняты, но... — он остановил себя. — Нужно усилить слежку.

— Конечно.

Он вздохнул, потер двумя пальцами висок. Ноэ пришел с желанием надавить новым решением. Саитама не верил ни одному его слову. Окуро мог легко рассказать, что Акито и Мацукара были тут. Ноэ собирался забрать Мацукару, но Акито вмешался в это.

Но редкие знали о его праве убрать Ноэ. Ещё меньше было против этого. Кто-то ближе к нему, чем Окуро.

И Саитама не был готов к тому, что ему говорило сердце.

Потирая пострадавшую кожу запястья, Эма расхаживала в покоях Назэ. Давно наступила ночь. Мягкое сияние фонарей снаружи озаряло стену-шоджи — единственный источник света. Он предупреждал ее оставлять комнату темной, чтобы не привлекать внимания. Оставив ей еду и расстелив футон, он ушел с четким указанием не выходить.

Это было прошлой ночью. Он еще не вернулся, оставил ее на весь день. И днем поместье ожило от активности, напряжение было ощутимым в замкнутом пространстве. Крики, обрывки разговоров. Ноги стучали по полу. Безумные приготовления к прибытию Ноэ заглушили даже гул цикад. Эма много раз оказывалась у двери, пальцы замирали над щелью, хотели сдвинуть панель.

Но она сопротивлялась.

«Делай, как я говорю, и будешь в безопасности».

Она почти весь день воевала с прошлой версией себя, которая брала дела в свои руки. Но Ноэ был так близко, и судьба клана Рен была неизвестной, и она не хотела влезать в планы, которые они продумали. И Назэ еще не подводил ее.

«Я никогда не желал твоей смерти».

Это не показывало его мнение о ней, но это было больше, чем она ожидала от него. Они смогли помириться. Больше того, ее щеки пылали от воспоминания о его прикосновении, покалывание холодом пробежало по телу.

Дрожа, она укуталась плотнее в одолженную хаори, сладкий запах дыма отмечал, что это была вещь Назэ. Эма уже не боялась его, верила, что связь между ними была важнее, чем он показывал. Такое спасение было для нее в новинку. Обычно она спасала. Рё оказывался в жутких боях. Но она не гордилась тем, что не смогла принять его помощь или оценить ее. Приказы или нет, он завершил миссию, чтобы найти ее, остался с ней терпеливо и тихо, пока она тянула свое избитое тело в поместье.

Духи, тогда в грязном сарае... Эма еще никогда не ощущала себя такой беспомощной. Она была бы уже в руках Ноэ, если бы Назэ не нашел ее. Освободил ее. Убил ради нее.

Снова.

В дверь тихо постучали. Дверь отодвинулась, и Назэ проник внутрь, его бесстрастное лицо было мрачнее, чем обычно.

— Ноэ сегодня остается вне поместья, — тихо сказал он. — Но он оставил своих людей. Он уедет утром, хотя его отсутствие будет временным.

— Удивлена, что он не потребовал покои Саитами, а то и все здание, — лорд Ноэ занял весь дом офицеров, когда прибыл в Нагеями-то, чтобы закрепить альянс с Тайшо. — А Окуро?

— С этим разобрались. Командир скоро придет поговорить с тобой. Подготовься, как считаешь нужным, — он указал на сундук в дальнем углу. — Там есть немного вещей. Не стесняйся.

Ее вещи? Неужели...?

— Я не могу остаться, но я буду недалеко.

И он ушел.

Эма посмотрела на сундук, замки были открыты. Ей хотелось уже несколько раз заглянуть туда, но было глупо навлекать гнев Назэ из-за такой мелочи. Но теперь...

Она опустила перед сундуком, открыла его. Запах Назэ наполнил ее нос. Успокаивал, как старый друг. Она осторожно подвинула аккуратно сложенную одежду. Его одежду. Ее пальцы покалывало, когда она задела плотную ткань. Эма покачала головой, отвлекаясь на другое содержимое сундука. У дня она услышала знакомый стук дерева по дереву, и ее сердце заколотилось от радости.

Она вытащила сверток, и надежда оказалась не напрасной. Два меча, обмотанные черным поясом — ее катана и вакидзаси — рукояти были открытыми, звали ее. Она узнала бы их всюду, ее спутников, которые были с ней много лет.

Духи, он приберег мечи для нее. И он решил вернуть их.

Эма высвободила мечи из пояса, проверила ножны, вытащила мечи. Рукояти обвили новыми шнурками. Она склонилась и уловила запах масла, клинки были начищены и сияли в тусклом свете комнаты.

Он почистил ее мечи?

Она опустила их рядом с собой, вытащила маленький сверток рядом с мечами. В ткани были два кинжала и немного ихори, которые у нее оставались.

Она села на пятки и осмотрела оби — черно-красный пояс, который она носила на каждую миссию Черного Шипа. Чистый и целый. Она думала, что вся ее одежда была уничтожена в онсене. Оби точно порвала ши-но-кагэ. И она увидела линию стежков. Кто-то починил пояс.

Точно не Назэ.

Эма провела пальцами по идеально ровным стежкам. У нее был только этот кусочку шелка: подарок от ее матери, когда она стала лейтенантом.

Она встала и обвила оби талию. Немного от ее старого «я» вернулось, как и ощущение контроля. Назэ вернул ей способность защитить себя. Слезы подступили к глазам. Эма вытерла их ладонью. Она не собиралась плакать из-за этого. Но Назэ все делал по причине. Каждое действие имело смысл, и тут все было понятно.

Он доверял ей, хотя бы немного.

— Он тебе сказал.

Эма повернулась. Сайтама стоял на пороге. Духи, она даже не услышала его.

— Немного, — она кашлянула. — Полагаю, ты знал, что он это сделает.

— Мы согласились, что это уже не нужно.

Он прошел внутрь и закрыл дверь, остался на уважительном расстоянии в тускло освещенной комнате. Она встала, оставив мечи у сундука. Он скользнул по ней взглядом, приподняв брови, а потом помрачнел. Он сжал губы в линию. Ей показалось, что он был встревожен?

— Расскажи, — сказал он удивительно мягко. — Я хочу услышать от тебя.

Эма выпрямилась под его пристальным взглядом, быстро все описала — от засады, якобы по приказу Сайтамы, до спасения Назэ.

— Проклятье, — прошептал он. — Надеюсь, ты понимаешь теперь, что я не отдавал тот приказ. Я ничего не отдал бы Ноэ. Тем более, тебя.

Все внутри нее трепетало от тех слов.

— А я думала, тебе все равно.

Он смотрел еще миг, а потом отошел.

— Окуро пошел на все, чтобы обвинить тебя, — он помрачнел. — Мне стыдно признать, что до возвращения Акито я не знал, чему верить.

— Ты защищал клан. Я не виню тебя в этом.

Он кивнул.

— Но произошло не только это. Сенмея ранили, порезали от запястья до локтя. И еще несколько человек пострадали, но не смертельно, когда ты якобы сбегала.

Духи.

— Он... все они в порядке?

— Они восстанавливаются. Рука Сенмея все еще под вопросом, — он скрестил руки и отвел взгляд. — Возможно, тебе интересно узнать, что некоторые отказались тебя обвинять. Сенмей, например. Он не знал, кто на него напал, но был уверен, что это не ты. И Хаганэ хотя это вряд ли тебя удивит. И Акито — когда он нашел тебя и сообщил мне правду... — он опустил руки и повернулся к ней. — Я беру ответственность за то, что случилось.

— Ты не можешь винить себя за действия Окуро.

— Не за его действия. За отсутствие моих. Окуро скрывал измену. Если бы мы раскрыли это раньше...

— Разве так не всегда? Кошмар творился в клане Тайшо, это скрывали от нас. Даже до альянса с Фракцией. И, — она всплеснула руками, — если бы я оказалась в руках Ноэ, я бы сделала все, чтобы сбежать или умереть в попытке.

— Не в том смысл. Это не должно было произойти. Чтобы они сделали это с тобой...

Он потянулся к ее щеке, замер, словно хотел убрать руку, дать ей шанс отказать. Но ее сердце колотилось, тело трепетало в теплом предвкушении. Она склонила голову, и он погладил пострадавшую кожу большим пальцем, провел линию к ее уху. Неожиданная нежность его прикосновения вызвала жар в ее теле.

— ...это неприемлемо.

Его дыхание дрогнуло, она посмотрела в его потемневшие карие глаза, выражающие тысячу мыслей, которые она не могла расшифровать, но видела. Она не могла успокоить сердце, в голове кружились мысли, чтобы он еще ее коснулся. Он был близко, она ощущала запах сандала и гвоздики, который заметила раньше. И этот взгляд. Он не мог так переживать.

Нет, он просто сожалел, что так произошло. Это не было связано с ней.

— Командир, это... — она отодвинулась на шаг, подавляя раздражающее желание перейти черту, дотянуться до того, что он предлагал. Это не было для нее чужим. Годы наслаждений в руках Рё не оставили места тайнам отношений мужчины и женщины. И не так давно она была в руках Хаганэ, пробовала его поцелуи и нежилась в его тепле. Но от Саитама ее сердце колотилось так же, темные глаза пронзали ее защиту, блеск обещал нечто большее. Она хотела это познать, но...

— Конечно, — он кашлянул, снова отодвинулся от нее. Он взглянул на дверь и нахмурился. — Как ты понимаешь, визит Ноэ не был приятным. Похоже, мне придется действовать раньше, чем я планировал.

— Что я могу сделать? — если он не был готов разбираться с Ноэ, с сомнениями в верности клана, ему нужна была помощь. Но захочет ли он ее помощь?

— Зависит от...

— От?

Его губы дрогнули в улыбке.

— Тебя, — он отошел. — Он принес новость из столицы. Император Ичиго мертв.

Ичиго... мертв? Этого не могло быть. Потому Ичиё мог действовать безнаказанно?

— Ичиё теперь император.

— Да. Больше никто не борется с ним, кроме нас и, может, пары других меньших кланов. Это не считается угрозой. Ноэ знает это и изменил условия, — он смотрел на нее пристально. — Он хочет тебя и Акито в обмен на наш иммунитет.

Она сглотнула, грудь сдавило. Старая тревога, как при ее прибытии, вернулась: ее жизнь или его клан.

— И что ты ему сказал?

— Тц. Ты как думаешь? Я сказал ему убираться, — он сунул ладони в рукава.

Страх отпустил ее сердце, сменился уколом вины.

— Ты уверен, что это...

— Да, уверен, — Саитама взглянул на свои ноги. — До твоей поимки я хотел поговорить с тобой об этом. Но все зависит от того, готова ли ты биться на, скорее всего, стороне проигравших.

Но даже веря, что они проиграют, он боролся.

— Не спеши с выводами. Ты еще не проиграл. Ты еще тут.

— Да. Как и ты. Что ты думаешь насчет клятвы нам?

— Я... что? — клятва? Верность другому клану? Она уже клялась. И это не...

Но это было глубже, да? Она видела по его взгляду, строгому и пронизывающему, пытающемуся добыть ответы из выражения ее лица.

Ее отказ был таким же весомым, как и согласие.

Он пожал плечами.

— Выступи против Фракции со мной... с нами. Я знаю, ты хотела уйти, и если ты все еще этого хочешь, я не буду мешать. Но у тебя есть место тут, если хочешь. Ты могла уйти в день налета. Но ты осталась и рискнула собой, чтобы помочь нам в час нужды. Я не могу игнорировать это.

Эма покачала головой, скрестила руки на груди.

— Я сделала то, что сделал бы любой. И я поступила бы так снова.

— Никто тебя не просил. Не вини себя в помощи, когда ты смогла ее предоставить.

Она фыркнула.

— Тогда тебе нужно знать, что, если я соглашусь, я не могу обещать слепое послушание. Я уже так делала.

— Я бы от тебя этого и не просил.

— И мое прошлое. На моих руках много крови.

— У всех нас кровь на руках, — сказал Саитама. — Вся страна пропитана кровью. И те кто выше нас, рады хаосу и сомнениям, — он склонил голову, шагнул ближе. — Я понимаю твое смятение, особенно, после произошедшего. Я предлагаю место, которое можно звать домом, даже если временно. Но я не буду давить. Если хочешь уйти, мы поможем тебе пройти мимо Фракции. Если захочешь что-то другое, объясни свои намерения насчёт Ноэ и всего этого, и мы поговорим.

— Я обдумую это.

— Тогда завтра. Времени нет.

— Конечно, — она могла официально остаться тут? Должна ли?

— Акито и Хаганэ будут свидетелями, если решишь дать клятву. Но я уточню: я буду уважать любое твое решение без обиды. Я не могу никого заставлять биться с нами до... любого конца, — он кивнул на ее мечи. — Ты еще можешь сражаться ими?

— Конечно, — ее пальцы покалывало от желания взять их и провести тренировку.

— Я так и думал, — он слабо улыбнулся.

Он думал пойти против Ноэ прямо? Клан Рен не был агрессивным. Это будет резкой переменой их идеалов. Хотя, судя по словам Хаганэ, Сайтама нес перемены.

— Завтра, — он прошел к двери. Оглянувшись, он ушел в коридор.

Вес выбора давил на ее разум, Эма взяла мечи, наслаждаясь их старым весом, и принялась оттачивать движения.

Он попросил Черного Шипа дать клятву?

Издав смешок, Саитама провел рукой по волосам, пока расхаживал по своему саду. Не только она не ожидала этого. Он подумывал об этом после налета, но не планировал так это выпалить. Но она была потрепанной, в синяках, но все еще стояла, готовая биться... Какой лидер не хотел такого воина на своей стороне?

Только если она была не против. Мацукара показала свое благородство. Она не просила больше, чем ей давали, и давала больше, чем от нее просили. Она могла уйти в любой момент, и он не сомневался, что она не хотела оставаться с кланом и наблюдать его последние закаты.

Что уговорило ее остаться и помочь им?

Это приводило его к другому вопросу, который становилось все сложнее отрицать. Каждый раз, когда он видел ее и говорил с ней, его сердце билось быстрее, как в тот миг, когда он увидел ее в онсене. То, что он назвал влечением, как-то стало глубже. Облегчение от вида, что она была жива и в безопасности в комнате Акито, говорило о многом, и он чуть не пересек невидимую границу между ними. Он хотел ощутить снова ее тепло в своих руках, убедиться, что этот искренний благородный человек был настоящим.

Но касаться ее было ужасной ошибкой. Была не озвученная граница доверия и понимания, которую нельзя пересекать. И если он надавит, хотя бы немного, она заслуженно посчитает его плохим.

Со стоном и ругательством Саитама покинул сад после последнего круга. Усталость подступала со всех сторон, глаза болели, напряженные. Мышцы его ног едва слушались, и он удивлялся, как все еще стоял. Но он не мог пока уйти отдыхать. Если Мацукара решит принять клятву и биться с Ноэ на их стороне, он должен был укрепить идею, возникшую в голове.

Саитама не мог сделать это без ее участия.

Свет сиял впереди в комнате Сенмея. Он все еще не спал? В коридор доносились тихие слова и стук. Саитама подошел к двери.

Его брат двигался по комнате спиной к нему, шуршал бумагами. Он встал и открыл ящик, быстро порылся в содержимом. Его волосы спутались, мокрые от пота, пряди торчали из обычно аккуратного пучка. Когда он повернул голову, он вздрогнул, испугавшись, а потом выпрямился, снова стал сдержанным.

— Тама. Что-то не так? — прошептал он.

— Могу задать тот же вопрос.

— Ах, — он махнул здоровой рукой на бардак перед собой. — Все нужно пересмотреть и организовать, и это требует больше времени, чем у меня есть. Но я благодарен, что ты решил порадовать меня своим визитом. Встреча с лордом Ноэ прошла хорошо?

— Я еще жив.

— Так плохо? — Сенмей уже повернулся к бумагам на столе.

— Это мало что меняет. Я не дам ему то, чего он хочет.

— И что это?

Сенмей ранее показал, что не был согласен с позицией Саитама, хоть он и обещал поддерживать его. А потом Ноэ пронзил его намеком на то, что хочет его убить. Только

Акито знал это, но для Сенмей, Хаганэ и некоторых других было несложно сделать вывод. Если Ноэ получил информацию от кого-то тут.

— Акито и Мацукара в обмен на иммунитет от Фракции.

Сенмей повернулся к Саитама, руки замерли, глаза расширились.

— То есть...

— Ичиё потерял к нам интерес, но его гордость задета. Этот обмен все решит, по словам Ноэ. Иначе мы будем уничтожены.

— Чудесно. И, как отец, ты слишком мягок. Ты защищаешь две жизни ценой всего клана, — он опустил пергамент на стол. — Особенно твоего вице-командира, которого ты не хочешь видеть таким, какой он есть.

Саитама прошел в комнату, захлопнул дверь за собой.

— Хватит, Сенмей. Мне надоело то, что происходит между вами. Объясни это.

Сенмей поднял голову и нахмурился.

— Почему ты не спрашивал, где он был в ночь, когда они умерли? Вице-командир Назэ работал на лорда Ноэ до того, как клан Хецума раздавили. Ты *знаешь* это.

— Это было годы назад и никак не связано с нами.

— О? Тогда кто поднял меч на отца и мать? Кому могли доверить их убийство? Кто убивает лучше, чем кто-либо, кого мы видели?

Саитама нахмурился, сжал кулаки.

— Он — не единственный убийца в Хинаэ.

— Ты прав. Это мог быть кто угодно, даже лейтенант Мацукара.

Нет. Он не мог даже обдумывать этот вариант.

Сенмей приподнял бровь и пожал плечами.

— Назэ подозрительно отсутствовал, пока Варуама планировали удар по нам.

— Акито часто покидал нас. Но он никогда не действовал против нас и не будет.

Сенмей фыркнул, звук превратился в презрительный смех.

— Слово ты *знаешь*, что творится в его голове. Его душа повреждена, разум — еще хуже. Ты *знаешь*, что он был вовлечен в гибель клана Хецума.

— Он признал, что сожалел о своем участии, и я верю его словам. Не все идут по прямому узкому пути, как ты, Сенмей. Он столкнулся с испытаниями, которые мы не можем понять.

— Даже сейчас ты защищаешь его. Чем он тебя так захватил? Ты не видишь?

— У меня нет причины верить, что он намеренно навредит нам. Он поклялся нам, отрекся от других оков.

Сенмей отвернулся, продолжил наводить порядок в бумагах, словно Саитама там не было. Тишина между ними затянулась. Он не мешал. Сенмей хотел обвинять Акито в убийстве их родителей, но у него не было улик. Несколько из их людей тогда отсутствовали, и Варуама могли нанять кого угодно.

«Даже лейтенант Мацукара», — он тут же подавил эту мысль.

— Тама, — тихо сказал он, — я в своем исследовании и отчетах, собранных на нашей территории и не только, почти определил, когда тени попали в этот мир. И когда я сделаю это, — он поднял взгляд, глаза были уставшими, — ты увидишь правду. Ты поймешь, что я все время был прав. И ты пожалеешь, что не слушал меня.

— Сенмей...

— Всегда есть другой вариант, я это говорил. Но ты даже обдумывать это не стал. Ты

решил поверить тому демону, даже той женщине, но я для тебя — ничто. Я работал для нас, и ты даже не учиываешь это, не видишь ценность...

— Сенмей, о чем ты говоришь? Ты не ничто! Ты — семья, мой единственный брат!

Он покачал головой.

— У тебя много дел, а я устал. Раз ты хочешь нас разбить, хоть у тебя был другой вариант, я могу лишь ждать и принять свою судьбу. Так что прости, — он поклонился и опустился на колени на полу спиной к нему.

— Сенмей.

Его брат не ответил, сосредоточился на бумагах перед собой. Он согнулся над столом, словно устал так, что не мог вести себя прилично.

Оставив брата с его мыслями, Сайтама вышел из его комнаты и вернулся в свою. Как он мог такое говорить? Он еще никогда не видел его таким расстроенным. Его брат обычно не повышал голос. Конечно, он чуть не умер. Может, он все осознал. Но нет, это было не так. Его вспышка, смешанная с желанием сдаться Ноэ, показывала, что тут было что-то глубже.

Он и Сенмей были родней. Это ничто не изменит. Но если он уже не мог доверять даже своему брату...

Он поговорит с Акито утром. Они сделают это тихо. Осторожно. Сенмей должен был понимать после всего, что случилось.

Акито. Этого Сенмей не мог понять. Он значительно отличался от отца, и, наверное, потому рол лидера отдали именно ему.

Допрос. Клятва. Завтра Сайтама сможет успокоить голоса, которые вызывали в нем сомнения ко всем вокруг него.

Хаганэ провел рукой по волосам, проходя через ворота, возвращаясь в поместье с патруля. Ноэ и его свита ночевали в городе, в «Золотом цветке». Мадам Фумико точно не была рада работе с этим мерзавцем, но она была крепкой. Она хотя бы получит ихори, если высший лорд был хоть в чем-то щедрым.

Слишком много солдат Фракции были в городе, по его мнению, и вели себя так, словно были хозяевами.

И этот жестокий Ноэ бил по Таме смертями его родителей, а потом и смертью Ичиго. Как Тама сдержался, вызвало бы гордость даже у Акито. У него ушли все силы, чтобы остаться неподвижным и тихим за стеной, он сжимал кулаки так, что ногти оставили след на ладонях. И состояние, в котором он обнаружил друга, пронзало его сердце ножами.

Ноэ сделал ход, и Хаганэ не сомневался, когда высший лорд говорил, что Илия была вовлечена. Скользкая лисица. Она всегда такой была. Может, в ее холодном сердце было что-то живое, и это пощадило их в этот раз.

Скорее всего, у нее была мотивация.

Тама столкнулся со сложным решением. Те, кто не был связан с Окуро, обновили клятву клану, даже ворчащий Тоджиро. Это немного утешало, и он надеялся, что этого хватит. Но их решения заканчивались не так, как они надеялись.

Потому он подавил мрачные чувства внутри. Хаганэ просил себя принять, что Тама врал ему не просто так. Они многое прошли вместе. Но его недоверие в этом грозило потушить его веру в друга.

Нет. Этот огонь не погаснет. Он не позволит этим чувствам править. Слишком многое было на кону.

Но он должен был знать, почему.

Акито жил в уединенном крыле одного из старых зданий. Он предпочитал уединение, редко кого-то пускал в свою комнату. Хаганэ мог на одной руке сосчитать, сколько раз он был внутри, и Акито всегда был раздражен. Но он рискнет ледяным взглядом. Несмотря на контроль Акито, Хаганэ всегда задевал его защиту.

Он не боялся его так, как боялись многие. Почти всегда.

Он был напряжен, пока приближался. Когда он так нервничал? Ему все больше приходилось бороться с ударами по его оптимизму. Все не будет так беспечно, как раньше. Хаганэ скривился, потер ладонью щеку. Он ни за что не сдастся, не оставит маленькие радости. Даже внимание других женщин его уже не радовало... кроме Эмы.

Редкие ходили в эту часть поместья, и сегодня тут не было ни души. Хаганэ прошел в маленькое здание, миновал пару кладовых, добрался до двери комнаты Акито.

Ему не было тут одиноко? Тишина свела бы Хаганэ с ума.

Он поднял руку, чтобы постучать, потом замер. Женское дыхание в знакомом ровном ритме послало дрожь по его телу.

Женщина? Мир перевернулся. За все годы он не знал, чтобы Акито был с кем-то близок.

Улыбаясь, он решил оставить их одних, когда женский голос охнул. Он знал тот голос, от этого сжалось сердце, чуть не вырвалось из груди. Он вызывал у нее схожие звуки в ту ночь, когда она пропала.

Он открыл дверь с большей силой, чем намеревался. Она ударилась об раму с грохотом.

Эма развернулась с мечом в руке, грудь вздымалась.

— Эма?!

Ее глаза расширились.

— Хаганэ? — она осталась на месте, подвинула катану в защите.

Красные следы были на ее щеках, лиловые синяки. Ладонь на мече тоже пострадала, кожа была стертой, в царапинах. Его тело хотело подойти к ней, утешить ее, но ее поза заставляла его стоять на месте. То, что произошло, разбило их доверие. Он сглотнул от боли в груди.

Но она была тут. Живая.

И вооруженная.

— Откуда ты узнал, что я тут.

Хаганэ подавил желание подойти к ней.

— Я пришел поговорить с Акито. Я не ожидал... все думают, что тебя еще не нашли, — он ненавидел то, что был прав. Но сейчас не было времени разбираться с этим. — Ты... что случилось?

Ее лицо смягчилось, губы дрогнули. Она нахмурилась, глядя в его глаза. А потом опустила меч и убрала его в ножны.

— Заходи.

Просьба — нет, приказ — застала его врасплох, было даже приятно. Это должен был сделать он, не иначе. Хаганэ осторожно подошел, следя за ее телом, но она не напряглась. Когда она шагнула навстречу, улыбаясь, он невольно ощутил облегчение. Он обвил рукой ее талию, притянул ее к себе, вдыхая ее запах, радуясь ее теплу. Она обняла его и прильнула к нему.

Она была в безопасности. Тут.

— Я не должна была покидать твою комнату.

— И я так думаю, — он хотел поцелуями убрать синяки и царапины, но отодвинулся, оставил ладони нежно на ее талии. — Хочешь рассказать мне об этом, милая?

Она шлепнула его по груди за это, а потом рассказала все о том, как ее поймали, наполнила кусочки о ней и Окуро, которые скрыл Тама. Его сердце сжалось от деталей, словно невидимый кулак давил все сильнее. За один день все изменилось. Ночью он обнимал ее, целовал ее теплые нежные губы, обещал, что будет рядом. А потом нарушил данное слово из-за своей беспечности, и она была одна, пострадала, чуть не попала к Ноэ.

— Мне так жаль, — он не мог убрать от нее руки, словно мог снова ее потерять.

— Это не твоя вина.

— Я должен был оказаться рядом, когда тебе нужна помощь. И этот наглец Окуро — я не верил ему, но когда даже Тама сказал, что не знал, где ты...

— Знаю. Акито упоминал, что только он и Сайтама знают. Вряд ли Акито хотел рисковать, ведь клан мог быть в опасности, — она вздохнула. — Ты все это время не знал.

— Ничего. Ты тут и в порядке. Только это сейчас важно, — он снова прижал ее к себе, рукояти мечей воткнулись в его ребра. Ему было все равно. — Продолжим с того, на чем остановились.

Она отодвинулась.

— Это было бы просто, если бы все не стало сложным.

— Поцелуй — это не сложно. Показать тебе еще раз?

Эма остановила его, прижав ладонь к его груди.

— Хаганэ. Мне понравились поцелуи, но я не хочу, чтобы у тебя были проблемы с Саитамой. Ты не должен тут быть. И я не одна из вас.

Он улыбнулся.

— Я ценю заботу, но я знаю, что делаю. И я не пожалею, если рискну его гневом, чтобы узнать правду. А то, что ты не из нас, бред, да? Признай. Если бы ты не стала влюбляться в меня, ты давно ушла бы.

Она снова шлёпнула его по груди, и они рассмеялись.

— Серьезно, Эма. Ты — одна из нас во всем, кроме имени. Вспомни, что я говорил. Я был раньше на твоём месте, — он указал на свои необычно светлые волосы, когда почти все в Хинаэ были с черными или каштановыми волосами. — Моего отца прогнали с севера. Обидел не тех людей. Мне было пять или шесть, когда нам пришлось уйти. Мой отец как-то добрался сюда и устроил магазин в городе. Моя мама делала одежду, он торговал. Пытался честно зарабатывать. Какое-то время.

Он не говорил о родителях годами. Это были не лучшие воспоминания.

— Что случилось? — спросила Эма.

— Ха, вернулся к старым привычкам. Не смог сдержаться. К счастью, тогда я уже владел мечом, учился в одном додзе с Тамой. Там я его и встретил, хотя не знал тогда, что он был лидером клана. Он был просто Тамой, еще одним неуклюжим восьмилетним мальчиком, который начинал путь к становлению воином.

— Вы давно знакомы.

— Да. Мы быстро подружились. Мы всегда помогали друг другу, хоть были из разных классов. Его семья не винила в действиях отца меня или Цуки. От его жадности мы даже получили выгоду. Он хотел получать деньги, которые нам платили бы за работу в армии Рен. Наверное, только поэтому он не мешал нам ходить в додзе. Но он не дождался, чтобы это увидеть. В общем, — он отмахнулся от этого и опустил ладонь на ее плечо, — моя милая Эма, я был на схожем месте. Ребенок с отцом без морали, который старался вести себя по законам. Со смыслом. И все из-за того, что Тама и его семья дали мне шанс, — он погладил ее щеку, нежно скользнул большим пальцем вдоль пострадавшей кожи. Ее дыхание дрогнуло. — Поверь, я знаю такое одиночество, знаю, как это, когда на твоей стороне кто-то есть, несмотря ни на что. Потому я хотел быть рядом, как ты была для меня.

— Хаганэ...

— И я знаю, что ты способная, — продолжил он. — Да, ты не гордишься своим прошлым, но твои навыки всегда будут частью того, кто ты. Я не хочу это убирать. Но у всех есть пределы. Тот, кто сделал это, воспользовался твоей раной, твоим прошлым и твоей репутацией. И они сделали это с женщиной...

Она покачала головой.

— Не важно то, что я женщина.

— О, это важно, — он поймал ее подбородок большим и указательным пальцами, поднял ее голову. — Они поступили непростительно, навредили женщине, которая мне дорога.

— Это так?

Он кивнул, глядя на ее губы, изогнувшиеся в слабой улыбке. Ему нравилось, когда она подыгрывала его флирту. Она была уверена в себе, рядом с ним позволяла себе немного расслабиться. И он ощущал, что с Эмой будет больно, если доверие разобьется.

Она прижалась к нему. Он резко вдохнул. Тысяча картинок мелькнула в голове, во всех

были он и Эма почти без одежды. Но, хоть он желал такой близости с ней,

Хаганэ отогнал эти желания. С Ноэ и ши-но-кагэ ситуация была тяжелой.

Но они могли забыть об этом ненадолго. Все заслуживали ощущать себя в безопасности и заботе, даже опасная убийца, как Эма.

Хаганэ склонил голову ближе, улавливал мелкие ответы ее тела. Ее пальцы чуть сжали рукав его хаори. Она вдохнула, и грудь приподнялась от этого. В ее глазах блестела тень улыбки.

Он хотел, чтобы ее внимание было только на нем, чтобы он в ответ мог отдать ей всего себя.

Его губы замерли над ее. Последний вопрос. Шанс для нее выбрать. Когда она прильнула для поцелуя, его душа наполнилась радостью. Души, она знала, как манила его? Как ее принятие его заполняло все его естество? Что он еще ни к одной женщине не ощущал такие сильные чувства? Это сочетание ее решимости, опасных умений и женственности сводило его с ума.

Он углубил поцелуй, наслаждался ее пьянящим вкусом. Его ладони легли на ее щеки в синяках. Он был нежен, помнил о ее ранах. Ранах, которые она приняла вместо них... или из-за них.

Он скользнул пальцами к ее шее, потом груди, водил кончиками пальцев по ее коже. Он скользнул под воротник ее косодэ, хотел ощутить ее больше, желал забыть о том, что с ней случилось.

Она вздохнула у его рта, разжигала его пыл своим языком.

Дверь распахнулась. Они разделились, и потеря прикосновений к ней вызвала боль.

Акито смотрел на них, Хаганэ заметил вспышку ярости, какую видел редко. Но, когда Акито пересек порог, каменное лицо вернулось.

— Я бы не хотел, чтобы вы портили мою комнату своим вопиющим развратом.

— Ха, ревность — это новое для тебя, Акито. Рад знать, что ты хоть что-то чувствуешь.

Он мрачно посмотрел на Хаганэ.

— Мы не просто так скрывали ее возвращение.

— Даже от меня? Ладно тебе, Акито. Это жестоко.

— Твое рвение удовлетворить свою развратность подвергло опасности ее защиту.

— Разврат? — он не смог найти слова, чтобы ответить. — Я не понимаю. Ты держался в стороне с возвращения. Сильнее, чем обычно. Я не знаю всего, чем ты занят, и мне все равно, пока это на пользу Таме. И ты знаешь, что я никогда его не предаю. Как и любой тут. Так что хватит этого бреда, Акито. Мы не можем терять доверие друг к другу сейчас.

Акито смотрел на него еще миг, а потом кивнул.

— Наши действия должны говорить о нашей верности. И, как первый капитан, ты должен выполнять задачи вне этой комнаты.

Он стал возражать, но остановился. Акито точно злился, что его убежище было осквернено. Но был заметен сдержанный гнев, словно он переживал за Эму.

— Ты за нее отвечаешь, — Хаганэ напомнил Акито о словах после налета. Он повернулся к Эме и обхватил ее ладонь своей. — Ты же останешься с нами?

— Хаганэ, я...

— Ты подходишь для нас. Для клана. Даже если другие еще это не поняли, я это вижу.

Он поцеловал ее ладонь и покинул комнату.

Акито был прав, как всегда. Пока Ноэ не уехал — если мерзавец вообще уедет — им двоим нужно залечь на дно. И ранг Хаганэ означал, что у него было больше работы, чем раньше. Ему пока хватало знать, что она была жива и цела. И защита Акито для нее могла быть лучшим вариантом.

Но она в этом не нуждалась. Он усмехнулся. Если подумать, защита нужна была Акито.

В ранние часы утра Эма наслаждалась таким долгожданным купанием.

Назэ договорился с Ариной, время выбрали, чтобы ее не побеспокоили и не обнаружили, пока Сайтама официально не сообщил о ее присутствии.

— Признаюсь, — сказала она Назэ, пока они шли к ее старой комнате, — было бы приятно иметь кровать, которую я могу называть своей.

— Надеюсь, ты не только поэтому принимаешь его предложение.

Эма усмехнулась, качая головой.

— Шутка, Назэ. Порой можно улыбаться.

Как обычно, он не повеселел.

— Я вернусь позже.

Как тени, которые он так хорошо знал, он выскользнул из комнаты без звука.

Она вздохнула и опустилась на пол для медитации. Закрыв глаза, она погрузилась в ритм медленного дыхания, искала спокойствие, которого ей давно не хватало.

Эма почти всю ночь ворочалась, пытаясь принять решение, хотя все указывало, что нужно было остаться и помочь Рен. Она пять месяцев убегала, не смогла разобраться с Ичиё, и это ее вымотало. Возвращение к жизни, где ни на кого нельзя положиться, не радовало. Она всегда была с командой, даже если часто настаивала, что все сделает сама. Она, пожалуй, принимала надежных спутников как должное в прошлом.

Тут были хорошие люди, которые не обращали внимания на то, кем она была раньше. Арина, Хацуки, Тесуке были добрыми с самого начала. Даже капитан Тоджиро принял ее присутствие после налета. И Сенмей, конечно, который помог незнакомке не умереть.

Как она могла их бросить? Она понимала нависшую над ними угрозу, и уйти, не оглянувшись, казалось... неправильным. И один человек мог изменить баланс жизни и смерти.

Ей нужно быть тут.

В дверь тихо стукнули три раза, отвлекая ее от мыслей.

— Да?

Назэ прошел в комнату, голубые глаза скользнули по ней.

— Они скоро придут, — он опустился на колени, чтобы убрать ее футон.

— Я и сама могу это сделать.

— Не нужно, — он свернул одеяла и убрал все в шкафчик у стены. А потом вернулся к двери.

— Назэ.

Он замер, повернулся к ней, сжав губы в линию. Они еще не обсудили ее мечи, пояс и прочее.

Эма встала и поклонилась, жар прилил к щекам. Она была в долгу перед ним, даже если он не хотел ее благодарности. Не нужно было даже произносить слова, они все понимали.

Она встала, увидела его расширенные глаза. Он быстро вернул маску безразличия.

— Я говорил...

— ...что в этом нет необходимости. Знаю. Но это нужно. Просто прими.

Он смотрел на нее еще миг, потом скрестил руки и отвернулся к чему-то в коридоре. Он не злился. Смутился? Она его задела?

Голос Хаганэ зазвучал в коридоре, а за ним с голос Саитама, немного ниже. Она сжала кулаки на коленях. Вот и все. У нее был еще шанс выбрать.

Они вошли, Эма склонила голову в приветствии, посмотрела после этого в глаза каждого. Назэ был непоколебимым и строгим, ничего не выдавал глазами. Хаганэ смотрел тепло и с сочувствием, улыбался с поддержкой. Саитама склонил голову в ответ, глаза были сострадательными и глубокими.

— Итак, — Саитама прошел в комнату, скрестил руки, Назэ закрыл за ним дверь, — ты приняла решение.

— Да.

— Эй, Эма, ты остаешься? — Хаганэ закинул руку ей на плечи и крепко сжал.

Она рассмеялась, прижала его к груди, чтобы он не упал.

— Ага, — она посмотрела на Саитаму и Назэ. — Я остаюсь.

Слабая улыбка появилась на губах Саитама, он кивнул.

— Нужно разобраться с еще одним делом, которое я еще не решил, — он посмотрел в глаза Хаганэ и продолжил. — Убийца, лишивший меня родителей. Мне нужно знать, что он — или она — не в этой комнате, — Саитама посмотрел темно-карими глазами на нее, а потом на Назэ.

Духи адов. Эма не знала подробностей убийства, но даже не думала, что он будет ее подозревать. Может, сначала он и не подозревал. Назэ проверил ее для Саитама. Она взглянула на Назэ. Была ли причина у этих сомнений?

— Сожалею о потере, — она склонила голову, — но, клянусь, я не в ответе за это. Я была весь прошлый год у монахов и слышала лишь кратко новости, когда вернулась к Тайшо.

Он удерживал ее взгляд еще миг, повернулся к Назэ, который не переживал и не был удивлен.

— Ты вправе требовать это, командир, — Назэ опустил руки по бокам. Он низко поклонился, испугав ее этим жестом. Он редко вел себя так с остальными, насколько она помнила. — Я понимаю, что из-за того, что я не смог обнаружить преступника и отсутствовал, этот случай произошел, и я буду жалеть об этом до своей смерти. Но я не управлял мечом, который лишил тебя их. Однако я виноват, что не предотвратил это.

Эма ощущала правду и уверенность в его словах и во всем его теле. Она посмотрела на Саитаму, он смущенно скривил губы, словно не мог решить, что думать о Назэ в этот миг. Или между ними было что-то еще, что она не понимала. Что-то искрилось в его глазах, но быстро пропало.

Хаганэ коснулся ее руки.

— Он знает. Просто нужно было услышать слова.

Она кивнула. Назэ выпрямился, и между ним и Саитамой произошел разговор без слов. Последний фыркнул и цокнул языком.

— Хорошо.

— Продолжим, — Назэ подошел к ней. Он взял ее за руку и увел от Хаганэ. — Хоть ты согласилась дать клятву, тебе нужно кое-что обдумать.

— О?

— Я уже получил обновленные клятвы от тех, кто хотел их дать, — сказал Саитама. — Но клятва верности — это клятва клану, потому что это клятва его лидеру. Я не уверен, что в Тайшо было так.

Она покачала головой.

— Отчасти. Верность означала выполнение всех приказов лорда-командира без возражений. Шансов спорить почти не было. Это одна из причин, по которой Тайшо росли и побеждали.

Саитама кивнул.

— Клан Рен никогда не требовал клятву человеку или должности. Но я подумал, что, учитывая нашу ситуацию, нужно это изменить.

— Я не буду предлагать слепое послушание кому угодно. Я уже это сказала прошлой ночью.

— Нет, не послушание. Я думал о клятве чести... между нами четверыми.

Эма посмотрела на каждого по очереди.

— Так ты не хочешь, чтобы я клялась клану?

— Не прямо. Ты не будешь прикована к клану, так что сможешь поступать, как хочешь.

— Хотя мы хотим, чтобы ты билась с нами, — Хаганэ коснулся ее плеча, — ты не обязана становиться Рен, если не хочешь.

— И я подумал, — продолжил Саитама, расхаживая в паре шагов от них, — что было бы не справедливо просить тебя о клятве, не предложив ничего взамен.

— Мацукара, — Назэ привлек ее внимание, — мы дадим клятвы друг другу. Что бы ни случилось, мы встретим угрозу как единое целое.

Ее грудь наполнило предвкушение. Клятва чести была связью доверия и верности. Они объединят цели и будут уважать друг друга, поддерживая клятву, что бы ни происходило между ними.

— Вы серьезно. Вы знаете, что ожидается, если кто-то нарушит клятву.

— Конечно, — сказал Саитама. — Я выполню это, не медля. Но, думаю, нам это не понадобится.

— Согласен, — Хаганэ склонил голову с улыбкой. — Может, только я верю в судьбу, но я считаю, что ты не просто так попала к нам, Эма.

— Твое вмешательство в наши жизни нельзя игнорировать, — Назэ склонил голову. — Мы делаем это предложение, все обдумав.

— Я это понимаю, — она невольно заметила, что кое-кого не хватало. Она не была в нем уверена, но это был единственный брат Саитама. — Ах, из любопытства спрошу, где Сенмей?

Они переглянулись. Хаганэ сказал:

— Сенмей немного...

— Мой брат обиделся бы, если бы я попросил это у него, — сказал Саитама. — И я решил, что дело слишком деликатное для его участия. Если мы будем биться с Ноэ вместе, мы должны дать клятву, закрепить взаимное доверие здесь и сейчас. Что никто не сможет подавить другого. Что наши должности и обстоятельства не имеют значения. Мы связаны в равной степени одними словами.

Духи, она могла это сделать? Даже у них с Рё не было клятвы чести, хотя это подразумевалось между ними. Они будут обязаны защищать и сражаться друг за друга. Но Саитама просил у них и уверенность в доверии. Ему нужно было это теперь, как и всем им.

Эма сжала ладони, выпрямилась под их выжидающими взглядами.

— Так сделаем это?

Саитама со слабой улыбкой вернулся к ней, протянув руку. Она сжала крепко его

ладонь. Хаганэ обвил их ладони своей, Назэ опустил ладонь сверху. Ее кожу покалывало от их прикосновений, сердце колотилось от того, что она собиралась сделать. Она ощущала волнение Назэ в своей груди, но и уверенность, которая ее успокоила. Хаганэ подмигнул ей, заслужив строгий взгляд от Сайтамы, который после этого начал клятву:

— Я клянусь каждому из вас по своей воле — мой меч, моя честь и моя честность ваши. Духи, я обязываюсь защищать наши общие цели и интересы без обмана.

Они по очереди повторили клятву, закрепили связь друг с другом. Когда все слова были произнесены, они задержались, держась за руки. Ее лицо пылало, она смотрела на троих перед ней, невольно ощущая восторг в груди. Она взглянула на Хаганэ и вспомнила о его жизни без сожалений. Впереди ждало многое, но если они преуспеют...

Куда они отправятся?

Хаганэ и Назэ убрали руки, Сайтама сжал ее ладонь и отпустил, отвел взгляд от нее.

— Теперь мы должны обсудить Ноэ, хоть мне и не нравится тема.

Как и ей.

— Какой план?

— Мы дадим ему то, чего он хочет.

Холод скользнул по ее спине. Назэ скрестил руки, не переживая из-за открытия.

— Он знает, что мы тут, — сказал он. — Окуро и другие выдали эту информацию, и я не пытался скрываться с нашей первой встречи. Ноэ показал, что не может убить меня.

— Эй, Акито. Можно скромнее?

После всего этого она попадет в руки Ноэ. Она поежилась.

— Вряд ли он поверит, что ты отдашь нас. Не пойми превратно. Я его не уважаю, но Ноэ — не дурак.

— Верно, Мацукара, — Сайтама кивнул Хаганэ. — Потому наш первый капитан предаст нас.

— Что? — Хаганэ сузил янтарные глаза. — Я на это не соглашался. И я последний, кто сделал бы такое.

— Потому Ноэ поверит. Ты в отчаянии хочешь спасти клан, свою сестру, даже меня. Близость ко мне имеет преимущества. Он тебе поверит из-за этой близости.

— Но, Тама...

— Я доверяю тебе, Хаганэ. Я не могу попросить других сделать это.

Он выдохнул, пригладил торчащие волосы на лбу.

— Если ты так говоришь...

— Мацукара, я доверю тебе и Акито последние меры. Ноэ не будет рисковать, но если мы ударим в скором времени, сможем избежать катастрофы. Он остановился в «Золотом Цветке». Фумико нужно предупредить, — сказал он Назэ.

— Конечно.

— А солдаты вокруг города? Подкрепления? У них могут быть приказы действовать, если Ноэ навредят.

— Мы готовы к осаде, если до этого дойдет. Мы не ленились весь прошлый год.

Хаганэ обнял ее, ее лицо вспыхнуло, пока Сайтама и Назэ смотрели на них.

— Мы справимся, — шепнул он ей на ухо. — Доверься мне... нам, — он сжал ее еще раз, отпустил и прошел к двери. — Тама, тебе стоит рассказать ей, что произошло в прошлом году. Она должна понимать, насколько все глубоко.

— Согласен, — сказал Назэ. — Я соберу последние отчеты и продумаю стратегию.

Мацукара, твой вклад приветствуется.

Эма потрясенно кивнула.

— Конечно.

Назэ с поклоном вышел за Хаганэ из комнаты, оставив ее с Сайтамой.

— Тот мерзавец поступил глупо, когда пришел сюда и стал меня дразнить, — он посмотрел на нее. — Я не могу просто сидеть, он нарушил свое соглашение. Мы все пострадали из-за него. Но только вы с Акито можете с этим справиться.

— Не нужно меня убеждать. Это было неизбежно. Хотя, полагаю, решение далось тяжело.

— Да, и будут последствия. Но если избавить мир от хотя бы одного главного игрока во Фракции, это может разбить их планы. Мы хотя бы уберем беспощадного человека из этого мира. Если ты не против еще крови на твоих руках.

— Командир, — сказала она с улыбкой, — это то, что меня учили делать.

Последние лучи солнца озаряли небо, быстро угасали, сменяясь ночью.

Эма шла рядом с Саитамай, который притих, едва они покинули ее комнату. Она уважала это молчание, знала, что им нужно было многое обсудить. Ему было непросто открыться тому, кого он считал врагом пару недель назад.

А теперь они были связаны клятвой чести. Если она — они могли изменить направление этой бесконечной бури, они должны попытаться. Если не сейчас, то когда? Что еще осталось защищать?

Духи, она уже чувствовала себя тут как дома. И эти трое мужчин приняли ее и доверились ей, хоть и знали о ее прошлом.

Саитама пытался спровоцировать ее каждым словом, но за строгой маской был колодец сострадания. Для клана, семьи и друзей, даже для его страны. Он нес на плечах тяжелое бремя: предать убеждения и сдаться или следовать за сердцем и рискнуть всем. Его способность не сдаваться вдохновляла и ее так делать. Он сохранял свою честь, защищал своих людей от тирана, несмотря на шансы. Она отказалась поддерживать злодеев, и Саитама стоял на верной стороне.

Хаганэ, мужчина без сожалений, вел сердцем. Его честность и доброта с самого начала — и да, его игривая натура — восстановили ее веру и надежду, что впереди могли ждать лучшие дни. Он убирал одиночество из-за ее положения, заменил его способностью снова доверять.

А Назэ... элитный убийца и носитель тайн, которые она могла никогда не понять. За его бесстрастной маской было напряжение, которое она замечала лишь пару раз, но ощущала сильно в сердце. Он впустил ее на миг в поток бушующих эмоций за холодной внешностью. И их связь, как странный поворот судьбы, влекла ее глубже в тайну ши-но-кагэ и правде о них в этом мире.

Оставив одну жизнь, она наткнулась на другую, может, короткую. Но она не собиралась ее бросать.

— Появились сомнения?

Она взглянула на Саитаму.

— Нет. А у тебя?

— Ни капли.

— Хорошо.

Они еще немного шли в тишине по веранде вокруг главного здания, пока не попали в маленький двор с каменной дорожкой, озаренной факелами.

Саитама кашлянул, не глядя на нее. Он указал на двор.

— За ним сад. Я порой туда хожу. Чтобы подумать и все такое.

Его щеки покраснели. Эма подавила улыбку и кивнула.

— Я хотела бы посмотреть.

Он пошел впереди, спустился по ступенькам во двор. Внизу он повернулся и протянул руку. Жест был таким неожиданным, что она напряглась, не сразу поняв, что это было. Духи, откуда это взялось? Словно она была куртизанкой или благородной дамой.

В тот миг колебаний он стал убирать руку. Она сжала его теплую ладонь, приняла жест. Это означало нечто глубже, чем казалось с виду. От этого ее сердце забилося в новом

предвкушении, и это напоминало чувства, которые вызывал Хаганэ.

Она хотела узнать. В эти последние неуверенные дни разве стоило оставлять сожаления?

Он отпустил ее руку, повел ее по дорожке в скрытую часть сада. Там она нашла каменную скамью, окруженную рощей маленьких деревьев и цветами, высаженными по кругу.

— Посиди со мной, Мацукара.

Это был не приказ, но его тон стал ниже, вызывая в ней трепет. Это напомнило ей, как они с Рё играли, используя свои ранги, экспериментируя друг с другом в ночи...

Эма отогнала эти мысли, села рядом с Сайтамой. Она не забудет Рё и то, что у них когда-то было. Она и не хотела. Он всегда будет частью ее прошлого, как Черного Шипа так и женщины.

Сайтама улыбнулся, поднял лицо к темнеющему небу. Они были уединены в этом маленьком раю. Сверчки стрекотали. Птица прокричала сверху, пролетая мимо, едва заметная на фоне ночного неба.

— Я хочу, чтобы ты знала правду о Ноэ и случившемся с моими родителями.

— Уверен? Я пойму, если это слишком личное...

— Ты-то должна знать, ведь уже сталкивалась с ним. И, учитывая, что будет, это справедливо.

Она кивнула и сцепила ладони на коленях.

— Мы с кланом Варуама были в союзе несколько поколений. Мы — были соседями, всегда были близки. У лидеров была дочь. Мы были одного возраста, росли, зная друг друга. Ожидалось, что мы сыграем свадьбу. Хотя всегда находилась причина отложить помолвку, — Сайтама опустил ладони на колени и тяжело вздохнул. — Я любил Илию. По крайней мере, я так думал.

Эма сглотнула, услышав, как дрогнул его голос, пока он говорил об Илие, женщине, с которой он рос, которую любил. Это напоминало ее и Рё.

— Между нашими кланами появились разногласия. Мой отец искал мирные решения, но вряд ли понимал, что Варуама уже не были в этом заинтересованы, — он помахал рукой. — Детали теперь не важны, но Варуама решили сделать ход против нас. Они устроили убийство моего отца, используя связь с Ноэ и Фракцией, чтобы это произошло. Мою мать тоже убили, потому что она была с ним в ту ночь.

Он говорил, сдерживая эмоции, словно это произошло с кем-то другим. Но кулаки были сжаты на коленях, и он смотрел на землю перед собой.

— Мне очень жаль, — что-то острое пронзило ее сердце, ведь его родители погибли от того, что было ее работой. Конечно, она оставляла членов семей жертв горевать, что бы ни сделал убитый. Эма не думала об этом в ранние дни. Ее долгом было выполнять приказ. Но время шло, и она начинала осознавать реальность своей роли.

— Это не все. Ноэ был тут в ту ночь, — он стиснул зубы, в глазах появился отголосок гнева. — Он не просто помог Варуама устроить атаку, но и нашел меня, чтобы заставить меня вынести их убийство. Слышать их крики, не в состоянии что-нибудь сделать с этим.

Эма выругалась под нос, повернулась к нему. Конечно. Какая немислимая жестокость! Ноэ был отвратительнее, чем она думала.

— Я не знал, кто напал на отца и мать, и я вряд ли узнаю. Но это был и Ноэ. Если бы он не вмешался, я смог бы предотвратить их смерти. Что-нибудь сделать!

Вспышка испугала ее, его гнев был свежим.

— Это была не твоя вина. Ты же понимаешь это?

— Тц. Это не важно. Они мертвы.

— Это важно. Мои родители... было не совсем так. Но они погибли вместе, защищая клан от чужеземных мародеров. Я была далеко от города на задании. Когда я вернулась... если бы я не ушла, может, все сложилось бы иначе. Я столкнулась с теми же вопросами, но долгое время спустя поняла, что все мы подписались на смерть.

Он повернулся к ней, приподняв брови.

— Я не знал, что ты потеряла родителей.

Она пожала плечами.

— Ты не мог знать. Это было годы назад.

— Мне жаль.

— Не стоит.

Его ладонь нашла ее. Эма сильнее ощущала его, сердце бешено колотилось. Его пальцы нежно рисовали невидимый узор на ее ладони. Ее дыхание участилось, легкое прикосновение будило ее растущее желание, напоминая об их близости, как и о том, что они были наедине.

— Саитама, — прошептала она, — я могу узнать, что случилось с Илией?

Он замер.

— Она вышла за Ноэ.

Что? Она не думала, что тот мерзавец мог быть женатым, но еще и на той, кто могла быть женой Саитама? Его предали дважды — клан-союзник и женщина, которую он любил.

— Я не знала. Это...

— Да. Мой личный ад, — он невесело рассмеялся. — Может, я это заслужил. Я не был примерным сыном.

— Никто не заслуживает такое.

Она накрыла его ладонь своей, большой палец скользнул по шраму на его ладони. Она заметила его ранее. Шрам тянулся по запястью и пропадал под рукавом. Она подняла взгляд, он смотрел на нее темными глазами, хмурясь. Он был юным лидером, пытающимся сохранить клан. Она была сбежавшей убийцей с неизвестными взглядами. Расстояние между ними стало короче. Она хотела показать ему, что он был не один. Что не все были против него в этом мире.

Эма тоже знала предательство. И она начинала видеть, что это был не конец всего.

Он поднял руку со шрамом, убрал ее волосы за плечо, кончики пальцев задели ее щеку. Все ее тело пробудилось от контакта. Приятное тепло спустилось от ее головы к пальцам ног, поднялось обратно. Его запах наполнил ее нос, сандал и гвоздика, что-то заманчивое с дымком, и это манило ее ближе.

— Я думал, что знал, кем ты была, — его голос был чуть громче шепота. — Было проще думать о тебе, как о Черном Шипе, безжалостной убийце и враге. Но ты не такая, да?

Она сглотнула, подвинулась, ощущая его близость.

— Я хотела лишь делать то, что правильно. Были эти поступки такими или нет, — она пожала плечами, — мне приходится жить со своими решениями.

— Тц. Я вижу женщину, которая не раз рисковала жизнью ради незнакомцев. И ты вытерпела удар Окуро. Я никогда не прощу себя за то, что позволил такому случиться, — сказал он. — Но ты не просила ничего взамен, ничего больше того, что давали свободно. И

если тебе нужно показать мое мнение...

Он склонился, поймал ее ладони. Его рот встретил ее в нежном поцелуе, простое прикосновение разожгло желание, которое она сдерживала с того дня, как увидела его в онсене. Ее сердце ужасно болело, пока она целовала его в ответ, перемена была внезапной и сильной.

Его ладони легли на ее щеки, пальцы нежно гладили, он углубил поцелуй, требуя больше с каждым прикосновением губ к ее губам. Что-то сломалось внутри нее, освобождая последний кусочек сомнений.

Он знал, кем она была, какой была раньше, и он все равно ее хотел. И она хотела его. Она не могла отрицать эти чувства, и она не хотела даже пытаться их подавлять.

Его язык задел ее губы, и она открыла их. Вкус чая. Нежные, но властные губы. Сайтама вкладывал все в прикосновения. Эма не боролась, показывала то же доверие и желание, что он открывал ей.

Хаганэ направил ее по пути, где она могла снова быть уязвимой с другими. Его опытные игривые поцелуи разожгли огонь внутри. Несдержанные страстные поцелуи Сайтамы раздували огонь, усиливая ее желание к обоим мужчинам.

Она невольно улыбнулась в губы Сайтамы, понимая, что они были разными. Волны теплого желания набегали на нее, ласкали ее тело и пробуждали с поражающей скоростью и ясностью головокружительное желание.

Эма, едва дыша, прервала поцелуй, посмотрела в его красивые карие глаза. Он прижался лбом к ее лбу.

— Убеждена?

— Ах, ты же не пытаешься соблазнить Черного Шипа?

Он улыбнулся, и это редкое выражение лица будто смыло его боль. На миг она увидела юношу, у которого впереди была вся жизнь.

— Думаю, ты бы это поняла.

Она улыбнулась и прильнула для еще одного поцелуя.

— Так это стандартная часть приема новых воинов?

Сайтама рассмеялся.

— Нет, только для тебя, — его ладони скользнули по ее рукам к ладоням. — Я не дам ничему снова с тобой произойти. Никто из нас не даст.

— О, не нужно переживать. Я могу о себе позаботиться. Так всегда было, — Эма ценила их желание защитить ее, но в ее сомнительном состоянии, возможно, они забыли, кем она была. Это немного освежало. Она всю жизнь боролась с попытками других защитить ее, даже Рё, делала все сама. Может, это было не так и плохо. Полагаться чуть сильнее на других. Это не отменяло ее способности. — Но я говорила серьезно, произнося клятву. Всем вам.

— Знаю. Поверь, я знаю, на что ты способна,... Эма, — он поцеловал ее в лоб, потом в щеку, снова поймал ее губы своими губами.

Они все усложняли, потакая этим желаниям? Или она зря переживала, а не наслаждалась? Слишком много вопросов для того, что ощущалось так хорошо... и правильно.

Сайтама сжал ее ладонь, улыбаясь, как мальчик, и его щеки точно были красными. Хотя было сложно сказать в тусклом свете луны. Но он напоминал ей Рё в этот миг так сильно, что было почти больно.

Он отклонил голову и посмотрел на луну, глаза были темными и пристальными, как раньше.

Что он видел? Что он искал в луне, кроме спокойствия?

Они собирались сделать это.

Эма повторяла приемы, радуясь новому ощущению цели. Пора было снова столкнуться с Ноэ, но на ее условиях. На их условиях. Сайтама долго страдал из-за боли от потери родителей, хотел отомстить за них. Она могла помочь ослабить страдания, убрав Ноэ раз и навсегда.

Убивать, когда необходимо. Смерть Ноэ была необходимой.

Ее попадание сюда было странным поворотом судьбы. С тех пор, как она покинула Тайшо, она помогала всем против Фракции, как могла. Клан Рен не отличался, один из последних кланов, которые боролись. Преуспеют они или нет — это вряд ли что-то изменит. Но они не могли сдаваться. Ситуация была серьезной, и если они могли раскрыть связь Фракции с ши-но-кагэ, то был шанс сделать это через Ноэ.

И они попытаются.

Мышцы двигались плавно, руки и ноги были удивительно легкими, ее тело ощущалось как новое. Поразительно. Та рана должна была убить ее, но она была сильнее, чем обычно. Даже ее катана казалась легче, чем она помнила. Это могло быть связано с меткой, ее связью с Назэ? Ее давним притяжением к теням?

Чего-то не хватало, что-то не давалось. Назэ дал ей намек, но что это означало?

— Лейтенант Мацукара? Вы там?

Сенмей. Что он тут делал? Окуро и его подельники были обнаружены, и Сайтама сообщил о ее присутствии — и невинности — всему поместью. Она впервые видела его с нападения на них.

Она отодвинула дверь, но не впустила его внутрь. Она относилась к нему настороженно, ведь Сайтама не включил Сенмея в клятву.

— Тебе что-то нужно?

— Ах, ты все-таки тут, — в его голосе смешались удивление и облегчение. — Прошу прощения, но я переживал, пока тебя не было. Особенно из-за твоего состояния. Хотя я рад видеть, что ты снова на ногах, — он посмотрел на ее меч. — Кто-то заботился о тебе? Я слышал, тебя сильно потрепали.

Он говорил вежливо, как обычно, но слова звучали быстрее, чем раньше.

— Мне уже помогли, но спасибо за тревогу.

— Хорошо, хорошо. Я неописуемо рад, что ты вернулась, и целая. Дело с Окуро было ужасно неожиданным, — он похлопал по своей перевязанной руке. — И я пострадал в ту ночь. Хотя не собираюсь преуменьшать твой мучительный опыт. Прости.

— Сенмей, ты в порядке? — он бормотал, глаза были немного рассеянными. Даже его волосы и одежда были мятыми, словно он одевался впопыхах.

— Да, а почему нет? О, — он полез в свой рукав. — Я кое-что тебе принес. Арина услышала, что ты вернулась, и настояла на маленьком подарке, чтобы приободрить тебя. В честь возвращения домой, хоть ты уже вернулась к нам. Если бы я знал раньше, мы бы тебя встретили, — горечь появилась в его голосе. Он был обычно спокойным и сдержанным, и Эма ощущала трещины в его тоне.

Это подтвердило то, что она подозревала. Сайтама не включил Сенмея в свой круг доверия, не только в клятву. Он тоже сомневался в верности брата. Она ощутила боль в груди

от этой мысли.

— Спасибо, но подарок не обязателен. Арине нездоровится? Странно, что она не принесла его сама.

— Она занята. Как ты понимаешь, все взволнованы из-за появления лорда Ноэ. Я добавлю, лейтенант, что я надеялся увидеть, что ты здорова, своими глазами. Так что принес это вместо нее, — он вручил ей коробочку.

— Благовония?

— Хорошего качества, насколько я понял. Боюсь, у меня нет чутья для такого. Решай сама, будешь ли использовать, но, прошу, прими.

Она кивнула.

— Я отблагодарю Арину в нашу следующую встречу.

— Думаю, она будет рада.

— Сенмей, тебе стоит отдохнуть. Ты бледный, — и он был сам не свой.

Он похлопал по своей руке.

— Полагаю, мне нужно последовать совету, который я даю другим, хм? Мне не хватало отдыха, и после неожиданного прибытия Ноэ... — он умолк и опустил взгляд. — Я надеялся, что мы сможем еще обсудить ши-но-кагэ, но, может, когда я буду ощущать себя собой.

— Да, звучит неплохо, — она стала закрывать дверь. — Береги себя.

Он низко поклонился.

— И ты.

Сенмей пошел по коридору, и она закрыла дверь до конца. Его потрясло все, что произошло, или было что-то еще? Его волнение пробивалось сквозь его вежливость. И Сайтама скрывал ее присутствие даже от своего брата, так что тоже что-то подозревал.

Но что?

Эма прошла в комнату, крутя коробочку. Она не любила благовония, но создатель был из столицы, на коробочке была эмблема империи, а не только творца. Где Арина это достала? И запах был странно знакомым.

Она открыла крышку, понюхала и чуть не выронила коробочку.

Сладко. Ужасно сладко. Ее сердце забилося быстрее, она вспомнила, когда впервые ощутила этот запах.

Не может быть. Эма села возле лампы, сунула палочку между камней и зажгла ее.

Духи, она не ошиблась. Пьянящий запах, который Ноэ использовал, когда встретил ее в первый раз. Та ужасная встреча, когда он уничтожил все, во что она верила.

Почему это было у Арины? Странное совпадение.

Но она не верила в совпадения.

Голова сильно гудела. Эма прижала ладонь ко лбу, опустилась, зажмурилась. Комната кружилась. Она легла на спину, открыла глаза. Прямые линии балок дрожали над ней, извивались, изгибались, крутились.

О, духи...

Она вскинула руку перед лицом, ее мутило, желудок хотел опустошить содержимое. Ни в чем уже не было смысла. Где она была? Почему все так сильно двигалось?

Холод пробежал по ее телу, а потом все потемнело.

Резкий запах гари бил по ее носу, словно гнилое мясо сожгли до черного, лишив запах сладости. Она пыталась открыть глаза, но все было размытым. Она двигала ртом, но не издавала ни звука.

Снова тьма.

Боль пронзила ее живот. Черные силуэты крутились перед глазами. Тени?

Дерево проехало по дереву. Стук. Тихие шаги по татами.

Там кто-то был.

Ладонь на ее груди, другая сжала ее руку. Эма дёрнулась, но тело не слушалось. Словно его придавили тысячей камней. Ей нужно было дышать, нужно было двигаться.

Теплая кожа задела ее щеку. Горячее дыхание щекотало ее ухо.

— Надеюсь, ты это переживешь, ради нас обоих, — сказал низкий голос, отчаянный и с ноткой жестокого веселья.

Боль ударила ее по лицу, и все побелело.

Ледяная вода текла между ее пальцев, она ощущала рябь волн, но влаги не было. Холодный воздух набегал и отступал вокруг нее, окутывал ее тело одеялом белого света, такого яркого, что она больше ничего не видела.

А потом услышала голоса.

Невнятные слова и звуки смешивались и текли резким сбивчивым языком, но в этом не было смысла. Не лиричный звук ее языка, который легко срывался с губ. Примитивный звук. Голоса становились громче, их было все больше. Тысяча разговоров, которые она не могла понять.

Холод. Жуткий и бесконечный холод.

Кто-то говорил рядом с ней, но она не могла разобрать слова или узнать голос. Гул незнакомых голосов поднимался над ней волной, заглушал того, кто говорил неподалеку.

А потом голоса и свет пропали. Тишина была внезапной, бросила ее во тьме.

Она резко вдохнула и открыла глаза.

Она была одна.

Ей нужно было убираться отсюда. Приторный запах ванили, цветов и меда смешался с едким запахом гари, и это вызывало тошноту.

Эма вышла на веранду, скрытую тенью. Они следовали за ней, пока она уходила, шатаясь. Она спустилась в сад, тени звали ее.

Сюда.

Она согнулась, держась за бок. Резко вдохнув, Эма зажмурилась от боли.

Колени дрожали, она упала на землю, и ее стошнило. Она отошла, споткнулась об камень и рухнула. Запах земли заглушил приторный аромат. Ее глаза закрылись, она уже не могла ни о чем думать.

* * *

Акито ощущал ее тревогу острее ножа в груди. Он не ожидал, что обнаружит ее на земле в саду, уловит из ее комнаты приторный запах, который давно не ощущал.

Он осторожно перевернул ее. Еще живая, тяжело дышала. Ран не было заметно, но ее щеки пылали. Лихорадка?

Капля воды упала на его голову. Потом еще одна.

Акито поднял Мацукару и закинул на свою спину, обвил руками ее обмякшие ноги. Облака закрыли луну, капли дождя капали все сильнее. Он побежал во тьме к своей комнате. Она бормотала что-то у его уха, потом застонала с болью, и звук сотряс его тело. Еще стон, протяжный и низкий, а потом она притихла и замерла.

Тот звук пронзил его так, как он не ожидал. Он стиснул зубы. Связь уже все усложняла, и с ее телом, прижатым к его, было почти невозможно закрыться от нее.

Гром загудел в небе, когда он добрался до своей комнаты. Внутри он опустил ее на диван. Молния вспыхнула за ним, озарила ее тело. Он закрыл дверь и зажег лампу.

Она поежилась, снова застонала и сжалась в комок. Он опустился на колени рядом с ней, прижал ладонь к ее лбу. Горячий, несмотря на промочивший ее прохладный дождь. Акито знал немного об исцелении, но это точно была лихорадка. Эмоции бушевали в ней. Что-то было не так, неправильно.

Он убрал ее мечи, развязал узел оби, пальцы скользили по знакомой ткани. Он три ночи часами восстанавливал пояс. Потрепанный от времени в пути и порванный в бою с тенью у онсена, пояс был хорошим, красная нить сплеталась с черной, напоминая ему смелость и кровь. Она была с этим поясом, когда он нашел ее в Нагеями-то, а потом в Айзен-мачи. Он подозревал, что пояс что-то означал для нее.

Он моргнул, сосредоточился на задании. Руки дрожали, пока он развязывал ткань. Как он мог убивать и калечить без сомнений, но робеть, когда нужно раздеть женщину?

Не просто женщину. Воина, убийцу, как он. Они были в этом равными.

Только один слой, чтобы ее тело остыло.

Он вытащил ее руки из рукавов, опустил их на ее грудь. Он замер и пригляделся. Красные следы...

Порезы. Параллельные аккуратные линии.

Свежие.

Гнев опалил его грудь. Кто это сделал?

Благовония, ее потеря сознания, тревога во сне...

Он разобрался с Окуро и его подельниками, но кто-то все еще хотел ей зла. Но для чего были эти порезы? Они не просто так были выше ее локтя. Кто-то хотел не только пустить ей кровь, но и собрать ее кровь.

Она шумно дышала.

Лихорадка.

Он снял свой шарф, намочил его под дождем, сложил и опустил на ее лоб. Он смыл грязь с ее лица и ладоней, смотрел, как ее грудь вздымалась и опадала, пока она спала. Гроза снаружи усилилась. Лихорадка была под контролем, но его беспокоило то, что ее не удавалось разбудить.

Он мог...? Это сработало, когда он попытался забрать ее боль.

Их связь становилась сильнее с каждым днем. Ему стоило ей показать? Он подумывал отослать ее на гору Цу-рен. Мицуги обеспечит ее безопасность. Но Мацукара не станет слушать. Она глубоко погрязла в этом, и она знала это.

Он опустил ладонь на ее руку, другой коснулся ее щеки. Хотя ему было не по себе, он заставлял себя поддерживать контакт. Ледяная дрожь пробежала между ними, вызывая ощущение, которое ему было тяжело понять. А потом он увидел Ноэ глазами Эмы. Тот подошел к ней, заполнил поле зрения. Пронизывающий страх. Неоспоримый стыд. Грубые ладони...

Кошмар? Или что происходило?

— Назэ... — выдохнула она, в голосе были ужасные страдания, пронзившие его, вызвавшие желание защищать. Даже без сознания она ощущала его. Он выбрался из эмоций, миновал поверхность и опустился глубже, искал источник холода. Он вскоре выманил это из нее, забрал в себя. Он не мог забрать все, но хотя бы ослабил страдания.

Закончив, он прервал физический контакт и отвернулся. Они не сразу восстановятся.

Когда гром замедлился, и дождь стал мелким, Акито вышел в коридор. Она будет пока что в безопасности, и он уйдет ненадолго.

Он вернулся к ее комнате, дверь в сад еще была открыта. Благовония догорали, но еще не погасли. Он прошел внутрь, миновал смятые одеяла ее футона, сжал кончик палочки, чтобы потушить ее.

Запах Илии.

Кто дал это Мацукаре? Не Сайтама. Командир убрал все от Илии из поместья, а вещей было не так и много.

Акито прошел по периметру комнаты, вернулся к ее футому.

Вот. Он отодвинул одеяло. Точка, будто капля чернил, на татами. Он коснулся и ощутил холод, сущность ши-но-кагэ.

Сенмей.

Та точка не была доказательством, и было бы сложно уговорить Сайтаму. Без допроса его брата, а Сайтама медлил с этим. Может, уже слишком долго медлил.

Он вернулся в свою комнату, проверил Мацукару, сев рядом с ней. Она шевелилась и порой постанывала, но спала всю ночь.

Одержимость Сенмея ши-но-кагэ беспокоила его с самого начала, но он сомневался, что его исследования подберутся так близко к теням. Те образцы с жертв. Кровь Мацукары, отмеченной ши-но-кагэ. Сенмей мог знать связь? Или он преследовал невозможную теорию?

Но налетчики Фракции, сопровождающие ши-но-кагэ, были тронуты тенью.

Он уже не мог скрывать свой позор. Раскрытие поступков Сенмея означало раскрытие его поступков. Сайтама после клятвы мог не простить его так просто.

Акито сторожил Эму, близился рассвет. Без дождя и грома только его имя на ее губах отвлекало его от беспокойных мыслей.

Ее голова гудела.

Эма со стоном повернулась на бок, прижала ладони к вискам. Мягкое одеяло укрывало ее ноги, теплое и приятное. Запах дыма. Не приторной ванили или горечи земли и травы. Она сглотнула, во рту пересохло. Эма заставила тяжелые веки подняться.

— Мацукара.

Она протерла глаза, увидела Назэ на коленях возле ее футона. Синяки появились под его глазами. Она приподнялась на локтях, кривясь, боль в голове усилилась.

— Который час?

— Около часа до рассвета.

— Холодно, — пробормотала она, тело сотрясала дрожь. Ее мутило. Она пошатнулась и закрыла рот рукой. Но тошнота победила. Назэ был рядом с ней, убрал ее волосы одной рукой, протянул другой чашу. Она охнула, когда смогла снова дышать. Ее желудок сжался, она застонала от пустоты. Закрыв глаза, она не могла даже стыдиться, что он видел ее такой, настолько ей было плохо.

Он опустил ее и накрыл одеялом.

— Поспи еще немного.

Словно ее нужно было уговаривать.

Назэ отодвинулся и сел у двери. Он прислонился головой к стене и прикрыл глаза. Эма выше подтянула одеяло, смотрела на него, погружаясь в его запах. Она ощущала, как биение его сердца замедляется до ровного ритма, но его дыхание было неровным, он не спал. Духи, это было бы странно, но ощущалось почти нормально.

Она явно уснула, но не видела сновидений, потому что, когда открыла глаза, тусклый свет проникал сквозь шоджи, озаряя его отдыхающее тело.

Эма дважды оказалась в его комнате, заняла его футон. Для Назэ эти поступки были значимыми. Она еще не встречала никого такого замкнутого, не желающего никого впускать. Но, когда он взял ее за руку в убежище, поток эмоций обрушился на нее. Он хотел, чтобы она знала, хотел показать ей то, что не был готов объяснить.

Он впустил ее, хотя бы немного.

Она невольно улыбнулась.

Назэ в этот миг открыл глаза.

— Что такое?

— Ничего. Я просто... ты не спал всю ночь?

— Не нужно переживать.

Как всегда.

— Ты вообще спишь, Назэ?

Он нахмурился.

— Конечно.

— Ах. Когда?

Он прищурился.

— Твоя привычка снова проступает.

— О? Какая? Задавать тебе вопросы? — она рассмеялась, его глаза расширились. — Может, мне нравится задавать тебе вопросы. Это проблема?

Она улыбнулась, он нахмурился сильнее. Было весело тыкать в спящего медведя. Может, однажды она вызовет его улыбку.

— Похоже, тебе уже лучше. Я сделаю чай.

Он встал, взял чайник и ушел на несколько минут. Эма осторожно села, обрадовалась, когда ее не стошнило. Даже гул в голове утих.

Духи, что случилось? Она помнила сладкий запах, странные голоса, жуткую боль... Но все было спутанным.

Кроме Назэ.

Его успокаивающее присутствие было выжжено на ее сердце и разуме.

Когда он вернулся, он развел небольшой огонек в жаровне и поставил на него чайник. Было приятно смотреть, как он готовил чай, простые действия, на которых она могла сосредоточиться. Даже ту движения Назэ были плавными, проявлялись тренировки и контроль тела.

Молчание между ними углубилось. Не удивительно. Он не любил болтать. Но вес того молчания давил на ее плечи, вчерашние события все сильнее проявлялись в ее голове.

Он протянул ей чашку горячего чая. Их пальцы соприкоснулись, и немного знакомого покалывания пробежало между ними. Напиток сразу согрел ее, пробудил ее чувства, прогнал ужас ночи.

— Кто знал? — она улыбнулась в чашку. — Акито Назэ, опасный убийца, чудесно заваривает чай, — кто угодно мог заварить чай, но выдержанное равновесие вкуса и температуры было признаком мастера.

— Это не так сложно, — он отвел взгляд, щеки чуть порозовели. Или дело было в свете дня, озаряющем комнату. — Расскажи, что ты помнишь о вчера.

Она рассказала ему о коротком визите Сенмей перед тем, как ей стало плохо. Он сел у ее футона, склонил голову, смотрел на нее, пока она говорила.

— И благовония были, как он сказал, от Арины. Он настаивал их попробовать, — Эма закрыла глаза, боролась с туманом тревожных снов, искала в нем реальность. — Тот запах. Я его уже ощущала, когда Ноэ приехал к Тайшо.

— Ноэ, — его голос был сухим, лишённым эмоций, хотя костяшки почти побелели от того, как он сжимал чашку. — Этот запах предпочитала Илия. Думаю, ты уже о ней знаешь.

Она кивнула.

— Но я не помню, чтобы мне от него было так плохо. Думаю, я пыталась уйти, но не продвинулась далеко. И там кто-то был.

— Сенмей?

Эма посмотрела в его глаза, поежилась.

— Я не знаю. Я помню только боль.

Он указал на ее руку.

— Помнишь, откуда это?

Она закатала рукав и увидела несколько прямых параллельных порезов на руке.

— Нет, — но кто еще сделал бы это? Линии были ровными, намеренными. Как сам Сенмей. — Он одержим ши-но-кагэ, но зачем ему вредить мне?

— Это не просто одержимость, я должен разобраться с этим раз и навсегда. Но, думаю, ты уже понимаешь серьезность ситуации, — он опустил чашку. — Когда ты билась с ши-но-кагэ во время налета, что еще произошло? Кроме того, что ты видела саму тень.

Эма теребила одеяло на коленях, увидела, какой шанс он ей дал.

Что-то изменилось.

— Я ощущала не свои эмоции. И кое-что слышала. Будто разговор, как было раньше, но голоса говорили на разных языках, я такие еще не слышала. А потом я услышала Рё. Он был в Айзен-мачи со мной, когда ты ушел. Он был моим... — она махнула рукой. Это было тут не важно. — Он словно был там, мог меня видеть. Я думала, это была галлюцинация, но я не уверена.

Как обычно, он выглядел спокойно.

— Мацукара...

— Хватит меня защищать, или что ты делаешь? Просто расскажи. Думаешь, я не смогу справиться с этим после того, что я видела и делала? — она знала этот тон, она не собиралась отпустить эту тему. Они уже зашли далеко.

Он приподнял бровь от ее вспышки.

— Это была не галлюцинация.

— О, — жар прилил к ее щекам.

— Ты уже определили, что у нас связь с ши-но-кагэ. И между нами, — он напряженно произнес последние слова, словно их было сложно сказать. — Те, кто убивает, оказываются на одном уровне с Богом Смерти, Джи. Мы в чем-то как ши-но-кагэ.

Эма сжала одеяло крепче.

— А метка...?

Он кивнул.

— Это сигнал другим теням, как эмблема твоего клана. Ши-но-кагэ считают тебя своей.

— Но я убивала по приказу. Для моего клана — тех, кто подвел нас. Это было моей ролью.

— Им не важно. Ты управляла мечом, который забрал жизнь. Только это важно.

Духи, это... как это могло быть?

«Боги и духи, которых мы проклинаяем и благодарим — они нас слышат?».

Она вспомнила слова Сенмея. Боги и духи были тут, тихие и незримые. Вмешательство теней доказывало их существование.

— Мы — ши-но-кагэ?

— Нет. Хотя это может стать нашей судьбой, когда мы умрем.

— Почему ты так спокоен? Ты говоришь, что мы напрямую связаны со смертью.

— Я давно смирился с этим, — он опустил взгляд. — Я надеялся, что в твоём случае связь угаснет. Что я смогу увести тебя от них, убрать их хватку на тебе. Но я не смог. А с меткой это невозможно.

Сны. Он всегда уводил ее обратно. Как-то не было важно, как он находил ее там. Но он находил, пытался помочь. Тепло наполнило ее грудь.

— Так ты не можешь теперь от меня сбежать, да?

— Можно и так сказать, — он поджал губы.

Духи, он не мог улыбаться? Или судьба была такой ужасной?

— Так ты смог остановить тень при налете? Своей связью?

— Я могу только подавить их, не уничтожить. Каждый раз, когда я делаю это, я лишаюсь чего-то от себя. Считаю это проклятием — медленной смертью.

Сердце Эмы колотилось, в висках гремело. Это не звучало приятно.

— Ты все это понял сам?

— Как я и сказал, у меня было время на это.

Она кивнула, сжав губы.

— Перед тем, как мы расстались в Айзен-мачи, ты упомянул связь ши-но-кагэ с Фракцией, — она не могла упустить шанс. Назэ хоть сейчас говорил. — Что-то не так было в налетчиках в Аомори-то, словно они были опьянены. И они были будто защищены от теней.

Он не сразу ответил, отвел взгляд. Духи, после всего этого он снова замкнется? Если они были так поразительно связаны, это можно было как-то использовать.

Назэ поймал ее взгляд.

— Я расследовал это какое-то время, но до этого налета не видел сам то, что ты описала, — он сделал паузу. — Ичиё знает о ши-но-кагэ, хотя неизвестно, как долго. Я подозреваю, что есть связь между его действиями и тенями.

— Как? — если Назэ был прав, что было конечной целью Ичиё?

— Наследник престола не пошел бы на такие меры без повода. Нанятый убийца мог убрать императора и избавить его от проблем уже давно. Думаю, он знает о ши-но-кагэ достаточно и намеренно задабривает Джи.

— Но даже если он знал о тенях, что он может сделать с теми знаниями?

«Те, кто убивает, оказываются на одном уровне с Богом Смерти».

— Он пытается связаться с ними? — звучало безумно, но если Назэ знал все это, кто еще мог? Она даже не выяснила всего, что знал Сенмей. Сколько знал Ичиё? Это означало, что и Ноэ с другими высшими лордами знали об этом?

— Он мог найти путь, схожий на наши. Хотя даже с моей связью я не смог это подтвердить. Пострадавшие налетчики — доказательство, что кто-то во Фракции устраивает это. Но я еще не видел кого-то с прямой связью с ши-но-кагэ, как у нас.

Духи, это все меняло. Конечно, Ичиё так быстро добился успеха. Если у него была связь с тенями, то стереть кланы было просто. Но его целью не могло быть уничтожение всех в Хинаэ — будет некем править. Что тогда? Чего-то не хватало.

Постойте... тот сон с серебряными глазами.

— Назэ. Ты видел Ичиё лично?

— Да. Дважды.

Это не было подробным ответом.

— Какого цвета его глаза?

— Не знаю. А что?

— Просто хватаюсь за соломинки, — нет, те глаза были почти нечеловеческими, Назэ запомнил бы такое в Ичиё. Это мог быть сам Джи, мог ворваться в ее сон.

— Мацукара.

Она посмотрела в его уставшие голубые глаза, словно общение забрало все его силы.

— Я не буду отговаривать тебя лезть в это. Но обдумай наш разговор и влияние этой связи на тебя. Может, ты и не боишься смерти, но есть кое-что хуже, — после мига колебаний он опустил ладонь на ее ладонь. Холодное покалывание вернулось, плясало там, где их кожа соприкасалась, нить соединяла их вместе тенью. — Нет причины и тебе брать такое на себя.

— Но и ты не обязан делать это один. Я тут.

— Я в курсе, — он убрал руку на свое колено. — С тех пор, как появились тени, я искал способ прогнать их. Тогда я узнал, что не я один знал о них. Что не у меня одного была связь. Кто-то еще сблизился с ши-но-кагэ, — он опустил взгляд на ладони. — Ты. Потому я искал тебя. Я должен был подтвердить то, что увидел.

Духи. Даже тогда.

— Потому ты рассказал мне об альянсе Тайшо и Фракции?

— Я подозревал, что Фракция знала о тенях. Мои сны... немного отличаются от твоих.

— А если бы я решила остаться? Если бы выбрала Ноэ, а не тебя?

— Мне пришлось бы тебя убить.

— Ясно, — она была в ту ночь на острие клинка.

— Есть кое-что еще... мое бремя. Кульминация всех моих решений, принятых в юности,

и я не смог это исправить.

Эма напряглась.

— Назэ, о чем ты?

Сожаление пронзило с силой ее сердце. Она схватилась за грудь, пока он смотрел на нее голубыми пронзительными глазами.

— Я выпустил ши-но-кагэ.

Дождь, прошедший ночью, оставил город — и сандалии Хаганэ — в грязи.

Четверо из его отряда шагали по бокам, они патрулировали улицы. Присутствие Фракции в городе было небольшим, но проблематичным. Несколько владельцев магазинов жаловались на ущерб после пьяных драк. Другие торговцы остались без оплаты. Хаганэ еще не дошел до «Золотого Цветка», но ожидал подобный отчет.

Оберегать город уже было сложно. Любой ход, который можно посчитать агрессией, вызовет гнев Ноэ, и Тама лишится времени, которое ему дали. Хотя это не было важно. Ноэ будет действовать, что бы ни сделал Тама. Хаганэ не верил словам мерзавца, но у них почти не было вариантов.

Этой ночью все могло закончиться.

Он не хотел напиваться с Ноэ, но если это отвлечет его, чтобы Эма и Акито выполнили задание, он это сделает.

Если только Ноэ поведется.

Хаганэ завернул за угол, заметил Тесуке, вошедшего на улицу впереди. Он должен был заканчивать патруль северо-восточного квартала. Что он тут делал?

— Эй, Тесуке!

Он поднял голову, приветствуя, и подошел.

— Фракция устроила бардак.

— Точно. Ты что-то нашел?

— Все по-старому. Вот только...

— Что?

— Я следил за Сарутай-я, — одна из старых кондитерских города. — Туда несколько раз приходила Фракция с их прибытия, одни и те же несколько мужчин. Но это не все. Хотя почти уверен, что видел утром, как туда вошел Сенмей.

— Сенмей? Он должен оставаться в поместье.

— Верно.

— Где он сейчас?

Тесуке пожал плечами.

— Пока не знаю. Генма пошел за ним, но потерял его у рынка Яйса. Они еще ищут.

Хаганэ выругался. Тама устроит истерику, если узнает, что Сенмей ослушался и покинул поместье. И чем он думал, отправившись в город, где была Фракция?

— Он умнее этого, — буркнул он. Что заставило его так рискнуть?

— Это не все. Сенмей — или кто это был — вошел с маленьким контейнером, а вышел без него. Хотя следил за магазином. Контейнер, скорее всего, еще внутри.

— Загадочный контейнер и мятежный Рен. Может, стоит заглянуть к господину Сарутай, — они не могли ничего упустить, особенно после промашки с Окуро.

Тесуке кивнул.

— Я бы попробовал бобы азуки, пока мы тут.

— Тесуке... — он прошел мимо него, качая головой.

— Что? Я голоден! — крикнул он, побежав за ним.

— Разве так не всегда?

— Кто бы говорил.

— Никаких бобов. Ты на работе.

— Ты звучишь как Назэ.

Хаганэ рассмеялся. Это было невозможно.

У магазина Тесуке отошел поговорить с Хотой. Улица не была людной, Фракции поблизости не было видно.

Хорошо. Будет проще разобраться с этим быстро.

— В магазине сейчас должен быть только Сарутаи.

— Хорошо. Я поговорю со стариком. Ты осмотришься.

Тесуке вошел в магазин, поздоровался с кондитером и направился среди прилавков к кладовой. Хаганэ подошел к господину Сарутаи. Глаза старика расширились, а потом он улыбнулся.

Он низко поклонился.

— Капитан Хакури. Думаю, вы уже справились с уиро, который покупали в прошлый раз.

— Давно, господин Сарутаи, — ему не нравилось использовать титул, но нужно было уважить старика. — Хотелось бы что-нибудь новое. Есть то, что мне может понравиться?

— Ах, нет, капитан. Все как обычно, — он указал на бочку у прилавка. — Скажите капитану Харияме, что бобы азуки свежие, только утром были приготовлены. Но вы их не любите, знаю, — его ладони дрожали. Он сцепил их, но этого не хватило, чтобы скрыть их дрожь.

— Вы в порядке, старик? Фракция не беспокоила?

— Они меня почти не трогали. Мне повезло, что они предпочитают другие заведения для траты денег. Или, — Сарутаи рассмеялся, — не траты.

— Да. Ничего нового? Жаль, я даже разочарован, — он заметил, что Тесуке прошел в кладовую. Хаганэ встал перед Сарутаи, отвлекал его. — И ничего не припасли? Ладно вам, — он склонился, — я не расскажу мастеру Джуничи о ваших тайных сладостях.

— Джуничи — не мастер! Он использует слишком много сахара, а цены у него слишком высокие.

— Согласен. Вы всегда были для меня лучше. Вы же это знаете?

— Конечно, капитан.

Хаганэ кивнул.

— Я тут достаточно денег оставил за годы.

— Это так.

— Я не знал, что Сенмей Рен был вашим клиентом.

— Ах, это не так. Его тут давно не было.

Хаганэ усмехнулся и склонился ближе.

— Но был этим утром, да?

Тесуке выругался в кладовой.

— О! Что он делает?

Хаганэ прошел вглубь магазина, мастер Сарутаи нервно шаркал за ним. Тесуке открыл контейнер, и стало видно несколько флаконов с черной жидкостью.

— Господин Сарутаи, вы меня обижаете. Вы готовите новый тайный сироп! И не доверяете одному из лучших покупателей. Скажите, что это за тайный ингредиент?

Старик был белым, как призрак. Капли пота появились на его лбу. Он почти ощущал признание, бурлящее на языке мужчины.

Бедняга. Он, наверное, попался в капкан. У него были дети, внуки, на него могли давить. Хаганэ это понимал.

Но не то, откуда тут взялся Сенмей.

— Я не хотел вредить семье Рен. Они всегда были добры с нами. Садахиге, Цуя, даже мальчишки, когда были юными. У меня не было выбора.

— Тесуке, — сказал Хаганэ поверх плеча. Его друг кивнул без слов, схватил контейнер и вынес из магазина. — Всегда есть выбор, господин Сарутаи. Мне жаль, что вы подумали, что не можете прийти к Саитама или кому-то еще. Вы расскажете мне, что это?

— Я не знаю. Мне сказали не задавать вопросы и не заглядывать. Кто-то приносит это. Кто-то забирает.

— Сенмей?

— Я давно не видел старшего Рена, но это мог быть он. Он скрывал лицо и почти не говорил.

— А забирают?

Сарутаи сжал губы.

— Это явно Фракция.

Старик дрожал перед ним.

Хаганэ кивнул, сделал голос мягче:

— Как давно?

Он даже не мог смотреть на Хаганэ.

— Три или четыре месяца? Не помню, — Сарутаи низко поклонился. — Я знаю, извинений не хватит. И я приму любые последствия, которые посчитает нужными лорд-командир Рен. До этого я останусь тут.

Хаганэ не сомневался в старике. Хороших людей заставляли поступать плохо в последнее время. С тяжелым сердцем Хаганэ покинул магазин и присоединился к Тесуке и остальным.

Тама... Если Сенмей был вовлечен в это, новость его разобьет.

* * *

«Я выпустил ши-но-кагэ».

Эма сидела на коленях там же, где была, когда Назэ ушел, сжимая и разжимая ладони на коленях. Следы его следа остались на ее коже, смешались с ее напряженным принятием всего, что он ей рассказал.

«Это как проклятие, медленная смерть».

Назэ верил, что из-за того, что они убивали, они становились ближе к смерти. Связь между ними была из-за единства с тенями. Но не они одни сталкивались с тенями, были у них в любимцах. Или с меткой, как в ее случае.

Эма вздохнула и опустила голову. Как Черный Шип, она была едина с тьмой, куталась в тень, пока следила за мишенью. Она об этом тогда не задумывалась, верила тем, кто хвалил ее способности. Но даже если она сомневалась в способностях, она не связывала их с ши-но-кагэ.

До столкновения у онсена ши-но-кагэ для нее не существовали. Она даже не верила в богов или духов.

Она коснулась раны, скрытой тканью, красный шрам, окруженный черным. Ледяная, но без боли, свобода движений вернулась, ее тело снова было как закаленная сталь. Быстрое восстановление явно было из-за той связи.

«Ши-но-кагэ считают тебя своей».

Эма со стоном поднялась на ноги. От размышлений, сидя на месте, не было толку. У нее было преимущество, которое могло пригодиться против Ноэ. Она и Назэ будут работать вместе, и их связь сделает работу проще.

Ноэ не знал, что по нему ударит. Даже если он был готов к перевороту, у нее и Назэ была смерть в союзниках.

Она надеялась, что и Сайтама так думал.

Назэ никому не рассказывал о тенях. Он все это скрывал. Хоть у них была связь, он отталкивал ее. Она жалела об этом. Эме не нравилось, что он терпел все это сам, нес ужасное бремя, верил, что выпустил ши-но-кагэ в этот мир. Эма не верила в это, но не имело значения, было ли это правдой. Он все еще ощущал боль каждый день, знал, что невинные жизни угасали из-за действий теней.

Даже как Черный Шип, пока она работала, она не была одна. Рё, Ота и остальные были рядом, играли свои роли в каждой миссии, даже во время хаоса в гостинице Аонара.

Это будет ее первая организованная миссия с той ночи, прошло почти полтора года.

Другая команда, другие обстоятельства. Та же цель: испорченный человек, который оставил много разрушений. Сайтама и Назэ ужасно страдали от рук Ноэ, и духи знали, сколько еще.

И теперь у нее была эта... сила внутри. Даже если это было проклятие, какая разница? Если они могли так преуспеть, то она примет последствия.

Она встала, расставила ноги шире и расправила плечи. Эма закрыла глаза, глубоко и медленно дышала. Она быстро нашла ледяную пустоту внутри, близко к ране. Эма потянулась к этому источнику, знакомясь с ним. Признавала его и принимала. Она много раз ощущала этот холод, но еще никогда не звала его сама.

Она могла использовать его по своей воле? Близость вернула ей силы и помогла ее ране зажить. Назэ мог подавлять тени, значит, у него был хотя бы небольшой контроль над ними.

Дыша спокойно, Эма вспомнила ши-но-кагэ, с которым столкнулась в городе, его любопытство и страх, она не ожидала такие чувства от создания смерти. Она потянулась глубже во тьму, тени появились перед глазами, напоминая общие сны с Назэ. Но в этот раз она не нуждалась в нем. Она понимала их цель, активно звала их к себе.

Эти тени не навредят ей.

Подавив колебания, Эма притянула к себе холод. Она поежилась, комната остыла вокруг нее, тепло из воздуха пропало. Она почти видела тени на полу и стенах, хоть глаза были закрыты. А если она попытается коснуться одной, притянуть ее к себе, как делали ши-но-кагэ?

А если она отдастся холоду?

Когда она открыла глаза, черные нити окружали ее запястье, извивались, а потом потянулись к ближайшей неподвижной тени на стене.

Она... что-то сделала. Но как извивающаяся тень поможет против высшего лорда?

— Ах, лейтенант, ты порадовала старого ученого.

Эма повернулась.

Сенмей прошел в комнату и захлопнул за собой дверь.

Саитама уже три раза обошел поместье. Сенмея нигде не было.

Как он выскользнул из своей комнаты? Он должен был сидеть там, пока Ноэ и его люди были в городе.

Кто-то ответит за эту промашку. Тасо управлял охраной Сенмея, но их люди были рассредоточены из-за Фракции.

А если его украли? Или хуже, вдруг он...

Нет. Никаких выводов, пока его не нашли. Тогда он поставит его перед Акито. Никаких больше колебаний и оправданий. Саитама не мог позволить темным чувствам угрожать остаткам своего здравомыслия.

Движение у ворот. Тасо вернулся. Он пересек двор и встретил его на середине пути.

— Простите, командир. Мы еще обыскиваем город, но Сенмей не появился.

Ругаясь, Саитама указал Тасо продолжать. Юноша знал, что не стоило озвучивать догадки вслух, и ушел, быстро поклонившись.

Он вернулся в комнату брата, встал на пороге и посмотрел на оставшийся бардак. Сенмей продвинулся в исследовании, но у него было тут слишком много вещей. Фыркнув, он развернулся, чтобы уйти, и замер. Он еще не вторгнулся в комнату брата. Что-то шептало ему на ухо пересечь порог, посмотреть на бардак исследования. Он показал Эме часть этого, но сколько? И для чего?

Он вызвал стражей, стоящих у комнаты Сенмея, сказал им никого не впускать в комнату, включая самого Сенмея.

Саитама был на половине пути к своей комнате, когда услышал кричащие голова.

— Эй, Тама!

— Здесь! — он поспешил встретить Хаганэ, на лице которого было разрушительное выражение. Духи, не может быть...

— Тебе нужно это увидеть, — он схватил Саитаму за руку.

— Эй, Хаганэ, полегче. Что тебя так вывело? Это из-за Сенмея? — если Хаганэ таи злился...

— Идем в оружейную.

Саитама прошел за ним, гадая, что Сенмей мог прятать в оружейной. Иронично, что он уже был там несколько раз. Войдя в маленькое здание, Хаганэ отправил оставшихся стражей наружу.

— Тесуке нашел кое-что интересное в Сарутай-я. И нет, не новую вкусную выпечку.

— Хаганэ, ты сказал «вкусную»?

Он пожал плечами.

— Но это так. Но не это. Смотри.

Контейнер стоял на полу, открытый силой. Саитама поднял крышку и чуть не выронил его.

Эти флаконы. Он их знал. Сенмей показывал ему образцы, собранные с ранних жертв ши-но-кагэ, еще до прибытия Эмы. Он считал исследование глупостью, желанием проявить себя. Он всегда ощущал, что Сенмей презирал его за то, что лидером выбрали его, хоть брат не признавался в этом.

Он поднес флакон к свету, темное содержимое плескалось. Черная жидкость отливала

красным от света, проникающего сквозь стекло. Он откупорил флакон, быстро понюхал и закашлялся от гнилого запаха, ударившего по носу. Он тут же закупорил флакон и опустил его в коробку.

— Тесуке не видел, кто принес контейнер в Саругай-я?

— Не Тесуке, но один из его отряда думает, что это мог быть Сенмей.

— Проклятье, — теперь он знал, почему не мог его нигде найти. Так куда он ушел?

— Саругаи признался, что коробку забирают, — продолжил Хаганэ. — Он не знал, кто ее приносил, но забирала Фракция. Он ждет наказание, кстати. Его слова, — старый кондитер был там еще во время дедушки Сайтамы, как и многие старые торговцы, которые еще работали в городе, особенно в том районе. — Несколько человек остались следить за магазином. Может, мы поймем мерзавца, который придет за этим.

Что Сенмей туда налил? Почему от черной жидкости ему хотелось дрожать, и он сразу вспоминал о ши-но-кагэ?

Могло ли то исследование привести к какому-то результату?

Но какому? Что было в тех флаконах, и почему он отдавал это Фракции?

— Хаганэ, бери это и иди со мной.

Он пошел к комнате Сенмея.

— Ты, — рявкнул он одному из стражей, — найди вице-командира Назэ и скажи ему идти сюда немедленно. Никто больше не должен нас беспокоить.

Больше никаких колебаний и оправданий. Он узнает, что сделал его брат.

Сайтама захлопнул дверь, стал рыться в бумагах Сенмея, Хаганэ был с ним. Почти ни в чем не было смысла, большинство записей было о старых текстах и историях о ши-но-кагэ. Он брал контейнеры по очереди, открывал и проверял содержимое. Больше бумаг. Это были годы работы.

А потом у дна стопки он нашел другую коробочку, похожую на ту, которую Хаганэ извлек из кондитерской. Сайтама открыл коробочку и убрал крышку.

— Проклятье, Сенмей!

Такие же флаконы, полные темной жидкости, где красного цвета было больше, чем черного. Ему не нужно было открывать флаконы, чтобы понять, что там была кровь.

— Тама... — Хаганэ замер рядом с ним.

— Что он делает? — отвратительно. Сенмей был вовлечен во что-то страшнее, чем просто исследование. — Чья это кровь?

— Мацукары.

Он повернулся, Назэ стоял на пороге.

— Акито? Откуда ты это знаешь?

— Я нашел ее без сознания прошлой ночью со свежими порезами на руке.

— Это не объясняет...

— Он дал ей коробочку высшего императорского благовония Сасуки-Чуэ.

Сайтама напрягся. Илия обожала этот запах, а ему не было дела. Он все еще помнил тошнотворный сладкий запах. Но он убрал все, что она могла оставить в поместье, включая ее гадкие палочки благовоний. Они были дорогими, их было сложно найти вне столицы, особенно в последние годы.

Кто, кроме Сенмея, мог добыть благовония? Он и Илия все время ладили. Но как объяснить остальное, и если Акито был прав, кровь Эмы...

— Нам нужно немедленно найти Сенмея. Я хочу правду с его губ. Акито, как только его

найдут, начинай допрос. Я должен был сделать это, когда люди повторили клятвы. Но я не мог... — он подавил ту мысль, взгляд упал на что-то темное, торчащее из расправленного фютона Сенмея. Он отбросил одеяло и увидел мешочек из ткани. Игнорируя укол вины за то, что вторгся в личные вещи брата, он развязал кожаные шнурки и заглянул внутрь. Там были маленькие свертки пергамента. Он вытащил один, заметил сломанную печать. Письмо? Он развернул пергамент, руки задрожали от знакомого почерка, взгляд упал в левый нижний угол.

Подпись Илии.

Письма от Илии.

Сенмею?

Они не могли быть написаны после того, как отца и мать...

Нет. Этому было лишь два месяца.

— Сволочь! — Саитама схватил мешочек и встал, сунул письмо в руки Хаганэ. — Лучше бы Сенмею еще не быть мертвым, потому что я сделаю его жизнь адом.

— Илия? — Хаганэ скользнул взглядом по содержимому. — Ты точно хочешь это прочесть, Тама? Я или Акито можем...

— Нет, я это сделаю, — он убрал письмо в мешочек и повесил его на плечо. — Я хочу увидеть своими глазами, что затеял Сенмей, еще и в сговоре с замужней женщиной — Илией! Продолжайте подготовку к Ноэ. Мы не можем остановить это, нужно вскоре ударить.

— Понял. Я почти готов. Мы сделаем это, когда будут готовы Акито и Эма.

— Акито, я хочу находиться на допросе. Я хочу видеть его лицо, когда он попытается отрицать, когда я покажу ему письма и сбор крови, и кто знает, что еще он тут делал. И он не вернется в свою комнату, пока мы не закончим с ним, и пока я все не проверю, — он напрягся, посмотрел на Акито. — Где сейчас Эма?

— В моей комнате. Кстати, нам нужно кое о чем еще поговорить.

— Это не может подождать? — рывкнул он, не успев сдержаться. Акито был не из тех, кто говорил о фривольностях.

Он покачал головой.

— Это про Мацукару и меня.

— О, Акито. Не знал, что ты из таких. Молодец.

Акито пронзил Хаганэ мрачным взглядом.

— Не это, — он повернулся к Саитаме и опустил взгляд на миг, а потом глубоко вдохнул и посмотрел на него. — Ты не задумывался, как тени попали в этот мир?

* * *

— Что ты тут делаешь?

Сенмей оставался у двери, смотрел на нее большими глазами почти с благоговениями.

— Нам нужно поговорить, лейтенант. Я знаю, что только ты поймешь.

Эма вытащила вакидзаси.

— Ты был в моей комнате. Ты сделал это со мной, — она подняла другую руку, рукав съехал. — За это я должна отрезать тебе руку здесь и сейчас.

— Ну-ну, остуди свой красивый огонь. Ты так быстро настроилась против меня. Я думал, у нас с тобой было что-то особое.

Его слова звучали холодно и четко, от этого дрожь пробежала по ее спине. Жестокость была скрыта, но не полностью.

— Между нами нет ничего «особого». И если ты не заговоришь, я...

— Лейтенант, прошу. Не нужно этого. И я знаю, что ты сильнее и превосходишь меня по навыкам, — Сенмей прошел в комнату, не переживая, что она направила на него оружие. Он слабо улыбался, это не затрагивало его глаза. — Сейчас даже больше, полагаю?

Она отпрянула, держась на расстоянии. Комната уже была тесной.

Его улыбка стала шире, смех сорвался с губ.

— Духи, у нас только начался прогресс. Если бы Тама не скрывал тебя от меня.

Ругаясь, Эма сжала меч крепче. Сенмей еще не угрожал движениями, но его слова уже были угрозой.

Она знала с самого начала, что что-то скрывалось за вежливым поведением.

— Какой прогресс, Сенмей?

Его взгляд вдруг стал рассеянным, словно ее там не было. Она поежилась, осталась наготове. Сенмей не был опытным бойцом, но ее учили ожидать всего даже от невзрачного противника.

— Скажи, Мацукара, — он неспешно произнес ее фамилию, — теперь боли нет? Можешь свободно двигаться? Твоя сила вернулась до прошлого состояния? — он улыбнулся, продолжил. — О, ты ощущаешь холод, несмотря на летнюю жару. Но ничего не поделаешь с этим, когда ты так плотно связана с тенями.

Он знал. Она не была удивлена.

— Скажи, почему ты здесь. Последнее предупреждение.

— Ах, ты все ещё не понимаешь, — он коснулся ладонью груди. — Я в долгу перед тобой. И всегда буду. Не только за дело с моим братом, но и за то, что ты не дала. Ты доказала мою теорию, что мы, смертные, можем владеть и использовать силы ши-но-кагэ. Благодаря тебе, моя работа — невозможное — привела к результату.

Пальцы Эмы дрогнули. Она подавила желание броситься и схватить его, вытрясти слова из его змеиного рта. *Использовать*. Слово крутилось в ее голове.

— Я был так близко к завершению, когда капитан Окуро влез в наш прогресс. И лорд Ноэ прибыл раньше, чем я ожидал, времени почти не оставалось. Но духи дали мне еще один шанс. С твоей кровью, тронутой тенью, я выделил сущность и силы ши-но-кагэ в эликсир, который я довел до идеала, и он дает тому, кто его примет, близость с тенями.

«Твоя кровь, тронутая тенью», — Сенмей использовал ее для своих нужд. Как долго он забирал ее кровь, отравляя ее? С самого начала?

— Сукин сын.

— Ах, не нужно оскорблять мою мать. Она тут ни при чем.

Эма подняла меч и наступала, отгоняя его.

— Ты использовал меня для своего исследования, когда я верила, что ты пытался мне помочь. Ты воспользовался моей ситуацией...

— О, я хотел сказать тебе в тот день, но вице-командир Назэ помешал нам. Но ты так просто стала сомневаться в единственном человеке, который переживал за твое здоровье, — его спина врезалась в стену. — Я дал тебе дар!

— Вот как? Ты зовешь отравление даром? Тени поглощают души, и это случится со мной, — конечно, Назэ не мог это остановить. Она вспомнила сосуды порошка, которые показал ей Сенмей. Это была основа для его эликсира? Все это было бы невероятно, если бы она уже не узнала правду о тенях от Назэ.

Тени в комнате двигались вокруг нее, отвечая на ее гнев. Ярость сжала ее грудь, зрение стало красным по краям. С последней миссии кровожадность ни разу не поднималась в ней.

Она думала, что это прошло, но, видимо, это никогда не уходило.

Глядя на Сенмея, не стыдящегося, боящегося не так сильно, как он должен был, она звала эту кровожадность.

— Все это время, — он стал говорить тише, — ты знала, что тебя что-то звало. Потому ты не смогла уйти отсюда. Ты нуждалась во мне, в том, что только я могу тебе дать.

Эма сжала воротник его юката, толкнула его в стену, прижала клинок к его животу. Она уловила отголосок приторно сладких благовоний.

— Мне не нравится, когда мне врут, — она сильнее сжала его одежду, — когда мной манипулируют, — она прижала к нему острие меча, — или когда меня используют.

— Я хотел лишь освободить тебя. Это было меньше, что я мог, за все, что ты сделала, после всего, что ты пережила. Наше время вместе было глубже, чем все, что у тебя было с моим братом.

— Ты отвратителен, — тени окружили их, отвечали на ее кипящий гнев. Его глаза расширились, взгляд метался, но от восторга, а не страха.

— Да? — он склонил голову, поднял сбоку здоровую руку. — Мой брат хотел владеть тобой, как Илией. Ты была лишь средством для него, чтобы отомстить лорду Ноэ. Только поэтому он хотел тебя.

Нет, он дал ей выбрать. Он ничего не требовал от нее из того, что она не хотела дать.

— С чего мне тебе верить?

— Верь или нет, мне все равно. Все, что я делал, было на благо моего клана. И ты выжила, как я и думал.

«Надеюсь, ты это переживешь, ради нас обоих».

Те жестокие слова были его словами. Она вспомнила зловещий тон, низкий, почти неузнаваемый, не вяжущийся со спокойным и вежливым поведением Сенмея. Холодок снова пробежал по ее спине. Что бы он ни сделал с ней, она поняла одну жуткую правду о Сенмее.

Ему нравилось причинять боль.

— Я всегда был нежен с тобой, да? — снова резкий тон пробился сквозь спокойствие. — Неужели даже частичке тебя не хотелось ощутить наслаждение от моего прикосновения?

Эма стиснула зубы, сжала рукоять меча сильнее. Тени сгустились в ответ, обвили ноги Сенмея и ее ноги.

— Я могу убить тебя сейчас. Ты это понимаешь?

— Да. Но ты этого не сделаешь.

— О? Испытай меня.

Он сжал ее запястье.

— Только я знаю формулу.

— Еще повод покончить с тобой, лживым и отвратительным, — она развернула его, сжала его раненую руку и завела ему за спину.

Он взвыл, зажмурился.

Шаги загремели в коридоре.

— Поздно останавливаться, — сказал он, тяжело дыша. Эма давила на его руку сильнее. Еще рывок, и она сломает ему руку.

Ее звали словно издалека, крики с трудом проникали сквозь красную пелену.

Сенмей отклонил голову и посмотрел ей в глаза.

— Но у тебя все еще есть преимущество.

Дверь распахнулась, треснула от силы. Сайтама ворвался внутрь, за ним — Назэ и Хаганэ, все сжимали мечи. Они окружили ее и Сенмея, подняв оружие.

— Отпусти его и отойди, — процедил низким голосом Сайтама. — Сейчас!

Ее сердце гремело. Она поддалась гневу, бурлящему в венах. Любопытно подумал бы, что она пыталась его убить. Она могла это сделать. Она была так близко. Один удар, и он был бы кровавым месивом на полу. Она была рада повредить его раненую руку сильнее.

— Отпусти его, Эма, — сказал Хаганэ, когда она не отодвинулась, его голос был спокойным, но твердым.

Слово Сенмея против ее. Эме пришлось подчиниться.

Она отпустила юкату Сенмея и отошла. Он улыбнулся ей спокойно. Она ожидала, что ее схватят, обезоружат и уведут. Но...

Хаганэ шагнул к Сенмею и схватил его, сжал так, что другой мужчина не мог вырваться.

— Кто такое, капитан? Она пыталась меня убить! Вы это видели своими глазами.

— Хватит лжи, Сенмей, — Сайтама убрал меч в ножны, щурясь от мрачного гнева так, что все внутри нее дрожало. — Ты поступил непростительно. Молись духам, чтобы меня кто-то убедил не убивать тебя за это.

— И в чем я виноват, дорогой брат, если я продлевал жизнь нашего клана?

Сайтама подошел к брату, посмотрел на него с яростью свысока.

— Сарутай-я.

Сенмей напрягся, а потом улыбнулся.

— Наслаждаться сладостями — преступление?

— Ты — мерзавец. Хаганэ, уведи его. Акито, немедленно приступай к допросу.

Сенмей уперся ногами в пол, его уверенность разбилась.

— Ты не серьезно, Тама. Ты спустишь этого кровожадного демона на меня? На своего брата?

Сайтама не слушал его, отвернулся, и Хаганэ вывел его из комнаты. Несколько солдат ждали их в коридоре, забрали Сенмея, чтобы увести. Акито взглянул на нее и вышел за ними. Хаганэ вернулся к ней, печально улыбнулся.

— Уже можешь это убрать, Эма.

Она не спешила.

— Вы знали о Сенмее?

Двое мужчин переглянулись. Сайтама кивнул Хаганэ, поджав губы.

— Да, — сказал Хаганэ, Сайтама вылетел из комнаты и последовал за Сенмеем. — Теперь знаем.

Саитама чуть не бросился на помощь Сенмею. Он был в руках Эмы, его тело было напряжено, пытаясь защититься, и Саитама чуть не поднял меч не на того человека. Месяц назад, а то и меньше, он убил бы ее за то, что она напала на его брата.

Те дни прошли. Письма Илии уже были уликой против него. Не было причины переписываться с той женщиной. И те проклятые флаконы...

Его мутило от того, что будет, пока он расхаживал по старому складу, Акито и его люди запирали Сенмея подальше от любопытных глаз. Он держался за ложь. Хоть он улавливал тревогу, как он мог сомневаться в брате? Как могла Эма, когда-то убийца на вражеской стороне, проявить больше верности ему, чем его родной брат?

Отец был бы вне себя от стыда. А мама... ах, он не мог даже думать об этом. Если бы они были живы, до этого не дошло бы. Если бы клан Варуама не предал их, если бы он женился на Илии...

Он потер рукой лицо, выдохнул. Это не было важно. Они оказались бы в конце там же, где и сейчас.

Даже хорошо, что его родители не увидели, как все разваливалось.

Акито появился на пороге, кивнул ему. Саитама вошел в склад, последовал за ним через связанные комнаты, пока они не попали в дальнюю часть здания. Его сердце билось в такт с шагами, гремело в ушах, пока они приближались к последней комнате. Акито прошел впереди него. Саитама огляделся и вошел. Было почти пусто, только несколько ящиков и Сенмей, связанный и скованный, как преступник.

Он и был таким. Сегодня они определяют, как далеко он зашел.

— Ждите снаружи, — сказал он стражам.

Сенмей взглянул на них, его взгляд стал расслабленным. Ему даже хватило наглости улыбнуться, хотя в улыбке не было доброты. Так всегда было?

— Тама, чем обязан?

— Ты прекрасно знаешь. Что ты сделал с Эмой?

— Ах, — спокойно сказал он. — Она пылкая, да?

— Сенмей, — предупредил он, пересёк комнату и встал перед ним, — не уходи от ответа!

— Она была просто подопытной, — мрачный замкнутый взгляд Сенмея тревожил его. — Но идеальной. Наверное, даже хорошо, что ты привел ее сюда.

— Что ты делал? Почему ты воровал ее кровь?

— Воровал ее кровь? — он фыркнул. — Почему ты так переживаешь, Тама? Ты развил симпатию к сбежавшей убийце? — он ухмыльнулся и склонил голову. — Мило, но не удивительно. Может, стоило ее больше ценить, когда она была только моей, и ее неподвижное податливое тело было открыто мне...

Саитама ударил кулаком по челюсти Сенмея, тот растянулся на полу.

Сенмей со стоном вытер кровь со рта связанными ладонями.

— Это было необходимо?

— Ты заслуживаешь худшего за то, как использовал ее! Она поверила, что ты ей поможешь. Я доверял тебе!

— Она должна быть благодарна. Я дал ей дар духов. Точнее усилил то, что они уже ей

дали. Разве не так? — он мрачно посмотрел на Акито. — О, прости, ты не рассказал ему о своей тайне?

Акито молчал. Если он и был удивлен тем, что Сенмей что-то знал, он не подал виду. Это была игра, или он знал об Акито?

Это было другим делом. Невероятное признание Акито о тенях и осязаемый стыд чуть не разорвали его сердце. Все это время Акито страдал и молчал. Но он мог управлять тенями. Если бы он поделился этим бременем раньше, может, они бы нашли вместе решение.

Признание Акито беспокоило его, но это не обрекло клан на жуткую судьбу.

А вот поступки Сенмея...

Саитама сел на корточки, сжал юкату брата, игнорируя боль в груди.

— Ты на допросе, Сенмей. Радуйся, что я не оставил тебя с ним наедине.

Сенмей фыркнул.

— Я его не боюсь.

— Осторожно, брат. Ложь только злит меня, — он отпустил его и толкнул. — Во флаконах, найденных в Саругай-я, была черная жидкость. Кто это?

Сенмей склонил голову и поджал губы, глаза весело блестели, пока он смотрел на него. Насмехался.

— Достижение, равного которому нет в мире. Наша последняя защита от Фракции. Была бы, если бы ты хоть на миг подумал о возможности.

— Говори, Сенмей.

Он фыркнул.

— Эликсир духов. Одна доза дает потусторонние силы. Сущность ши-но-кагэ, смешанная с кровью Мацукары, дает особый эффект. Ее кровь была поразительно устойчивой, и проверка раз за разом приводила к успеху.

Сердце Саитама гремело в ушах.

— Ты отравлял ее этим?

— Это, видимо, помогло ей быстрее восстановиться и убрало боль, — Акито шагнул вперед.

— Она в порядке. Даже лучше. Иммунитет к теням делает ее защищенной от смерти. Представь такую армию.

— Это работает не так, Сенмей.

— Откуда тебе знать, вице-командир?

— Не говори с ним, — рявкнул Саитама. — Для кого были флаконы?

Сенмей притих, печально улыбнулся. Саитама ждал, сердце билось все сильнее с каждым миготом. Он знал ответ, но ему нужно было услышать это из предательского рта Сенмея, даже если слова придется из него вырвать.

— Окуро чуть не уничтожил все, — сказал он. — Мацукара в руках Ноэ лишила бы нас оставшегося рычага. Я не мог раскрыть, что она была источником нашего взаимного успеха.

— Говори. Для кого были те флаконы?

Его взгляд стал мрачнее, но улыбка осталась.

— Для лорда Ноэ. Но ты уже это знал, да?

— Предатель.

— Я сделал это ради клана. Ради нас, Тама. Ты должен гордиться моим достижением. С этим они не могут нас тронуть. Возмездие Фракции не обрушилось бы на нас. Мы были бы

спасены, если бы ты хоть на миг мне поверил. Но Илия поверила еще до хаоса с ее кланом.

Он так легко произнес ее имя. Те письма... Голова Сайтамы болела от его наглых ответов. Честный и мудрый Сенмей, заботливый, умеющий исцелять, выбрал темный путь, и Сайтаме от этого было плохо. Он ощущал узел отчаяния, растущий в животе, как когда он раскрыл предательство Илии.

Илия лезла в их дела все это время через Сенмея. Что еще она сделала? Зачем она пыталась увести от них Фракцию, заставила Сенмея извратить исследование?

— Зачем ей все это? Она явно знала о твоём яде и ши-но-кагэ?

Сенмей пожал плечами, протер лицо и посмотрел на кровь на ладони. Он не был удивлен, не переживал. Его насмешливая улыбка показывала, что ему нравилось то, что Сайтама теперь знал об их переписке.

— Никого не интересовало мое исследование, кроме Илии. Когда другие находили причины уйти от меня, Илия приходила, поддерживала и напоминала, что нужно оставаться верным себе. Она замужем за Ноэ во всех смыслах, но мы всегда разделяли нечто глубже.

— Сенмей, ты... — Сайтама не мог даже подобрать слова. — Не смей говорить, что ты делал все это ради глупой идеи, что ты можешь быть с ней! Тебя ослепила похоть, ее манипуляции. То, что она тебе обещала, не сбудется.

— Мои чувства к ней серьезнее похоти, а ты ощущал к ней только это, да? Ни ты, ни тот мерзавец не могли понимать ее так, как я. Мацукара не отличается.

Сайтама бросился на брата, схватил его за юкату и поднял. Он не хотел слышать ни слова о его отвратительном восторге насчет Илии и неуважении к Эме. Он едва подавлял желание ударить его снова, скалил зубы в гневе, который давно не ощущал.

— Кто ты, Сенмей? Что с тобой произошло?

— Я тот, кем всегда был. Ученый, бесполезный сын, который не умеет биться мечом и не может стрелой защитить свою жизнь. Но мои навыки лекаря были всегда нужны, да? Сенмей всех подлатает, сохранит здоровыми и счастливыми. Но стать главой не может.

— У отца были причины. И он был прав, — если бы отец послушался традиции порядка рождения...

Сенмей фыркнул.

— Хватит держаться за это. Я был бы оскорблен, если бы не понял, что он просто не знал лучше. Его решение было последней каплей для нашего клана.

Сайтама отпустил его и отошел. Акито оставался неподалеку, тихий свидетель непростительного предательства его брата.

Сенмей провел языком по губе.

— Все, что я делал, было ради клана.

— Прекрати оскорблять меня это ложью. Я не хочу слышать от тебя снова эти слова.

— Ши-но-кагэ — часть ткани, которая держит этот мир целым. Мы или будем ими управлять, или умрем. И я нашел ключ к управлению. Тот, кто управляет тенями, управляет миром. Мы можем выжить. Мы можем даже вернуть все, как было!

— Не так, Сенмей. Честью и честностью, а не гадкой магией.

— В этом мире нет чести, Тама. Ты это еще не понял?

Сайтама отвернулся и прошел к Акито.

— Я услышал достаточно. Оставляю его тебе.

Он даже не оглянулся, вышел из комнаты как можно скорее. Ему нужно было уйти отсюда. Он не мог дышать. Он не мог слушать дальше, как брат с готовностью признается во

всем без стыда. Он бросал правду в лицо Саитама.

Сенмей сошел с ума? Он так не говорил никогда, не болтал о силе, власти, не повторял имя Илии, зная, что ему будет больно...

И те письма. Духи, сколько крылось в тех проклятых словах? Спокойные признания Сенмея заставляли его тело сжиматься. Было поздно исправлять ущерб. И его брат знал — как и он в душе — что он не мог нанести последний удар. Как?

И Эма была использована для эксперимента его брата. Он поежился от мысли о том, как он ей навредил. Хуже, он отдавал результаты той работы Фракции.

У него все еще были вопросы, больше, чем он мог получить ответов сейчас. Одно было ясно.

Он должен был все ей рассказать.

* * *

Снова один.

Акито опустил перед Сенмеем. Уже потрепанный от удара Саитама, он сжался, ранняя уверенность угасала на его лице.

Смерть отметит его?

Он должен был отогнать тени. Только Саитама мог сказать, будет Сенмей жить или нет.

Ши-но-кагэ тут не будут править.

Но до этого...

Акито вытащил кинжал.

— Этот разговор давно должен был состояться.

Он схватил раненую руку Сенмея и разрезал шрам. Мужчина охнул, слезы наполнили его глаза. Акито сильнее сжал его запястье, повернул руку, чтобы кровь свободно текла, пачкая его одежду.

— Духи, за что?!

— Ты предал Саитама. Думал, я это приму? — он порезал бедро Сенмея, неглубоко, но кровь потекла. — Ты опозорил свою семью, наследие своего отца своими поступками, — Акито порезал другое бедро. Сенмей закричал, подавил всхлип.

— Что ты знаешь о чести, Назэ? — процедил он между вскриками. — Ты оголил свою душу Саитама, но это не отменяет твоего отвратительного окровавленного прошлого.

— Я никогда ему не врал, в отличие от тебя.

— Ты утаивал информацию, а это не отличается, разве не так?

Акито рассмеялся, прижав ладонь к горлу Сенмея. Его голова ударилась об стену с глухим стуком.

— То, что он не знал, было для его защиты.

— Говори это себе, жалкий лицемер!

Он отпустил Сенмея, тот рухнул на зад.

— Давно я этого не делал, — сказал Акито, темнейшие тени комнаты дотянулись до его рук и ног, холод окутал его тело. — Не буду отрицать, порой сложно сдерживаться так долго. К счастью, на таких, как ты, я порой могу обрушивать это проклятие. С тобой будет тяжело, ты не привык к физическим нагрузкам, — он приветствовал тьму достаточно, чтобы ее успокоить. — Сначала ты расскажешь мне все, что рассказал Саитама, а потом то, что ты ему не рассказал. Надеюсь, ты не будешь сдерживаться. Это тебе выгодно.

Сенмей рассмеялся, но слабо. Его ладони дрожали на коленях, он трясся перед Акито.

Он останется в таком состоянии, пока они не закончат.

— Я все еще его брат, его родная кровь. Ты не можешь меня убить. Он никогда тебя не простит.

Кровь медленно пропитывала серую юкату Сенмея, алое пятно никогда не смывается.

Акито убрал катану и вакидзаси к стене. Ему понадобится только кинжал.

— Да, Сенмей. Я не могу тебя убить. Но ты пожалеешь, что я не могу это сделать.

Старый гнев кипел в ее груди.

Использовать. Эма не могла выбросить слово из головы.

Он использовал ее.

Когда это началось? Когда он помогал ей выжить? Тот шприц с лекарством от боли? Сколько раз он мучил ее ради своего исследования?

Изобретение Сенмея помешало Назэ освободить ее из хватки теней? Или проклятие было неизбежным?

Слишком много вопросов. Голова болела, пока она расхаживала, ненавидя ощущение беспомощности. Духи, она не подозревала, что он пойдет на такое.

Тени лежали на веранде, пока она ходила. Она махнула рукой перед собой. Они пошевелились, ответили на зов. Она сжала кулак и прогнала их.

Она не хотела этого.

Монстр. Демон. Связанная со Смертью.

Кем она была?

И с творением Сенмея другие могли сблизиться с тенями, как она. Может, налетчики, которые напали на Аомори-то, были так же отравлены. Он говорил, что изучал других жертв до нее.

Она дала ему такой шанс, потому что выжила после атаки ши-но-кагэ? И если Ноэ уже знал все и обладал эликсиром...

Эма задрожала от этой мысли, скрестила руки и замерла у пруда с кои. Не она одна пострадала от открытий этой ночью. Для нее смерть всегда была ожидаемым исходом. Было даже логично, что она получила невозможный альянс с тенями смерти. Но Сайтама столкнулся с большей болью: смертью связи.

Ее сердце сдавила вина. Ее присутствие дало Сенмею возможность все это сделать. Хоть он был поглощен исследованием задолго до ее прибытия, она позволила ему воплотить теории в жизнь.

Нет. Она не будет виновна в действиях Сенмея. Но если бы она поняла, что происходило, может, это не зашло бы так далеко.

Сайтама тоже так думал? У него было право жалеть, что он помог ей. И после того, как они поклялись...

Эма пошла дальше, вошла в главный дом, ноги стучали по коридору. Его комната была недалеко, возле этого крыла. И когда она прибыла, шоджи были широко распахнуты.

Сайтама сидел на коленях один в темной комнате. Лампы из коридора бросали немного света внутрь, но он не зажег свои.

Как давно он там сидел?

— Сайтама?

Он не сразу ответил. Она ждала на пороге, не зная, в каком состоянии он был. Назэ кратко рассказал о допросе Сенмея, но исход был ясен. Он предал брата из-за Ноэ и Фракции, искренне верил, что спасет клан, придумав потустороннее оружие.

Он поднял голову, но не посмотрел прямо на нее.

— Заходи, Эма. Посиди со мной.

Его тон был сдавленным, без эмоций, отличался от властного тона, каким его голос был

обычно. Это сильно отличалось от ночи, когда они сидели в его саду, так близко...

Она прошла внутрь, разглядывая его рассеянное выражение лица. Она хорошо знала этот далекий взгляд.

— Я зажгу жаровню, — сказала она. Он не ответил, и она отошла и опустилась на колени перед жаровней, разожгла огонек. Эма взглянула на Саитаму, его голова была подперта рукой. Тени плясали на стене за ним, но она не ощущала холод ши-но-кагэ. Может, пока что монстры их оставят.

Эма села рядом с ним. Возле него лежал мешочек. Она не заметила это ранее, во тьме. Когда она поймала взгляд Саитамы, что-то блестело в свете огня. Она не дала себе охнуть. Ее сердце сжалось с желанием избавить его от этой боли. Хотя как она из всех людей могла такое сделать?

Если он не хотел ее тут, пусть так и скажет. Может, ему хватит того, что она посидит рядом.

Сколько ночей она желала, чтобы появился человек, который поймет одиночество предательства?

Саитама задел мешочек пальцами, а потом передал его ей.

— Все там. Улики предательства Сенмея, — он издал невеселый смешок. — Он даже ничего не отрицал, представляешь? Ему будто было радостно рассказать мне, — он фыркнул и указал ей открыть мешочек.

Эма опустила мешочек на колени, ткань была чистой.

— Можно?

Он посмотрел ей в глаза и склонил голову.

— Я поклялся тебе. Зачем мне скрывать это? К тому же, это касается и тебя.

Она кивнула, глубоко вдохнула и открыла, нашла несколько свитков пергамента со сломанными печатями. Эма вытащила один. Письмо Сенмею, почерк был изящным. Подпись была одним символом амариллиса, цветка. Она взглянула на Саитаму и стала читать. Изящные слова, вежливые фразы и намеки для раздувания желания Сенмея без конкретных обещаний.

— Их там десятки. Он все это время переписывался с Илией.

— Амариллис. Это Илия?

— Она не отзывается на то имя, но да, так ее звали с рождения.

Эма стала читать с разрешения Саитамы. Ничего конкретного не было, но некоторые слова могли относиться к ши-но-кагэ и прогрессу Сенмея. Женщина умела писать, это точно. Любой, кто мог читать, понимал, что они заигрывали между собой или уже состояли в отношениях глубже дружбы.

Ноэ знал о переписке его жены с Сенмеем? Или он и направил ее продолжать?

И зачем спасать их и рисковать тем, что улики его предательства раньше времени станут известны? Он был так уверен в том, что Саитама верил в него, что не уничтожил письма?

Эма подозревала, что Сенмей, скорее всего, верил, что Илия любила его.

Когда она прочла все письма, она вернула мешочек Саитама, и тот отбросил его в сторону.

— Это все моя вина.

— Нет. Ты не можешь винить себя в его решениях.

— Я мог это увидеть. Остановить. Я видел это. Что-то. Но не думал...

— Как бы ты смог? И если идти по этому пути, я должна тоже принять часть вины. Узнать, что ши-но-кагэ существуют, уже было безумием. То, что он может превращать их сущность в нечто, что можно поглотить, кажется невозможным. Откуда ты мог знать, что он затеял на самом деле?

— Он — мой брат.

— Вы семья, но не одинаковые. Вы не разделяете одну и ту же ответственность.

— Эма, — он повернулся к ней. — Я большую часть этого года провел, поглощенный горем и жадной мести. Я пошел бы за Ноэ и Варуама, если бы не Арина, Хаганэ и Сенмей. И они были правы. Тогда. Но я не мог забыть, не мог отпустить. Ноэ нужно было истребить не только за его участие в гибели моих родителей, но и за все жизни, которые он задел или уничтожил. Для меня важно было только отомстить за них.

— И ты имеешь право такое чувствовать, — духи знали, что многие люди хотели отомстить ей за жизни людей, которых она убила.

— Спасибо, Эма, — он взял ее за руку, погладил ладонь большим пальцем. — Сенмей никогда не понимал это. И я не мог понять, почему он не разделяет это чувство со мной. Порой мне казалось, что он был рад, что они умерли, — он покачал головой. — Может, ему всегда было на них плевать. И на всех нас. Но та ночь для меня изменила все, — он взглянул на их соединённые ладони. — А ты? Ты оставила жизнь, которую построила с Тайшо. Что-то изменилось, что заставило тебя сделать это?

Она сжала губы и кивнула.

— Я чуть не потеряла кое-кого важного для меня в миссии. Я выбрала спасти его жизнь, а не убить цель, и за это меня наказали. Хотя я сожалею о другом в той миссии, я бы не изменила свое решение, — она накрыла его ладонь своей, погладила пальцами его шрам и посмотрела ему в глаза. — Все изменилось для меня в ту ночь.

— Один миг может изменить все.

Она поежилась, склонилась ближе к его теплу. Он подвинул хватку, обвил пальцами ее запястье. Он поднес ее ладонь к своим губам и поцеловал, его теплое дыхание щекотало ее кожу. Она приблизилась, очарованная, жаркое предвкушение трепетало в теле. Темные глаза смотрели в ее глаза, он поцеловал снова, в этот раз внутреннюю сторону ее запястья. Она вздохнула. Он притянул ее к себе, прижал другую ладонь к ее щеке.

— Не фантазируй, Мацукара.

— Я? — она отодвинулась, фыркнув. — Это ты начал.

— Что же? — он прижал ладонь к ее щеке снова, погладил нежную кожу большим пальцем. Темные глаза глядели на нее, передавали то, на что намекало его тело. Ее тело гудело в ответ, желание было таким сильным, что ее сердце могло взорваться.

— Ты говорил о таком мгновении?

— Возможно. Но было и другое, — он склонил голову, губы замерли над ее губами. — Я хотел тебя, едва увидел в онсене. И я хочу тебя сейчас еще сильнее.

Он поймал ее губы в обжигающем поцелуе, разбивая оставшиеся стены между ними.

Грубый, с надрывом, таким он был.

Эма целовала его в ответ, хотела удержать в этом мгновении с собой. Прогнать сожаления и неуверенность. Ему нужно было это. Им нужно было это.

Его язык танцевал с ее, гул одобрения зазвучал в его груди.

— Скажи, чего ты хочешь, Эма, — Сайтама поцеловал ее еще раз, не дав ответить сразу, прижал ее к себе, пока его губы работали с ее.

— Ах, но где же веселье? — сказала она между поцелуями.

— Тебе не весело?

Он с рычанием опустил ее на спину. Ей захотелось биться и бежать, но она подавила старую реакцию. Вместо этого она обвила руками его шею, привлекая его ближе. Она запустила пальцы в его темные волосы, потом скользнула ладонями по его широким плечам, мускулистой спине — все еще в одежде. Она хотела ощущать его твердое тело под своими ладонями. Она закрыла глаза, вспомнила его в горячей воде онсена. Ее ладони проникли под воротник его юкаты, его жар согревал ее.

Он сжал ее ладонь, придавил рядом с ее головой. Глубокие властные поцелуи обрушились на ее рот, стали спускаться по ее шее. Она повернула голову, просила его этим продолжить. Он работал с ее телом почти так же, как Рё, но все было другим. Его запах, форма губ, вес его тела... Да, поразительно и приятно другое. Она уткнулась лицом в его плечо, целовала его шею, вдыхая глубоко успокаивающий запах мускуса и гвоздики.

Все сомнения быстро растаяли. Они могли насладиться этим мигом, друг другом. Даже во тьме предательства был свет надежды. Это был не конец. Они еще были друг у друга. У них были Хаганэ и Назэ...

— Эма... — он шумно выдохнул, ослабил хватку на ее запястье. Она подвинулась, обвила его ногу своей, а потом направила свое тело, чтобы перевернуть его на спину.

Ха, она все еще так могла.

Сайтама смотрел на нее большими глазами.

— Я должен был ожидать что-то такое.

— Опускать убийцу на спину — опасная затея.

— Ты предпочитаешь быть сверху?

Эма рассмеялась и сжала его юкату.

— Иногда, — она развязала узел. — Снимешь это?

Он приподнялся, ее ноги обвили его ноги, он снял юкату и отбросил в сторону. Эма провела ладонями по мускулистой груди, которую заметила в онсене, и прилив жара согрел ее внутри. Она подвинулась, прижавшись к нему, ощущая его твердость. Осмелев, она скользнула ладонью по его животу, добралась до приза, погладила его сквозь ткань. Его бедра стали двигаться от ее прикосновения.

— Жадная, — он поймал ее щеки и притянул ее для еще одного глубокого поцелуя. Ее бедра двигались поверх его, наслаждение росло между ее ногами от того, как он терся об нее. Его ладонь опустилась, напала на ее оби, потянула за упрямый узел. Она стала ему помогать, встретила его взгляд. Он раздвинул нежную ткань. Прохладный воздух ударил по ее ногам и животу.

Она стала снимать свою юкату, когда он остановил ее ладонь, темные глаза скользили

взглядом по ее телу. Он поцеловал ее снова, медленно раздевая, его пальцы скользили по ее рукам, пока он освобождал их из рукавов.

Он склонился и поцеловал ее в ключицу, дыхание обжигало ее кожу. Ладонь легла на ее талию, другая прижалась к ее небольшой груди, нежно исследуя. Он застонал у ее тела, его поцелуи обрушились на ее грудь. Она выгнула спину, бедра двигались. Он удерживал ее за талию, притягивая ближе.

Духи, это чувство... Его твердость терлась об нее, посылая по телу искры удовольствия. Тепло комнаты задевало ее открытую кожу. Пробуждало ее. Было слишком много печалей в жизни, чтобы не давать себе наслаждаться хоть изредка.

«Мы должны порой быть людьми».

Слова Хаганэ. Она улыбнулась, прильнула к Сенмею. Быть человеком было сочетанием многого, и секс, поразительное соединение двух человек, входил в их число.

Она обвила руками его шею, помогала ему ласкать ее тело. Он напал на другую грудь, пока направлял рукой ее бедра.

— Ты прекрасна, — прошептал он в ее кожу, целуя затвердевший сосок.

Тихий смех сорвался с ее губ.

— А я помню, как ты говорил о капле женственности.

Он рассмеялся и отодвинулся, чтобы посмотреть на нее.

— Ты же не затаила на меня обиду за это?

— Мы уже тут...

— ...и я уже был повержен.

— Осторожно, — она стала гладить его сквозь набедренную повязку. — Я могу все же решить пролить все твои тайны.

Он опустил взгляд.

— Если ты имеешь в виду мой...

— Да. Это я и имею в виду.

Он выругался, и это вызвало дрожь на ее спине. Она поймала его взгляд, не забывая, кто привело их к этому моменту. Она прижала ладони к его щекам, смотрела в его глаза.

— Если нужно это повторять, я никогда...

— Я знаю.

— Дай сказать. Я ни за что не предаю тебя. Клятва была искренней.

— Эма, — он прижал ладонь к ее щеке, притянул ее, чтобы их лбы соприкоснулись. — Я знаю.

Он поцеловал ее, едва касаясь губами ее губ. Они снова и снова пробовали друг друга, понимали значимость того, что пообещали друг другу.

Он потерся носом об ее ухо.

— Ложись, — хриплый приказ вызвал желание, молнией пронесшееся по ней, он поцеловал ее в шею, скользнул языком по чувствительной коже.

— Решил рискнуть?

— Да.

Он последовал за ней, когда она легла на спину. Его взгляд скользнул по ее телу, но она не ощущала стыд, у нее не было повода. Она видела слишком много в жизни, чтобы позволить чему-то естественному нарушить этот момент.

Медленно улыбнувшись, он развязал ткань на своем поясе и отбросил ее. Саитама тоже не стыдился, раскрыл себя без колебаний. Она облизнула губы, увидев все его тело впервые.

Он устроился между ее ног, продолжил целовать ее губы, его язык двигался с ее, он прижимался к ней, дразня ее вход, уже мокрый и готовый. Жаждающий. Он опустил руку, скользнул пальцем между ее мягких складок, немного погладил ее. Она со стоном закрыла глаза, покачивая бедрами от его прикосновения.

Он резко вдохнул, убрал ладонь. Сжав член, он посмотрел на нее темными глазами, приоткрыв рот. Она улыбнулась, коснулась его лица кончиками пальцев.

С последним поцелуем он вошел в нее, медленно, по дюйму. Эма резко вдохнула, сжала его плечи, прижимая его тело к себе, пока он погружался в нее полностью. Он замер, разглядывал ее лицо, поцеловал еще раз. Но ей нужно было, чтобы он двигался, чтобы он отправил их за облака, в небо.

Может, они достанут до луны, которую он так нежно выглядывал каждую ночь.

Его бедра стали двигаться, посылая волны жара по ней, собирающиеся там, где их тела соединялись. Они нежно и медленно изучали движения друг друга, доставляли наслаждение. Божественные духи. Это было прекрасно и правильно, это разделение тел и сердец. Ничто не могло отобрать это.

Она ощущала, что он сдерживался, следил, чтобы ей было удобно, чтобы не сделать ничего против ее воли. Эма чуть повернула голову, оголяя шею, показывая подчинение, позволяя ему восстановить контроль над его жизнью, в котором он отчаянно нуждался. С низким стоном и невнятными словами он принял ее приглашение, опустил голову к ней, посасывал и покусывал нежную кожу, пока она не застонала, прося большего.

Он раскачивал бедрами, движения стали сильнее, но оставались уверенными, вызывали головокружительное удовольствие с каждым толчком. Она задрожала, когда его теплое дыхание защекотало ее ухо. Эма притянула его ближе, желая все большего от него. Сайтама ответил, двигаясь быстрее, вонзаясь в нее сильнее. Он зарычал ее имя, желание в его голосе достигло пика, и он кончил, увлекая ее за собой. Она держалась за него, сердца колотились рядом друг с другом, оглушая, волны жаркого наслаждения сотрясали ее тело.

Они лежали долго вместе, тихие, порой целовались, обнимая друг друга. Та страсть, глубина эмоций за его строгой маской, была подтверждением, что он отдал всего себя.

Она прижалась к нему, водила круги на его груди.

— Спасибо, — наконец, сказала она.

— Хм? — он все еще был в милях отсюда, глаза были закрытыми, он прижимался лбом к ее лбу.

— За это. За все.

Сайтама отодвинулся и удовлетворенно улыбнулся.

— Я думал о том, как ты только появилась и сразилась с ши-но-кагэ. Я был уверен на миг, что ты была духом или богиней. Звучит глупо, когда я говорю это вслух.

Эма улыбнулась, ее сердце трепетало.

— Ни капли.

— Пообещай мне кое-что.

— Что угодно.

— Остайся.

— На ночь или...? — она улыбнулась из-за румянца на его щеках. Он смутился сейчас?

— Ты знаешь, о чем я.

— Не уверена.

Он обвил ее рукой сильнее, прижал ее к себе, замедлив ее поцелуями. Она охнула,

ощущение покалывало на чувствительной коже. Он стал тверже, и она отодвинулась, прижала ладонь к его груди.

— Еще раз?

— Слишком быстро?

Эма рассмеялась.

— Никогда, — она притянула его для глубокого поцелуя и снова затерялась в нем.

Хаганэ не нравился этот план.

Он не считал, что план провалится. Наоборот, шансы были хорошими, мадам Фумико в «Золотом Цветке» была мастером скрытности. Эма и Акито разберутся с Ноэ.

Но от мысли, что ему придется притвориться, что он предаст ближайшего друга, ему было физически плохо.

Когда он пришел к комнате Тамы, его друг расхаживал по комнате бодро, щеки были румяными. Что-то сверкало в его глазах, словно он скрывал тайну, которая приносила ему радость.

И он подозревал, что некая убийца изменила его.

— Так-так, Тама. Ты хорошо выглядишь для такого дня.

— Тц. Я буду спать лучше, зная, что его нет. Нужно было давно это сделать.

Хаганэ пожал плечами.

— Кто знает? Если бы ты поспешил, все могло бы обернуться хуже. И у тебя не было бы супер-дуэта, да?

— Супер-дуэт? — Тама фыркнул. — Не говори так при Акито.

— Я еще не хочу умирать. Хотя Эму это повеселило бы, — он смотрел на лицо друга.

Губы Тамы изогнулись в улыбке, но она быстро пропала.

— Кто знает?

— Не делай вид, что не знаешь.

Тама пронзил его взглядом.

— Что? Я не делаю вид.

Хаганэ улыбнулся, потом не сдержался и рассмеялся. Тама верил, что он не мог это понять? Румянец на его щеках, спина была прямее, чем вчера. Хаганэ видел все, что ему нужно было знать.

— Над чем ты смеешься?

— Над тобой!

— Объясни, потому что я не в настроении для этого.

Хаганэ кашлянул, пытаясь подавить смех. Это был веселый смех, который возникал из счастья, он переживал, что этот смех вряд ли прозвучит снова. О, Хаганэ не оставлял надежду, но он переживал, ведь такое счастье означало бы для него мир.

— Она для тебя дорога, да?

Он скрестил руки.

— Мы создали связь. Конечно, дорога, — Тама прищурился. — Не так, как ты намекаешь.

— Ты забываешь, Тама. Что я всегда знаю, когда ты скрываешь от меня правду, — он усмехнулся, тряхнул головой и вздохнул. — Я рад, что ты снова нашел счастье.

Тама открыл рот, и половица в коридоре скрипнула. Он специально не чинил ту доску.

Шаги прошли ближе, и источник счастья появился на пороге. Взгляд Эмы на миг задержался на Таме, ее щеки порозовели.

— Все хорошо?

Хаганэ посмотрел на них. Конечно. Это было там все время. Таме только нужно было

открыть себя, позволить себе насладиться объятиями другой. То, что он начал снова доверять после предательства его брата, давало Хаганэ надежду. Он был счастлив так сильно, что сердце болело.

— Да, — напряжённо сказал Тама. — Акито заканчивает в комнате Сенмея, а потом мы все обсудим. Хаганэ, Ноэ еще вернется сегодня?

— Фумико подтвердила, что она ожидает его возвращение, для него готова особая комната. К сожалению, мы не сможем провести репетицию миссии перед этим, — Эма упоминала, что репетировала миссию и оценивала сильные и уязвимые точки места, где проходила миссия. Тут они не могли рисковать так близко к назначенному времени. Можно было сорвать операцию.

— Понимаю, — сказала она. — Расскажи все, что можешь.

Пока они ждали Акито, Хаганэ объяснял план «Золотого Цветка», подавив стыд за то что так хорошо знал то место. Это было до того, как Эма появилась в его жизни. Те наслаждения в «Золотом Цветке» уже его не привлекали.

Он смотрел на изгиб ее губ, пока они говорили, на ее чарующие, но опасные карие глаза, он уже запомнил эти детали. Саитама желал их, может, даже Акито заметил эти детали. И Хаганэ не ревновал. Он, наверное, единственный понимал влияние ее присутствия на них, и как их будущее было ярче с ней.

Как она смогла так уютно устроиться между ними?

Акито вскоре вошел без слов и закрыл дверь. Он присоединился к ним на татами.

— Я забрал важные части исследования Сенмея. По крайней мере, это не сможет попасть в руки Фракции, если поместье падет. Но с тайными поставками Сенмея они уже могли получить достаточно информации. Он или не записал формулу, или она уже у Фракции.

Хаганэ выругался. Он знал Сенмея почти так же долго, как Таму. Он не ожидал, что брат его друга пойдет по темному извилистому пути. Сенмей всегда был защитой, делал, как было лучше для клана. Он всегда предлагал помощь нуждающимся, включая неизвестных, как Эма.

Все было зря? Было почти невозможно связать старого Сенмея с тем, который их предал.

— Просто держите его под замком. Мы не можем пустить его к Ноэ. Как только мы с этим закончим, я решу, что делать.

Подавив вопрос, Хаганэ опустил взгляд. Таме было сложно приказывать казнь Сенмея даже за это. Он не винил его. Люди убивали за меньшее, но не Тама.

— Сосредоточимся на Ноэ, — Эма посмотрела на них по очереди. — У нас осталось мало времени на подготовку.

— Как твое состояние, Мацукара? — спросил Акито, разглядывая ее, щурясь, словно мог как-то определить так ее слабости. Возможно, он мог.

— Я смогу сделать это, если ты об этом. Последний удар будет нанесен. А если нет, ты будешь там, — она посмотрела на них. — Я всегда была кульминацией операции, так что поражение было неприемлемо. Я еще никогда не работала с другим убийцей.

— Верь в миссию. Верь в меня. Вместе мы не проиграем.

Тама издал сдавленный звук, повернул голову и посмотрел на него.

— Кто ты и что сделал с Акито.

Вице-командир хмуро смотрел на него.

— Он просто знает, как мне нравится его непоколебимая уверенность.

Теперь они устали на Эму.

— Что? Это так, — она подмигнула Акито, тот сделал вид, что не заметил это.

Тама смотрел на них, поджав губы, и Хаганэ почти видел, как он соображал. Ах, он не знал, что был в безопасности? Он не потеряет Эму из-за Акито. Не так. Что-то другое было между всеми ними, другие еще не поняли этого. Эма могла понять, но Тама и Акито были безнадежны в этом.

Решив пощадить Таму от дискомфорта, Хаганэ вернул разговор к Ноэ.

— Моя встреча с Ноэ на закате, значит, вам нужно быть на месте до этого.

— Я обдумал миссию, — ладони Акито легли расслабленно на колени, — и ее нужно немного изменить.

Хаганэ скривился.

— Акито, уже нет времени на это.

— Когда твоя встреча начнется, — продолжил он, — я войду в заведение, не скрываясь. Ноэ не поверит, что Эма придет туда по своей воле. Но я могу убедить его в своей охоте. Твой дискомфорт будет недолгим.

— Ах, спасибо, — иногда Акито удивлял его своей восприимчивостью. Почти всегда.

Уголки губ Акито опустились.

— Это добавит уровень отвлечения, который обеспечит успех Мацукары, — он переглянулся с Эмой, что-то промелькнуло между ними.

Да. Что-то затевалось.

Они обсудили оставшиеся детали, еще раз обсудили план. С изменением стратегии от Акито у них улучшились шансы на успех. Хотя его роль предателя все еще ему не нравилась.

— Я вернусь через пару часов, Эма, — сказал Хаганэ, когда они закончили. Он подавил желание обнять ее. На это будет время позже, когда все закончится.

Он помахал и пошел на последнюю встречу с секретарем Ноэ, раздражающим мужичком, от которого он хотел избавиться.

Но он сосредоточился на своих чувствах к Эме, которые расцвели с тех пор, как она присоединилась к ним. Хаганэ хотел счастья для Тамы, не стал бы рушить его счастье ради своего. Но та клятва создала что-то еще в их растущей связи, что-то серьезнее чести.

Ах, странная работа судьбы.

Ей нужно было лучше выстраивать события.

Могло ли это быть так просто?

Эма смотрела, как Хаганэ уходил, уверенный, как всегда. Но она не видела весь его оптимизм. Отчаяние из-за прошлой миссии в Аонаре наполнило ее грудь. Смерти ее старого отряда, почти потеря Рё — хоть боль притупилась, она не забыла ту ночь, и как ее жизнь полностью изменилась в результате.

А потом что-то спокойное и уверенное погладило ее, как прохладный осенний ветер, успокоил ее страхи без звука или прикосновения. Его присутствие было глубоким и крепким, набегало на нее волнами. Она выдохнула, и отчаяние пропало, сменилось семенами решимости.

Эма взглянула на Назэ. Он пристально смотрел на нее. А потом слабо кивнул и повернулся к Сайтаме, который явно заметил их разговор без слов.

— Последние слова, командир? Остались вопросы, которые нужно обсудить?

Тама молчал пару мгновений, сжав кулаки на коленях. Темно-карие глаза посмотрели в ее глаза, жаркое воспоминание об их ночи смешалось с уверенностью, которую передал Назэ. Желание и долг. Она снова почувствовала счастье, и его нужно было защищать и питать, если они хотели, чтобы счастье росло.

Эта миссия была первым важным шагом в ту сторону.

— Нет. Мы дадим Ноэ то, чего он хочет, даже больше. Если мы не попробуем, то мы уже провалились. Я верю, что вы трое преуспеете. А потом, — он тяжело вздохнул, — мы напьемся и забудем обо всем до утра. И ты, Акито. Ты не отвертисься.

Назэ поджал губы.

— Возможно, придется отойти от плана...

— Разберешься с ними. Наши силы тут и в городе будут готовы поддержать вас. Но я верю, что все вы сделаете, что необходимо. Хотя стоит избегать лишних разрушений. Мы все еще не оправились от того налета.

Он пробормотал что-то, потирая шею, укол холода заставил волоски на ее руках встать дыбом. Она напряглась одновременно с Назэ. Они переглянулись, а ощущение растаяло.

— Что такое? — спросил Сайтама, глядя на них, прищурившись. Назэ рассказал ему о своей связи с ши-но-кагэ. Но Сайтама знал о другой связи Назэ с ней?

Если не знал, пора было это объяснить. Ее тело все еще гудело от воспоминаний о его прикосновении, его взгляды напоминали о том, что они разделили. И он показывал власть в том, как брал ее, эти чувства могли стать чем-то жутким, если он позволит.

«Мой брат хочет только владеть тобой, как хотел с Илией».

Нет. Эма не даст отчаянным словам Сенмея задеть ее.

Назэ встал и прошел к двери, отодвинул ее.

— Акито?

— Что-то ощущается неправильно, — он повернулся, голубые глаза посмотрели на нее, а потом на Сайтаму. — Миссия близко, и я должен оценить возможные сложности.

— Конечно. Если что-нибудь раскроешь, доложи немедленно. Я не буду подвергать тебя риску. Мы разберемся со всем, что ударит по нам.

Назэ кивнул и вышел в коридор.

— Тебе нужно отдохнуть, — он приподнял брови, когда она повернулась к нему, — или

что там известные убийцы делают перед миссией?

Она склонила голову и прищурилась.

— Это приказ, командир?

— Как ты думаешь, лейтенант?

Эма фыркнула.

— Мы оба знаем, что тот ранг уже не имеет значения, — она предпочитала свободу выбора пути, следовать своим идеям чести, долга и справедливости, а не слушаться того, что ей навязывали.

— Точно, — он усмехнулся, его тон звучал с намеком, и в ее груди стало теплее от желаний. — Тебе это и не нужно, — он придвинулся ближе, сжал ее ладонь, вдруг посерьезнел. А потом склонился и поцеловал ее в щеку. Медленно, нежно, выжигая это легкое прикосновение в ее разуме. Это было обещание лучшего будущего, рожденное из их цветущего доверия. Не нужно было ничего говорить в последние часы перед бурей.

Они отправились на свои задания, Эма быстро помолилась духам, чего не делала раньше. Может, они не воспримут это хорошо, но она все равно это сделала. Устранение Ноэ, угрозы клану Рен, было только началом. Но это даст им время и пространство, чтобы сосредоточиться на ши-но-кагэ и убрать ущерб, нанесенный исследованием Сенмея.

То бремя уже лежало не только на Назэ, но и на ней. Она была связана, нравилось это ей или нет.

Поражение. Смерть. Это всегда было возможно, но она не хотела пускать его в эту миссию одного.

* * *

Все было на месте.

Саитама расхаживал по двору за час до заката. Сколько бы он ни думал о миссии, его ответственности и нынешнем состоянии города, он приходил к одному выводу.

Это нужно сделать.

Капитан Тоджиро управлял воинами в поместье, был готов к прямому удару, который мог произойти. Капитан Харияма и многие первые лейтенанты были в городе на случай, если они понадобятся.

Хаганэ и Эма вскоре придут в «Золотой Цветок», попадут туда заранее. Акито следом займет позицию.

Оставалось только ждать.

А Саитама ненавидел ждать. Его вели только мысли, а мысли не всегда были хорошими.

Он замер, скрестил руки и принял важный вид. Он знал, что не стоило показывать своим людям, как он переживает. Даже если они понимали, даже если тоже опасались, он не мог подавать виду.

Он заставил себя думать о счастье, этого у него было мало в эти дни. Но они означали больше в угасающем свете, чем раньше. Улыбки Хаганэ, надежда и вечная дружба. Решимость Акито, верность и «непоколебимая уверенность», как сказала Эма. И честь и справедливость Эмы, ее сила и стойкость в этом странном новом мире духов и теней. Он думал о ней в его руках, знал, что, что бы ни случилось сегодня, они нашли нечто настоящее между собой.

Она была последним кусочком, который ему требовался, чтобы он начал восстанавливаться.

Небо в облаках раскинулось над головой, теплый ветерок трепал распущенные волосы у

его плеч. Он собрал их, закрепил пучок черным шнурком. Было слишком тихо. Его сердце гремело в ушах.

Саитама подавил желание проверить Сенмея после его допроса. Акито подтвердил, что Сенмей был жив, но он с ним не был добр. Его брат почти ничего не знал, кроме того, что уже раскрыл, однако сообщил, что кто-то еще начал исследовать эликсир до него. Тот человек был мертв, или ему так сказали. Он получил записи того неизвестного и примитивную формулу, оттуда и стал работать.

Как только с Ноэ разберутся, он встретится с братом снова. Ему не нужно было, чтобы слова Сенмея рушили его уверенность. И его брат явно не хотел, чтобы его видели после допроса с Акито.

Прикусив губу, он погладил ее языком. Сенмей был заперт, и он не уйдет никуда, пока Саитама не позволит.

Сосредоточиться. Все шло по плану. Нужно было верить в них.

Но он не доверял Ноэ.

Солнце стало опускаться, становилось ярче и более зловещим с каждой минутой. Этой ночью они уберут самого сильного высшего лорда Фракции. Ноэ не покинет гостиницу. Они покажут Ичиё, что он не был непобедимым, как он верил.

Может, это даст кланам шанс собраться вместе против принца-предателя.

Раздались крики, кто-то ворвался в главные ворота, ноги застучали по двору. Йоджи? Паника на лице гонца заставила его сердце рухнуть в желудок. Еще даже не стемнело.

Это было плохо.

Саитама поспешил к нему, проклиная и молясь духам одновременно.

Йоджи споткнулся, потный и в пыли, протянул сверток пергамента.

— Больше воинов прибыли к городу. Они, похоже, готовятся к осаде. Это, — он указал на бумагу, — якобы от самого лорда Ноэ.

Сердце Саитама колотилось в груди, все звуки пропали, в ушах звенело.

«Жду обмена. До этого мои люди будут резвиться в твоём городке».

Семь адов!

— Всем к оружию! На нас напали. Любого из Фракции истреблять, включая лорда Ноэ! — план рухнул? Он обсуждал обмен, но снова изменил правила? Он был не просто беспощадным. Он был змеем.

Нечеловеческий вопль раздался в сумеречном небе, не было ясно, откуда, но игнорировать не удавалось.

Это не могло быть...

— Командир! — закричал Тоджиро, спеша к нему. — Они уже тут.

* * *

Во второй раз Ноэ принес войну в его дом.

Было странно так думать об этом месте, но Акито возвращался в Аомори-то раз за разом за годы. Тут он получил это имя, не помня прошлое. Может, это его и удерживало.

Имена обладали силой. Так говорили в старину.

Он связал волосы, скрыл голову шарфом, оставив только глаза видимыми. Побыв с Сенмеем, он вспомнил древнюю кровожадность, которая когда-то чуть не уничтожила его. Эма тоже такое испытывала. Кровь прольется этой ночью, больше, чем они планировали. Этого не избежать, но они голами тренировались для этого. Потому он был так строг с воинами в этом году.

Трагедия родителей Саитами не могла повториться.

Его пальцы покалывало от предвкушения, пока он проверял скрытые кинжалы и сюрикены. Он давно этого не делал. Акито запятнал душу поступками, которые не стереть. Никакая честь или прощение не очистили бы его.

Но, чтобы защитить этот дом и его обитателей, он пойдёт во тьму, ослабит контроль, чтобы изменить исход. Как вице-командир, он не мог допустить поражение. Как человек, он не мог быть в ответе за поражение.

Этой ночью он выпустит демона внутри себя.

Град пылающих стрел снова полетел по небу. Эма уклонилась, две вонзились в землю за ней. Зданиям вокруг них повезло меньше.

Так не должно было произойти!

Огонь лизал крыши, пока мужчины и женщины бегали с ведрами воды. Эма выругалась. Им нужно было что-то большее, чтобы потушить огонь. И если стрелы продолжают лететь, весь город сгорит дотла.

Лучники были не так далеко. Им нужно было быстро убрать их, а потом идти к Ноэ. Почему мерзавец напал на Аомори-то? Она и Хаганэ не прошли и половины пути к «Золотому Цветку», когда встретили первый отряд налетчиков, мучающих людей на улице.

Хаганэ попятился и схватил ее за руку, повел по ближайшему переулку. Они бежали, затормозили в конце. Она уловила гадкий запах. Она прижалась спиной к стене, Хаганэ тихо хмыкнул и вытянул руку перед ее грудью. Она медленно выглянула.

Вот. Группа из пяти лучников, окруженная солдатами Фракции. Десять? Они уже готовились к новой атаке. С их места казалось, что они особо не целились. Они просто устраивали разрушения.

Но эту угрозу нужно было убрать.

Она сжала ножны катаны левой рукой, правая обхватила рукоять, погладила шнурок, выбирая первую мишень. Тени трепетали у ее ног, холодная ласка напоминала об их вечном присутствии.

Она поймала взгляд Хаганэ и кивнула. Она не успела сделать и шага, он склонился и с силой поцеловал ее в губы. Эма опешила на миг, отпрянула, а потом улыбнулась. Ему не нужно было переживать.

Они не умрут этой ночью.

Эма выбежала из переулка, вытащила меч и ударила по ближайшему солдату, отскочила от него и ударила другому лучнику по шее. Кровь брызнула в воздух. Холодный огонь вспыхнул в ее животе, шрам пульсировал, ожил, она быстро устремила между испуганных мужчин. Она попала по еще двоим лучникам, и другие солдаты напали на нее.

Рев заставил их повернуть головы, но Эма этого не сделала. Они отвлеклись, и она напала на солдата справа, обрушила его на колени, Хаганэ присоединился к бою за ней. Солдат остановил ее атаку, но оступись, открыл свой живот для фатального удара. Эма ударила по кожаной броне, словно она была шелком. Он с воем рухнул на землю, извиваясь.

«Убивать, когда необходимо. Убить или быть убитой».

Она должна была забрать только одну жизнь этой ночью. Но Ноэ разбил шансы проявить милосердие, спустив своих людей на них.

Она вскинула катану, остановила взмах меча солдата, который мог рассечь ее спину, будь она медленнее. Этот хорошо защищался. Их мечи сталкивались с такой силой, что ей приходилось пятиться. Это сражение было не из тех, в чем она была хороша, и вскоре это будет видно.

Она сделала ложный выпад, ударила его по открывшейся ведущей руке, порвала плоть и мышцу, а потом повернулась к оставшимся лучникам, уже поднявшим стрелы.

Целясь в них.

— Хаганэ!

Она бросилась на землю, стрела пролетела мимо и вонзилась в здание за ней. Солдат над ней дернулся и упал, в него попала стрела.

Кошмар!

Хаганэ. Где он?

— Слишком близко! — крикнул он. Эма выдохнула с облегчением и вскочила на ноги.

Проклятые лучники уже брали новые стрелы. Эма бросилась вперед, и металл заблестел за ними.

Нагината? Хацуки?!

Быстрый и уверенный, отряд женщин бросился в едином порыве, пронзая оставшихся лучников смертельными ударами раньше, чем они успели выстрелить.

Поразительно.

Она оглянулась. Хаганэ еще стоял, пятеро солдат наступали на него.

Проклятье. Эма повернулась и побежала, скользнула за ближайшего врага, ударила его по ногам сзади. С брызгами крови и пронзительным воплем он упал на землю. Удивление позволило Хаганэ убраться следующего солдата, кулак по челюсти отбросил его и лишил сознания.

Она напряглась, отвернулась от другого врага, темно-синяя хаори пронеслась мимо нее. Она схватила за край, сжала хорошую ткань в кулак и потянула. Он споткнулся и рухнул на спину. Хаганэ ударил врага по груди, заканчивая работу.

Духи, потому она не была на передовой. Каждый враг был мишенью, заслуживал он этого или нет. Это было грязнее спланированной миссии, оправданного убийства. Эти убийства были ради людей, которых они защищали.

Два оставшихся солдата повернулись и побежали... прямо к отряду Хацуки. Женщины с ревом одолели беглецов.

— Похоже, порой тебе нужна моя помощь, старший брат, — усмехнулась Хацуки.

— Эй, Цуки, хватит играть с острыми палками, ладно? — но он улыбался, грудь вздымалась и опадала от усталости.

Она стукнула нагинатой по земле.

— Похоже, тут безопасно. Я слышала, что у города собралось больше воинов. Этой ночью для нас есть работа.

Ноэ все это задумал сразу, да? Она не была удивлена. Даже если бы Сайтама отдал ее — попытался — Ноэ не ушел бы просто так, сам он это задумал бы или по приказу Ичиё.

Она кивнула Хацуки.

— Спасибо за помощь тут.

— Не за что, — она кивнула, другие девушки — тоже. — Мы пойдем дальше.

— Только осторожно, ладно? — Хаганэ вдруг посерьёзшел.

Хацуки замерла, глядя на брата, ее глаза были полны эмоций, как тогда, когда она воссоединилась к Хаганэ. Для нее это было как тот день снова, да? Девушка скрыла тревогу за уверенной улыбкой.

— И ты. Идемте, девочки.

Они побежали, Хаганэ подошел к Эме.

— Они будут в порядке, Хаганэ.

— Знаю. Она крепкая. Все они, — он выдохнул, а потом обвил рукой ее плечи. — Эма, мы не такая и плохая пара. Странно, что мне нравится смотреть на тебя в действии?

Она ткнула его рукоятью катаны.

— Ты уже был странным.

— Хорошо, что я уже тебе нравлюсь.

Он склонился и снова поцеловал ее.

Кто-то кашлянул за ними, и они отпрянули, подняли мечи.

Хаганэ застонал,

— Эй, снова ты, Акито?

— Нельзя сделать это позже? — хоть он шурился, он был раздражен не так сильно, как она ожидала.

— Позже может и не быть, — Хаганэ упер руку в бедро. — Видишь все это? — он указал на тела вокруг них.

— Допустим.

— Ноэ, ты знаешь, почему Ноэ нападает?

Он кивнул.

— Его требования не изменились, но теперь он разрушает, пока мы не послушаемся. Но Ноэ будет не единственной нашей проблемой этой ночью.

Она напряглась.

— Ши-но-кагэ?

— Я ощутил среди них новое присутствие. Ши-но-кагэ еще не прибыли, но будут. Наша миссия под угрозой срыва, я подавлю тени. Сосредоточься на Фракции и Ноэ.

— погоди. Ты знаешь, что я могу помочь против теней, — она взглянула на Хаганэ. — Близкий бой никогда не был моей силой. Я бью из теней и отступаю. Так было всегда.

Он склонил голову.

— Поэтично.

— Ши-но-кагэ теперь самая большая угроза, — сказал Назэ. — Кто-то еще связан с тенями, хотя я не могу понять, кто.

— Это может быть Ноэ?

Назэ покачал головой и прошел мимо них.

— Это не Ноэ. Я бы знал.

— Сенмей?

— Так было бы проще, но нет. Я в этом уверен. И теперь я должен идти, — он посмотрел на нее голубыми глазами. — Не иди за мной, Мацукара. Возможно, у тебя получится исполнить миссию. Если найдешь тени, которые послушаются тебя, используй их осторожно. Некоторые могут попытаться управлять тобой, — и он пропал в ночи, скрылся в тенях.

— Я видел, как он так делает, но это всегда немного пугает.

— Ты напуган? Я в это не верю.

— Я немного преувеличил.

— Хаганэ, — она ощущала холод сильнее, — я знаю, почему Хаганэ хочет, чтобы я держалась подальше от ши-но-кагэ, но я должна помочь ему, — он не мог оставлять ее в стороне и биться с тенями сам. — Только у меня, кроме него, есть шанс остановить тени.

— Почему мне кажется, что мы расстанемся, Эма?

— Мне нужно туда, где они. И я не могу подвергать тебя опасности. Ты помнишь, что случилось раньше...

Он сжал ее запястье и притянул в свои объятия, его губы снова легли на ее, в этот раз нежно, с тоской и обещанием. Его ладонь легла на ее затылок, и она погрузилась в его тепло,

желала, чтобы этот миг длился вечно.

— Не смей умирать, Эма. У меня еще много планов на нас.

Она кивнула, не смогла озвучить обещание, ведь не была уверена, что сдержит его.

— Береги себя и не лезь к ши-но-кагэ. И если ты найдешь Ноэ до меня, передай ему привет.

— Хорошо, милая, — улыбнулся он.

— Хулиган, — она шлепнула его по груди и снова поцеловала. Он отпустил ее и побежал за Хацуки. Он держал слово, уважал ее желания, даже когда это их разлучало. Он понимал, даже если ей было больно смотреть, как он уходит. Но она не могла подвергать его опасности рядом с собой. Хаганэ поможет против налётчиков, особенно рядом с сестрой.

Город осадили, и времени было мало. Им нужно было выполнить свои роли, чтобы покончить с этим как можно скорее.

Вопль разорвал воздух, звенел в ее ушах, и она слышала только его. Холод вспыхнул в ее ране, тени на улице трепетали.

И тишина.

Дым лениво струился в темнеющем небе. Этой ночью она пробудит себя старую. В этот раз она будет не просто едина с тенями, она будет управлять ими. Использовать их поддержку, чтобы остановить угрозу, которая пыталась разбить город.

И, как Черный Шип, она укроется в ночи, и только луна будет вести ее.

* * *

Он должен биться там, защищать свой дом, выслеживать Ноэ, положить всему этому конец.

Но Тоджиро настоял, что Сайтама останется в поместье для его защиты. Ноэ уже дважды нарушил обещание. Он мог сделать что угодно. Эта атака показывала, что «защита» от Илии уже не работала.

Атаки на город до этого были направленными и короткими. Три отдельные волны, небольшое количество жертв в отчетах. Но смысл был ясен: если помедлить, атаки продолжатся.

После каждой атаки прибывал гонец с тем же требованием: Акито и Эму нужно доставить к северным воротам города.

Но Ноэ был не у северных ворот. Никто его не видел. Где он был? Он вообще остался в городе? Высший лорд не бросил бы такую операцию только подчиненным. Если только он не был трусом, прятался, пока его люди выполняли грязную работу.

Расхаживая по двору, Сайтама нес два меча на бедре, у него было почти двадцать лет тренировок за плечами. Ноэ был где-то там, и они вряд ли будут болтать снова.

Плевать на Тоджиро, он пойдет туда сам.

Холод пробежал по его спине. Он замер, ощущение трепетало в нем, его мысли устремились к Сенмею, еще запертому на складе, не знающему, что тут происходит. Он не заслуживал знать. Он предал их, выдал Ноэ, это было непростительно. Сенмей лишился всех прав на место в клане.

Но что-то заставило его пойти, убедиться, что он был еще там, безопасно запертый. Не было причины подозревать иное, но он не мог отогнать холод, проникший в кости, шепчущий об опасности.

Сообщив Тоджиро, Сайтама поспешил к складу и, кивнув страже у дверей, прошел внутрь. Там было тихо, почти все люди были в городе. Он не должен был тут находиться. Он

не мог вынести вид Сенмея, не то что говорить с ним, но его ноги сами несли его. Он только проверит, что брат в безопасности.

Он не переживал.

Комната была все ближе, лед снова пронзил его, этот холод напомнил ему онсен. Он замер. Стражи не было? Цепи звякали в комнате, упали на пол. Голос Сенмея что-то бормотал.

Саитама прошел к двери и застыл на пороге, забыв о ругательстве от шока.

Сенмей стоял без оков, тени окружали его, двигаясь самостоятельно. Запах благовония Или и гари пропитал комнатку. Он был один, но тени двигались свободно, будто живые. Маленькие, не как та у онсена, но они источали тот же холод.

Они застыли, и его брат поднял голову, в расширенных глазах смешались удивление и сожаление. Сожалел ли он на самом деле? Он понимал, какую боль причинил, как помог Фракции преуспеть, задев их в процессе?

И как он освободился?

— Мне жаль, Тама.

«Жаль».

Это все, что он мог сказать?

Сенмей шагнул назад в ждущие тени, и они закружились и проглотили его.

— Что... Сенмей!

Саитама бросился вперед, тени поднялись, мешая ему, став быстро огромной массой и напав. Глаза Сенмея расширились, и он пропал полностью. Боль вспыхнула в левом плече Саитама холодом, он упал на половицы со стуком. Он со стоном схватился за рану. Теплая жидкость лилась по его пальцам.

Теперь он был в ярости.

Тени стали рассеиваться, комната снова застыла, душная и пустая.

Сенмей пропал.

Подавляя боль, Саитама встал. Он все еще не мог поверить, что это было возможно. Сенмей прошел в тени и пропал. Куда он делся?

Он прижал ладонь к голове, зажал другой рукой рану и поспешил наружу. Уловка. Он должен быть где-то в поместье. Саитама отдал приказ отыскать Сенмея и не пустить его в город.

Хватит этого. Сенмей пропал, Хаганэ, Акито, Эма и многие другие рисковали жизнями. Ничто не держало его тут.

Слабый трепет задел сердце, напоминая об Эме. Словно он ощущал, как она билась. Она была в беде?

Почему он думал об этом? Но ощущение пропало, его унесло ветром.

Рана истекала, холодная и горячая одновременно. Тени на земле задрожали и снова застыли.

Это...

Он отыскал Тоджиро, сообщил о побеге Сенмея. Мужчина даже не моргнул от безумия ситуации.

— Я пойду туда, Тоджиро. Отыщу брата или Ноэ. Или обоих. Это все закончится этой ночью.

— Командир, вам нельзя идти. Вы — лидер клана. Больше никому занять это место, кроме Сенмея. Ваш отец сказал, чтобы лидером были вы.

Отец не говорил ему это, но Тоджиро не было смысла врать.

— Если я паду, тогда твоя семья будет следующей, кто дольше всего была в клане. Для меня будет честью, если семья Гиншен поднимется.

— Не говорите так. Если вы останетесь...

— Капитан, думаешь, ты можешь удержать меня тут? — холод настойчивее задел его руки.

Тоджиро притих и отошел с поклоном.

— Будьте осторожны, командир. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить наш народ.

Саитама поклонился в ответ, похлопал его по плечу. Мужчина всегда переживал за клан.

— Спасибо, капитан.

Проверив оружие, Саитама поспешил из поместья в город, укутанный ночью.

Эма бежала под покровом тьмы по улицам, проверяя тени по пути. Манила их, тянула к себе.

«Используй их осторожно».

Многие оставались неподвижными, как и должны быть тени. Не все тени были связаны с миром духов. Интересно. Потом одна ответила на ее зов, оторвалась от земли под мерцающим фонарем и присоединилась к ней. Она обвила ее запястье, любопытная, радуясь, что ее выбрали. Холод усилился вокруг ее раны, метки, сигнал, о котором говорил Назэ.

Другая поднялась, обвила ее ногу, пока она настойчиво и отчаянно бежала.

«Некоторые могут овладеть тобой».

Эма отогнала эту, стряхнула со своего тела на бегу. Хватка порвалась, и тень упала за ней.

Дрожа, она вспомнила сон с глазами с красно-серебряными радужками, тени схватили ее, поглотили и...

Тень на ее запястье запульсировала тревогой, потом спокойствием. Она взглянула на черную тень там. Тень ощущала ее?

Духи, она многое не понимала о них.

Назэ верил, что Ноэ не управлял ши-но-кагэ, но они все равно были в городе. Или они всегда были там, просто какой-то барьер держал их в мире духов?

Назэ открыл ту дверь, дал им свободу? Что он мог сделать, что заставило его поверить в это так сильно?

Эма добралась до конца улицы, прижалась к стене возле угла здания, скрылась среди досок цвета смолы. Шаги гремели по пустой улице. Она выглянула, тени окутали ее, скрывая от глаз. Это было из-за того, что она хотела скрыться, или тень сделала это сама?

Вопросы позже.

Дрожь пробежала по ее телу, налетчики приближались. Они шагали скованно, лица были без эмоций, глаза — мертвые. Черные нити, как дым, извивались у их ног, пока они шли по улице. Они волочили мечи, уже в крови.

Двенадцать солдат Фракции, зараженных тенью, в разномастных хаори. Из каких кланов их взяли? Значит, не только Тайшо были вовлечены во все это.

Это было не важно. Они уже навредили людям. Они служили Фракции, их нужно было остановить.

Ее тень-спутница погладила ее руку, предлагая ей выйти и сразиться с ними. Подбадривала? Это все еще звучало нереально, хоть она уже знала больше. Но это был ее шанс увидеть, что она могла сделать с тенью. И этих людей нельзя было пускать ходить тут.

Она вышла из-за здания, и мужчины остановились в унисон, повернулись к ней. Черные тени полетели из-за нее, от их броска ее волосы взлетели. Тень опустилсь у ее ног и ждал.

Лидер группы зарычал, вышел из формации и направился к ней. Другие расступились за ним, медленно наступали, действовали почти слажено, хотя их глаза не видели, а сбивчивые шаги разбивали иллюзию автономии.

Лидер с ревом бросился вперед, его грязный клинок летел к ее голове. Она отскочила влево, и он пронесся мимо нее. Она опустилсь на корточки, когда он повернулся, ударила клинком по его животу. Он упал на землю, схватился за живот, черно-красная кровь текла на

камень.

Оставшиеся налетчики собрались теснее, она отпрянула. Они не смотрели на нее, но глядели пристально. Ноги шаркали от сбивчивых шагов, они двигались вперед.

Плохо дело. Одиннадцать против одной. Она одолела столько человек, только когда поддалась кровожадности. Она не собиралась это повторять.

Тени тянулись вокруг нее, ждали... приказа? Холод пульсировал в ее шраме.

Да.

Забирай.

Забирай контроль.

Налетчики двигались. Эма повернулась, потянула тени за собой и провела мечом по ближайшему противнику от плеча до пояса, рассекая броню и задевая кожу. Черно-красные брызги попали на ее грудь. Она вдохнула запах ржавчины, знакомый холод ши-но-кагэ окружил ее. Эма приветствовала их жажду, их пыл...

Они ласкали ее, обвивали ее, толкали ее в бой, она убирала мужчин по одному. Она двигалась как тени, на мгновения стала с ними единой. Удовлетворение пронзило ее, но не ее ощущение. Она не радовалась этому. Но она двигалась среди отряда, стала Смертью. Как Черный Шип, но без оков, карала их. С каждым врагом она создавала контракт, где их сторона требовала смерть, и она это давала.

Меч Эмы летал. Мужчины не могли ее коснуться. Даже если они были заражены тенью, они не были тенью.

Она распоролла последнего налетчика, отпрянула, грудь вздымалась. Двенадцать тел лежали перед ней. Мертвые от ее руки. Она отпрянула от резни, замедлила дыхание, холодные тени успокаивали ее. Духи, они помогли ей. Она никогда не двигалась так быстро или плавно, рассекая мужчин, словно траву.

Ее шрам запульсировал в предупреждении. Что-то шаркнуло за ней.

Эма повернулась. Они поднимались один за другим, раны были открыты, черно-красная кровь свободно текла.

Что?!

Невозможно! Они были мертвыми и неподвижными мгновения назад. Или нет? И они не могли двигаться с такими ранами. В воздухе воняло кровью и дымом. Жуткая смесь у нее была связана с ши-но-кагэ.

Они шагали к ней, собираясь плотнее. Быстрее, чем раньше, глаза были полностью черными.

Не убиваемые... как сама Смерть.

Эма отшатнулась, искала уязвимое место, но все двенадцать мужчин бросились к ней. С воплем паники она вытянула руки. Тени послушались ее немедленно, пролетели черной острой дугой, попали по животам мужчин, разрезали их тела и обрушили на землю.

Неподвижные... как Смерть.

Шрам дико пульсировал, Эма бросила меч и схватилась за бок, высокий свист стал почти оглушительным, а потом утих.

Черная пустота.

Она сгущалась, затягивала и отпускала, словно дышала. Лед задевал ее кожу, только это показывало, что она еще была жива.

Света не было. Звуков тоже.

А потом ощущение принятия.

Тропа появилась перед ней, тускло сияла в темной пустоте. Эма тянулась так далеко, как только могла осмелиться. Кто-то произнёс ее имя, далеко, едва слышно. Точка света. Она прищурилась, свет был почти ослепительным в этой черной пустоте. Свет рос, как и место за ним.

Незнакомая комната с длинной стеной шоджи, дерево и бумага были порваны и в дырах в разных местах.

Кто-то был там. Мужчина... нет...

Рё!

Он отшатнулся, лицо было в крови, в лиловых синяках, глаза пылали, глядя на напавшего. Он смотрел на нее, но... это не могло быть... А потом двое мужчин напали и подавили его.

Видение пропало, и она отпрянула, тянулась к нему, но ее утаскивало в бесконечную тьму.

Когда свет вернулся, она уже не стояла на улице Аомори-то. Нет, она знала эту улицу. До боли хорошо знала.

Это явно был сон. Еще одно видение? Она медленно пошла вперед, словно сквозь воду. Тени держались за ее руки, не давали упасть, привязывали к какому-то месту.

Вот. Знакомая вывеска, разбитая и на земле. Окна были разгромлены, дерево — в следах огня.

Итоши, один из ее союзников в Нагеями-то. Это был его магазин.

Духи, что случилось? Почему она видела это сейчас?

Голоса пробилась в туман, Эма отшатнулась, чтобы скрыться. Но разве это не был сон? Она была в Аомори-то мгновения назад. Она не могла переместиться домой, в Нагеями-то. Никто не видел ее тут.

Но инстинкты работали, и она скользнула в ближайшую нишу, двое мужчин изнутри заведения вышли на улицу.

Серые хаори. Солдаты Тайшо.

— Там никого, господин. Наверное, смог сбежать до атаки.

— Или они забрали его.

Эма замерла от того голоса, сердце с болью колотилось о ребра. Она не могла не узнать голос Рё, она берегла его за их годы вместе, скучала по нему во времена разлуки.

Она только что видела, как на него напали неизвестные. Как же...?

— Мы поищем. Он всегда знал больше, чем должен, и кто-то, наконец, это понял.

Рё кивнул мужчине, все еще стоял спиной к ней. Он выпрямился, чуть повернул голову. Она отпрянула в тени. Это было как разговор, который она подслушала в Рен, но в этот раз она видела и саму сцену. Это происходило сейчас? Или в прошлом?

— Господин? — мужчина отвлек Рё от его мыслей.

— Ничего. Нам нужно вернуться, — они пошли по дороге. Никто не заметил ее. — Куро, иди вперед. Я хочу кое-что проверить.

— Да, господин, — Куро поклонился и пошел по улице к замку Нагеями.

Он был так близко к ней, но так далеко. Словно не было времени порознь. Словно их предательство не произошло. Эма не могла отвести взгляда, успокоить сердце, стояла во тьме, пока он возвращался к дверям Итоши.

Он помнил их времена тут с теплом? Но его глаза окружила тьма, она была мрачнее ночи, в которую они расстались. Он хмурился, глаза цвета корицы разглядывали место, где

она пряталась. Синяки были на его щеках и шее. Тени тянулись под его ногами, удлинняясь, направлялись в ресторан.

Эма попыталась убрать их к себе, но поняла, что ее скрывали не ее тени.

Он заметно напрягся, посмотрел туда, где она стояла, глаза расширились.

— Я так и думал, что это ты, Эма.

Стыд вонзился клином в ее грудь. Она охнула и отступила глубже во тьму. Он видел ее? Она пыталась говорить, но ни звука не донеслось из горла.

— Они и тебя поймали? — тревога, которая не могла быть настоящей, наполнила его голос, он вытянул руку. А потом отвел от нее взгляд. Рё опустил руку, ворча про то, что ему привиделось. Он нахмурился, сжал кулаки по бокам. — Оставайся там, где ты. Тайшо больше нет. Тут тебя ждет только смерть, — что-то заблестело в его глазах, ее сердце дрогнуло. — Ты слышишь меня, Эма? И не находи меня так снова. Я не могу...

Он прервал себя и пошел за своим товарищем. Огонь с черной сердцевинкой вспыхнул на месте, где он стоял, тени дико плясали на силуэтах угасающих зданий.

Ее потянуло куда-то без ветра, сильно и быстро понесло в пустоту. Ее спина рухнула на землю со стуком.

Луна сверху. Безграничное небо.

Она села. Простор тянулся по сторонам, сливался с темным горизонтом. Затхлый воздух проникал в нос, мешал дышать.

— Эмамори.

Она повернулась и оказалась лицом к лицу с Назэ.

Назэ с длинными развевающимися черными волосами, холодной ухмылкой на губах.

Серые глаза, окруженные красным.

Серые глаза...

На его теле трепетала тьма, словно он не мог оставаться целым.

Он потянулся к ее щеке, словно хотел погладить с любовью, но его ладонь растаяла, тени охватили его тело, и она осталась одна под луной.

Холод проник в ее тело, толкнул ее к земле. В этот раз она была готова к падению, повернулась и рухнула на левое плечо рядом с одним из мёртвых налетчиков. Гадкий запах его смерти проник в ее нос. Кашляя, она откатилась и поднялась на дрожащих ногах.

Что она только что видела? Это все было настоящим? Рё... его стыд, его страх... Что там происходило? И тот мужчина выглядел как Назэ. Искажение ее воспоминаний? Часть кошмара?

Сосредоточиться. Она огляделась. Аомори-то. Мертвые налетчики. Те видения становились ярче, она слышала, а теперь и видела в них. Она становилась ближе к смерти? Назэ предупреждал ее быть осторожной...

Эма схватилась за грудь, стыд и сожаление Рё еще трепетали глубоко внутри. Это ощущалось таким настоящим, как тогда, когда она ощущала эмоции Назэ.

Ее сердце колотилось. Что-то слабо, как шепот, задело ее кожу.

Саитама?

Его гнев, она ощущала его горечь на своем языке. Такой холодный и решительный...

Как она могла ощущать его?

Звон разбил воздух, а за ним появился холод. Тени двигались возле нее и от нее.

О, нет...

Эма бросилась к источнику, страх обострился в ее груди, и казалось, что она лопнет.

Тени двигались, кружились и пропускали ее, хотя она едва замечала, ведь думала лишь о нем. Его страх смешался с ее, гнал ее быстрее. Даже тени, ловящие ее за ноги и руки, отступали, и она была все ближе к источнику сильного холода.

Саитама бежал по улицам и переулкам, которые хорошо знал. Тут были сегодня все, кто верил в него. Хаганэ, Акито, Эма. Его офицеры и солдаты, которые поклялись защищать клан. Жители города терпели последствия. Он уже наткнулся на результаты стычек, пока шел к северным воротам.

Ноэ был там. Должен быть.

Это закончится сегодня.

Крики зазвенели на ближайшей улице. Его сандалии стучали по камням, он срезал путь через узкий переулок. Больше криков. Почти на месте. Он схватился за рукоять катаны, приготовился к ждущему его бою.

— Марико! Марико!

Проклятье. Крик, полный боли, а за ним гневный вопль...

Он вырвался из переулка и напал на шатающегося солдата в синем. Темные мертвые глаза посмотрели в его. Это были...? Саитама ударил катаной по шее мужчины, отрубая голову. Он толкнул врага ногой, повернулся и прогнал жуткую картинку из головы, желчь подступила к горлу. При этом приятный гнев бурлил в его венах. Кровь залила его руки, ржавый запах заставил его задрожать от прискорбного восторга.

Рана на его руке пульсировала в такт с сердцем. Ох, он почти забыл.

А потом увидел ее. Марико рухнула перед ними с зияющей раной в груди, нагината выпала из руки, глаза смотрели на небо, не видя его. Хацуки и Наруэ бились неподалеку против еще четырех солдат Фракции.

Саитама устремился в бой, быстро убрал одного из врагов, не дав ему напасть на Хацуки. Глаза женщины яростно пылали, боевые крики звучали в ночи, пока они добивали солдат Фракции.

В крови, тяжело дыша, они вернулись к Марико, сели на корточки по бокам от нее. Саитама стоял рядом, у него не было слов. Что он мог сказать? Они поклялись защищать клан жизнями. Смерть всегда была возможной, в любой день. Но это не означало, что он хотел, чтобы это произошло. Если бы он мог влиять, никто не умирал бы.

Но это было невозможно, на чьей бы стороне он ни был. Люди умирали каждый день. Он просто... почему он должен был принимать это?

Хацуки и Наруэ встали и кивнули ему. Он едва слышал отчет Хацуки о налетчиках, которых они встречали до этого. Это уже было хуже прошлого нападения, новые волны врагов появлялись в разных частях города. Дым и огонь лизали небо.

— Заберите ее, — сказал он. — И займитесь своими ранами.

Хацуки печально улыбнулась.

— Мы будем продолжать, пока не устраним угрозу. А потом позаботимся о Марико.

— Лейтенант... — он сглотнул, подумав, что Хаганэ мог потерять сестру. — Хацуки...

— Командир, — сказала она, оставаясь вежливой. — Я знаю, что вы хотите сказать. Спасибо. Но наша работа не окончена. Вы можете пойти с нами.

Он склонил голову, убирая меч в ножны.

— Нет, идите. Я шел к северным воротам.

Женщины поклонились, повернулись и поспешили по дороге. Он поблагодарил Марико за службу, прошел мимо нее и напрягся.

Кто-то наблюдал за ним. Он повернулся. Фигура в тенях.

Сенмей?

Он шагнул к брату в тенях переулка. Лоб Сенмея сморщился от тревоги. А потом он пропал, тени кружились там, где он был, а потом опустились на землю.

Теперь он видел то, чего не было?

Северные ворота были недалеко. Оттуда шли солдаты Фракции, гонцы Ноэ. Он явно был там. Только он должен был умереть этой ночью.

Темные дома и магазины проносились мимо, Саитама бежал. Внутри зданий еще прятались люди, закрыли ставни, потушили лампы или не зажигали их, тьма от этого была гуще. Луна была тонким серпом, не помогала светом.

И почему казалось, что тени преследовали его, гнали к цели? Стиснув зубы, он подавил эти глупые мысли, игнорируя холод и боль в руке. На это не было времени.

На улице Аори он увидел крышу ворот впереди. Мужчины в синих хаори собрались у входа, вели себя слишком спокойно. Они насторожились, увидев его, стали расходиться рядами, поднимая мечи.

Если нужно убить их всех, чтобы добраться до Ноэ, так тому и быть.

— Хорошая ночь, да, Рен?

Он повернулся направо и вытащил катану. Ноэ появился из последнего дома у ворот, в полном доспехе с рогатым шлемом. Ладонь лежала на мече на его бедре, он напоминал воина старины. Наглец. Словно это могло запугать Саитаму.

У каждой брони были слабые места.

— Будет.

— Ах, ты пришел произвести обмен, еще и сам. Это для меня честь.

— Если ты про доставку тебя к Богу Смерти, то да.

Ноэ цокнул языком и покачал головой.

— Я надеялся, что что-то разумное появится в твоём узком разуме, но нет. Илия расстроится, услышав, что тебя уничтожили вместе со всем этим.

— Думаешь, мне есть до нее дело?

Он, ухмыляясь, вытащил катану, изогнутый клинок сверкнул в свете фонаря над ними.

— Да.

— Тц. Вы заслуживаете друг друга, — Саитама бросился вперед, его удар тут же отбил Ноэ. Он отпрянул и напал снова, теперь по открытому боку высшего лорда. Но Ноэ, хоть был крупнее, быстро опустил меч, чтобы остановить удар. Саитама отпрянул на несколько шагов, увеличивая расстояние между ними. Другие мужчины приближались.

— Стоять, — Ноэ поднял руку. — Я не собирался биться нечестно.

— Поздно для этого.

Изумление пропало с лица высшего лорда. С низким рычанием Ноэ наступал, разглядывая его темными глазами. Мужчина когда-то был сильным воином, все еще представлял угрозу. Но его размер и воздух подавят его скорость. Это было преимуществом Саитама. Одной силы не хватит.

Ноэ исполнил ряд ударов, проверяя его. Саитама отбил каждый, постоянно двигался, хотя раненая рука просила остановиться. А потом, словно ощутив эту мысль, Ноэ сделал ложный выпад, развернул меч и ударил по ране плоской стороной клинка.

Саитама с воем отшатнулся. Раскаленная боль вспыхнула в руке, кровь снова потекла к его ладони, капала с пальцев.

— Что случилось с твоей рукой? — Ноэ жестоко ухмылялся, потирая шрам на подбородке. — Все еще можешь биться, или просто покричишь?

Вот... же... мерзавец.

Саитама выпрямился, стряхнул кровь с ладони перед собой, капли попали на землю.

Он не собирался сдерживаться.

Согнув колени, он бросился вперед, низко, уклоняясь от взмаха мечом Ноэ. Он врезался плечом в бронированный живот врага, они оба упали. Боль снова вспыхнула в его плече. Он стиснул зубы, ударил рукоятью меча по щеке Ноэ. Тот охнул и сплюнул кровь, дико потянулся к одежде Саитама. Он встал, уклонившись от его руки, направил меч к его шее.

Ноэ отдернулся, и меч отскочил от камня.

Ругаясь, Саитама напал, не давая Ноэ встать. Он взмахнул, задел бок врага, порезал плоть. Его вскрики боли были музыкой для его ушей.

Саитама снова наступал, когда ледяной коготь поймал его сердце. Тени окутали его и Ноэ, звали его. Умоляли использовать их.

Использовать их? Что?

Они настойчиво тянули. Он ощущал в груди Эму и даже Акито. И холод. Почему было так холодно?

Это могли быть... ши-но-кагэ? Он как-то... звал их к себе?

Тьма кружилась. Пронзительный скрежет наполнил воздух. Он закрыл уши, тени поднялись и поймали его. Его рана пульсировала в ответ на их зов. Он охнул, тело покалывало. Холод вторгся в него, побежал по венам, наполняя его полностью.

Она летела по небу на эбонитовых крыльях, как хищная птица, искала следующую добычу. Саитама застыл от ее красоты, смотрел, как она неслась по озаренному солнцем небу, грациозная, как танцовщица, ловила потоки ветра изящно и опасно. А потом птица стала Эмой. Она бросилась к нему, глаза были огромными от страха и тревоги, от защищающей ярости, вызвавшей гордость в его сердце.

Он моргнул, то небо пропало.

Эма появилась, выбежала из улицы сбоку, глаза были огромными, когда она остановилась.

Ноэ. Он пытался ее предупредить, но слов не было. Высший лорд пропал. Где...?

— Саитама!

Та женщина... была отмечена...

Он замотал головой, ноги двигались сами, меч поднялся.

Отмечена для них. Для него.

Нет!

Он ощутил, а не услышал ее ругательство, когда он опустил меч. Она успела остановить его удар и отскочила. Духи, если бы он попал по ней...

Он мог забрать ее душу.

С ревом, заглушающим мысли, он бросился вперед. С катаной в руке Эма отбивала его атаки, оставаясь в защите. Тени окружили их. Разум воевал с телом. Она звала его, требовала остановиться, взять себя в руки, вспомнить, кто он. Он не мог это понять, холод впился во что-то глубоко внутри.

Он увидел слабое место, бросился к ее животу. Она уклонилась, громко ругаясь, и он ощутил, как клинок задел ее хакама, скользнул по коже ее бедра. Проклятье! Но она уже пятилась, поправляя позу.

Нет, она собиралась напасть.

Она уже бросила его? Это было безнадежно? Он будет продолжать, пока один из них не умрет?

Он не боялся своей смерти, если это спасет ее. Спасет его от этого безумия.

Саитама поднял меч, не дал ее клинку опуститься на его голову. Она бросилась вперед и врезалась в его тело, обвила рукой его шею и сбила его на землю. Ее рот прижался к его требовательно и отчаянно. Он повернул запястье, клинок вонзился в ее бок.

Еще скрежет разбил небо. Эма отпрянула от него, и их утащило в пустоту. И он ощущал... чувствовал ее душу, всю правду ее сущности.

Картинки и впечатления проносились сквозь него, пока он ощущал ее присутствие. Ее забота о нем, ее тепло к Хаганэ, неуверенные чувства к Акито, старая любовь, горящая в сердце сожалением и печалью. Сложности ранних годов тренировок. Огонь и уверенность на пике карьеры с Тайшо.

Предательство.

Она окружила его, хоть он не мог ее увидеть.

А глубоко в темно пустоте замерцал свет. Размытые движения. Люди? Гул тысячи языков слились в оглушающий шум, и он скривился и отвернулся. А потом мужской голос заговорил, но он не мог понять слова. Зато голос перекрыл все звуки.

Он больше не чувствовал ее. Все угасало, что-то тянуло его от всего этого. А потом он стал падать, падать...

Он вернулся в реальность, на улицу. Его оттолкнуло ударом в грудь. Он вернул равновесие, снова управлял телом. Его зрение стало четким. Саитама открыл рот, чтобы позвать ее, когда она развернулась от него к...

Семь адов.

Темные тени поднялись к небу, стали большим существом, куда больше, чем она видела в том налете. Чудовище было вдвое выше окружающих зданий, все еще росло.

Словно хотело проглотить их всех одним махом.

Эма тянула за холодные тени, но они отбивались, их влекло к растущему монстру из черной смерти. У нее не было опыта Назэ, чтобы совладать с ними. Смог бы он с таким бороться?

Тени собирались все быстрее. Ши-но-кагэ потянула Эму, холод пронзил ее бок, звал слиться с другими. Ох, это было... Она уперлась ногами, стиснула зубы. Их ждал жуткий конец.

Саитама появился рядом с ней, грудь вздымалась, он уставился на ши-но-кагэ. Как тени овладели им? Он бился с ней, и напряжение в теле показывало, что он сопротивлялся тому контролю.

Поцелуй был последним шансом.

Когда их губы соприкоснулись, она ощутила всего его, сомнения, стыд и сожаления в его сердце, боль, которую причинили люди, которым он доверял, и чувства к ней — нежную симпатию, которая вызывала боль, но и успокаивала ее сердце.

И она как-то вытащила тени, освободила его из их хватки.

Эма посмотрела на ши-но-кагэ, огромное тело глядело на них, убирая свет и тепло. Назэ считал, что тенями кто-то управлял, но кто был способен на такое?

И где он был? Они нуждались в нем сейчас сильнее, чем когда-либо.

Шаги застучали по земле за ней. Несколько солдат клана Рен появились на улице, уставились на тень. Хаганэ появился, громко выругался и устремился к ней и Саитама. Хацуки и Наруэ следовали за ним.

Тень уничтожит их всех, и только Эма могла ее остановить.

Она пошла вперед. Холод задел ее сердце. Ши-но-кагэ. Тень... была изумлена?

Эма повернулась к Саитама и взмахнула рукой.

— Не подходите. Я знаю, как ее остановить, — Назэ опускал ладони на землю, когда прогонял тень во время налета. И в тот день он коснулся ее раны, словно вытянул из нее боль. Она сделала нечто похожее с Саитамай?

Она села на корточки, уперлась ладонями в землю перед собой. Потянув холод из себя, она стала давить, словно прогоняла тени в землю. Ее пальцы покалывало от холода, но ощущалось почти приятно. Она покачала головой, стиснула стучащие зубы и тянула, пока ее руки не потеряли цвет.

— Эма!

Сильные руки обвили ее талию, оттащили, тень пробилась в землю там, где она до этого стояла. Жестокое изумление ударило по ее груди, рука тени отпрянула.

— Я почти...

— Тебя чуть не убили! — прорычал Саитама ей на ухо, крепче ее сжав.

— Она убьет всех нас, если я не остановлю ее.

Тень встала на дыбы, смотрела на них с высоты, тьма извивалась, закручивалась. Даже с ее близостью к теням она дрожала от холода.

— Вот так зрелище.

Эма застыла от этого голоса, увидела мужчину, вышедшего к ним из-за тени. Ши-но-кагэ не обратила на него внимания.

— Ноэ, — выдохнула она. Мерзавец пришел лично.

— Здравствуй, котенок, — сказал он спокойно, словно они недавно виделись. Гадкая пиявка.

— Трус, — прорычал Саитама. — А я-то думал, куда ты убежал.

Ноэ смотрел на тень.

— Я не знал, что он такой, но, наверное, он не смог держаться в стороне от драмы. Некоторым мужчинам нравится играть с его игрушками.

Эма вскочила на ноги, подняла катану. Саитама и Хаганэ встали по бокам, вытащили мечи.

— О ком ты говоришь?

— Я давал ему играть с вами долгое время, — продолжил он, игнорируя ее вопрос. — И мне стало скучно из-за твоих благородных, но слабых усилий. Нам с тобой пора уйти, Эмамори. Благодарю, Рен, за то, что увидел разумное решение.

— Она остается. Ты можешь уходить... или умрешь! — рявкнул Саитама, подвинув ноги. Ши-но-кагэ поднялась над ними, словно для атаки, но смотрела, ждала...

Смешок сорвался с губ Ноэ.

— Вряд ли мой лорд это допустит. Ты еще не поняла, котенок? — он повернулся к Эме. — Есть разница между тенями и ши-но-кагэ. Истинная тень смерти не остановится ни перед чем, пока не исполнит цель: поглотить ваши души.

Если она могла это остановить, то...

— Я пойду.

— Эма, — возразил Хаганэ, Саитама схватил ее за плечо.

— Ты не думаешь, что мы тебя так отпустим.

— Если только я могу его остановить, то мне придется. Я не буду всех вас обрекать на смерть.

— Эма... — Саитама сжал ее крепче.

Она уловила движение, скорее ощутила, чем увидела — трепет во тьме.

Наконец-то.

Она смотрела на Ноэ.

Один шанс.

— Все хорошо. Для этого меня тренировали, — она сжала его ладонь, надеясь, что он поймет намек, а потом шагнула вперед. — Ноэ, я пойду с тобой по своей воле, если ты оставишь их в покое. Отзови солдат. Понятно?

Ноэ рассмеялся.

— Приятно знать, что ты не растеряла дух. Убери оружие, идем, — он протянул руку. — Я так хочу возобновить наше время вместе.

Дрожа, Эма пошла к нему, ши-но-кагэ нависала над ней, наблюдала. Она давно не тренировалась, она так и не научилась технике Мицуги быстро доставать меч, как умел Назэ. Но она сможет застать его врасплох.

Что-то глубоко запульсировало в ее груди.

Проклятье!

Огромная тень бросилась, обрушилась между ней и Ноэ, потянулась щупальцами ко всему, что могла ухватить.

Ругательство Ноэ зазвенело поверх паникующих криков.

— Назад!

Эма уклонилась от диких конечностей тени, отскакивала, пока они били снова и снова за ней. Они целились в нее.

— Останови это! — закричал Ноэ. — Ичиё!

Что? Ичиё!

Он управлял ши-но-кагэ?

О, духи...

В какофонии паники вокруг нее Эма повернулась, отскочив. Она не могла убежать от этого существа вечно, но она еще могла добраться до Ноэ.

Она побежала к ши-но-кагэ, где укрылся Ноэ. Приближаясь, она вытащила вакидзаси, ударила по его шее, не дав ему произнести ни слова. Он отпрянул, но его размер мешал его скорости. Ее клинок оставил неглубокий порез у линии челюсти до уха.

Ругаясь, она уперлась ногой и повернулась, бросилась к его боку. Он принял силу удара бронированной грудью, и она отскочила от его рук. Он с ревом бросился к ней. Она пятилась, но ши-но-кагэ ударила по ней, попала по ее боку и отбросила на спину.

Одно из теневых щупалец появилось и опустилось, придавило ее к земле и тянуло...

Серые глаза, окруженные красным, выглянули из тьмы.

— Эма! — крики Сайтамы и Хаганэ смешались с их вскриками боли. Еще щупальце появилось из тени, устремилось к ним и...

Застыло.

Назэ!

Он стоял под застывшей тенью с мечами в ножнах, подняв руку. Он был полностью скрыт, кроме глаз. Он шурился, глядя на угрозу над ними. Но она не ощущала от него страха. Она... ничего не ощущала.

— Назэ?

Он повернулся на ее голос, его голубые глаза стали серыми. Кровь была на кусочке открытой кожи лица. Она не сомневалась, что весь он был в крови, но это скрывала черная одежда. Тени кружились у его ног, не связанные с ши-но-кагэ перед ним.

Духи, он выглядел как демон.

— Я знаю, что мне нужно делать.

— О чем ты...

— Заботься о них.

— Назэ...

— Эмамори, — твердо сказал он с холодной властью. А потом его присутствие задело ее, прохладное покалывание успокоило ее тревоги.

«Это не закончится этой ночью. Найди Ичиё. Я оставляю это тебе».

А потом вслух:

— Приготовьтесь.

Огромная тень, застывшая перед ними, вдруг разбилась на сотни и тысячи меньших теней, они кружились в ночном небе, неслись по улицам и к окружающим зданиям, а потом устремились к источнику.

Самому Назэ.

Они терзали его, трепали за волосы и одежду, окружали и пронзали.

Ноэ взревел неподалеку, подняв руки, его били тени. Один за другим солдаты Фракции

падали и исчезали во тьме. Эма развернулась, смотрела, как их враги пропадали, оставляя только солдат клана Рен. Саитама и Хаганэ подбежали к ней, оттащили ее от Назэ, их тепло отгоняло холод теней смерти, терзающих их.

— Он умрет, если мы ничего не сделаем! — он пожертвует собой ради них всех...

— Мы не можем это остановить, Эма, — сказал Саитама, голос был сдавленным от боли в сердце.

— Акито знает, что делает, — Назэ крепче обвил рукой ее талию. — Все будет хорошо, — прошептал он ей на ухо.

— Нет, мы не можем...

Ноэ растаял на глазах. Его лицо, искаженное паникой, осталось в ее разуме. Это было...

Назэ повернул голову к ним, его глаза стали полностью черными.

Она сжала кулаки, ногти вонзились в ладони, а потом оттолкнула Саитама и Хаганэ и бросилась к Назэ. Ледяная тьма пронзила ее кожу, ворвалась внутрь, прицепилась к душе. Стиснув зубами, она пробивалась дальше, тянулась к нему.

Темные глаза смерти посмотрели наверх, и он рухнул в тень, его тело исчезло.

Беззвучный хлопок сотряс воздух.

Пропали.

Ши-но-кагэ. Фракция. Ноэ.

Назэ.

Эма рухнула на колени, схватилась за колотящееся сердце, грудь могла вот-вот лопнуть. Ничего не осталось от их врагов. Она ничего не чувствовала — ни жуткий холод ши-но-кагэ, ни присутствие Назэ.

Как...? Почему...?

Слезы жалили глаза. Он не дал ей шанса. Он дал клятву, но не доверял ей так, чтобы биться с тенями вместе.

Почему она ожидала что-то другое?

Почему его доверие было так важно для нее?

Он выбрал уйти в одиночку, как делал всю жизнь.

И теперь его не было.

Что-то потянуло за нее, за швами сознания.

«Оставляю это тебе».

— Эма.

Она подняла голову. Саитама и Хаганэ протянули руки. Она вдохнула, замедлила бурю в разуме и сжала их ладони. Они помогли ей встать. Она посмотрела на потрясенные лица солдат Рен. Хацуки и Наруэ были там. Она заметила Тасо из отряда Назэ, Тесуке и других, кого встретила за время тут. Назэ пожертвовал собой ради этих людей, отдал себя ши-но-кагэ, потому что верил, что это была его судьба, его предназначение.

Но вдруг был другой путь?

— Все будет хорошо, — сказал ей на ухо Хаганэ, обнимая ее крепко. — Нам нужно верить в него.

Но он рухнул, когда они пропали в тенях. Значит...

— Мы не знаем, что это означает, — Саитама словно читал ее мысли. — Но мы не можем позволить его жертве быть напрасной.

«Найди Ичиё».

Она зажмурилась, прильнула к их объятиям.

Она не даст его жертве быть напрасной. Было слишком больно в оставшейся пустоте.
«Это не закончится этой ночью».
Но кое-что закончилось.

Снова наступила ночь.

Даже жутко было, что завтра — новолуние, в тот же день, когда Эма отправится в Нагеями-то. Встреча будет не счастливой, если кто-то узнает ее раньше, чем она свяжется с Рё. Он был ее единственной надеждой выяснить правду.

«И не возвращайся в Нагеями-то. Если увижу тебя снова, не смогу защитить».

Его последние слова ей полгода назад. Где-то до этого их доверие треснуло. Их ослепили их амбиции, ситуацию ухудшило предательство. Эме пришлось полагаться на себя, верить в свой путь, хоть он был одиноким.

Но все изменилось. Она изменилась. Она уже не пробивала путь одна.

Видения с Рё обеспокоили ее, но и дали надежду. Не она нуждалась в защите, а он. Все они. Их использовала Фракция, Ичиё...

Что она найдет, когда вернется? Та нотка надежды в его голосе была настоящей, или она просто хотела это слышать?

Она должна была попытаться. Ради него. Ради всех.

Ради Назэ.

«Оставляю это тебе».

Эма притянула колени к груди, посмотрела на сад с одиноким красным кленом. Его слова только для нее. Он оставил ей миссию. Она закрыла глаза, но все еще видела его среди теней, тот миг, когда он посмотрел ей в глаза еще раз, а потом рухнул на землю и пропал со всеми. Она провела ладонью по глазам, и кожа промокла.

«Мы не можем позволить го жертве быть напрасной».

Она не позволит. Но она хотела... Духи, почему он не раскрыл ей хоть немного больше?

Шорох ткани привлек ее внимание. Сайтама прильнул к дверной раме, скрестив руки, необычная мягкая улыбка была на его лице. Под его глазами пролегли тени, на коже были синяки, тянулись под кимоно.

— Прости. Ты так мирно там сидела. Я не хотел беспокоить, — он прошел внутрь и закрыл за собой дверь.

— Не нужно извиняться, — она похлопала по татами рядом с собой.

Он опустил на колени, обвил ее руками. Эма прильнула к его груди, вдыхала утешающий запах, расслаблялась в его тепле. Потеря Назэ еще была свежей, и ей нужна была эта близость. Сайтама долго ее держал, помогал остаться на земле.

— Ты в порядке? — тихо сказал он ей на ухо. — После всего этого? После Акито?

— Нет, — прошептала она и села прямо, чтобы видеть его. — Пока нет. Я не могу не думать, был ли другой вариант, — нужно многое обдумать, включая ее нежелание принять, что он погиб.

— Если он был, Акито знал, — он посмотрел на их соединенные ладони. — В это я верю.

— А ты? Ты знал его куда дольше меня, и он был высокого мнения о тебе.

— Тц. Меня убивает осознание, что его нет. Что я видел, как он погиб, чтобы защитить нас, — он сжал ее ладонь, глаза были темными, взгляд — тяжелым. — Я не просил его о такой жертве. Но он это сделал. Я не забуду, что он сделал это ради нас.

«Духи, я обязываюсь защищать наши общие цели и интересы без обмана».

Эма прильнула к Саитамае, и он обвил ее рукой. Назэ сдержал слово. Но не так, как она представляла.

— Мы остановим их. Ичиё, тени...

— Знаю.

Он мало говорил о ее отбытии с Хаганэ. Они уедут на пару недель, чтобы разобраться с Тайшо. Саитама останется без ближайших людей: Хаганэ, Акито, даже Сенмея, который сбежал в тени. Он будет один, но...

Ее дыхание дрогнуло.

— Что такое?

Она посмотрела на его лицо, задержалась взглядом на его мягко изогнутых губах, благородном носе. Хоть ему нужно было находиться с его народом, мысль, что она его покинет, разрывала сердце.

— Ты будешь тут в порядке?

— Не переживай за меня.

— Переживаю. Ничего не могу поделать.

— Мое место тут, Эма. Я не могу биться с ши-но-кагэ, не могу толком помочь с Тайшо. Я буду полезнее тут, — он мягко улыбнулся. — Это не означает, что я не буду ужасно скучать по тебе.

Боль в сердце усилилось.

— Взаимно.

Он прижал ладонь к ее щеке, большой палец погладил ее нижнюю губу.

— Ты что-то хотел? — спросил он.

Он хмыкнул.

— Ты спрашиваешь об этом, Эмамори? — его ладонь скользнула к ее шее, он запустил пальцы в ее волосы. Его глаза были темными, страстными. — Ты знаешь, чего я хочу, потому что и ты этого хочешь.

— О, разве?

— Хватит слов.

Его губы отчаянно прижались к ее. Эма открылась ему, притянула его ближе. Она вздохнула в его рот, получила стон, который послал жар к ее лону. Его язык скользил с ее языком, пробуя и играя. С каждой лаской наслаждение теплыми волнами прогоняло прохладу ночи. Его рот двигался поверх ее, он опустил ее, устроился рядом с ней. Он прижал ладони к ее щекам, целовал ее снова и снова, не оставляя места для сомнений, что он говорил правду.

После потери и предательства, после всего, что произошло и ждало их в будущем, они могли ощутить нечто настоящее, правдивое. Такие моменты были быстротечными, это мог быть их последний миг. Слезы подступили к глазам. Она подавила их, оставалась с ним в моменте.

Тяжело дыша, он отодвинулся и прижался лбом к ее лбу.

— Эма... кое-что...

Она поцеловала его еще раз.

— После.

Он зарычал и опустил голову к ее шее, целовал нежную плоть. Стон сорвался с ее губ, он нашел чувствительное место на ее шее, от которого она всегда вспыхивала. Он осмелел и работал с тем местом, нежно посасывал и целовал.

Духи...

Он одной рукой развязал ее пояс, раздвинул ткань юкаты. Его ладонь нашла ее грудь, стала массировать холмик, большой палец задевал затвердевший сосок. Он прошептал ее имя, склонил голову, поймал ее сосок губами. Эма прижалась к нему, пока он дразнил и целовал, ее бедра двигались от желания, пока он доставлял ей наслаждение.

Он отпустил нежный сосок, поднялся на колени и снял свою одежду, быстро вернулся к ней. Эма легла на спину, увлекая его за собой. Он навис над ней, упер ладони по бокам от ее тела, пока входил в нее.

Они обнимали друг друга, двигаясь вместе, отгоняя все ради этого момента единения. Он двигался медленно, почти мучительно, посылал залпы жаркого отчаяния по ее телу. Он не сводил взгляда с ее глаз, передавал правду и пыл своего желания.

Они нуждались в этом здесь и сейчас, нуждались друг в друге.

То, что началось как медленное занятие любовью, сплетающиеся вздохи, нежные поцелуи и шепот, сменилось глубоким желанием. Он прижал ее запястья над ее головой, пока он вкладывал всего себя в каждый толчок. Его боль, его страсть, его страхи, его желания. Она выгнула спину, открываясь, чтобы принять всего его, двигала бедрами с ним, они были все ближе к восхитительному концу.

Он опустил губы на ее шею, потом на рот, целовал ее с новым пылом. Он опустил голову, застонал в ее ухо, воздух между ними был горячим. Он выругался, потом прошептал что-то так быстро, что она не уловила. Они достигли пика вместе. Время замерло, наслаждение взорвалось в ее теле. Она прижимала его к себе, пока их раскачивали волны восторга, их шумное дыхание заглушало стук ее сердца.

Позже он пошевелился рядом с ней, приподнялся на локте, пока другая ладонь водила узоры на ее груди и животе, включая шрам — метку ши-но-кагэ.

— Эма.

— Хм?

— Я хотел кое о чем с тобой поговорить до твоего отправления завтра.

Она приоткрыла глаз.

— О чем?

Он издал смешок.

— Даже не знаю, как это выразить. Я знаю, что у тебя чувства к Хаганэ, а то и к Акито.

Эма замерла, смотрела на него. Духи, он не ошибался. Он мог ощутить это, когда она прогоняла от него тени, как она ощущала его.

— Все хорошо.

Ее щеки вспыхнули. После того, что они сделали, она почти стыдилась того, что он знал. Но с самого начала те чувства ощущались правильно. Хаганэ думал, что их свела судьба. Она никогда не верила в такое, но, может, где-то там была правда.

— Я переживаю за всех вас. Я бы не давала бы клятву, если бы это не было так.

— Это между нами... Тебе небезразличен Хаганэ, и ясно, что он обожает тебя. Я не хочу тебя сдерживать.

— От чего? — спросила она, хотя уже ощущала его значение.

— Исследования чувств с ним.

В груди трепетало, она сжала его ладонь, остановила его движения.

— А ты?

— Я? Я тоже мог бы разобраться в своих чувствах к Хаганэ, — он улыбнулся, но она

подозревала, что он шутил. — Я счастлив... с нами. Хочу, чтобы и ты была счастлива. Мы разберемся с остальным.

Она не ожидала такого от него.

— Это для меня в новинку.

— И для меня, — он улыбнулся и убрал прядь волос с ее лба. — Но мне интересно увидеть, куда это приведет.

Эма прижалась к нему. То, что он предлагал, было возможным? Они оба были для нее важны. И Назэ... она только начала видеть другую его сторону, и было ужасно больно, что она не узнает больше.

— Знаешь, когда ты упала... точнее, прыгнула в наши жизни, — он улыбнулся, — ты хорошо вписалась. Даже если я не сразу это увидел, я это ощутил, словно мы нашли то, чего нам не хватало. Ты не была ничего нам должна, но все, что делала для нас, для меня... — он поцеловал ее еще раз. — Я благодарю луну каждую ночь за то, что ты спасла мою жалкую шкуру в тот день.

Она с улыбкой посмотрела ему в глаза.

— Я бы сделала это снова.

— Ты сделала.

— Ах, точно. Хотя нам помогли, — ее сердце сжалось, в голове вспыхнул Назэ, падающий во тьму.

Саитама ощутил перемену. Он сжал ее ладони.

— Акито всегда все делал по причине. Ши-но-кагэ куда опаснее и сложнее, чем мы понимали. Я должен верить в него. И я верю в тебя, и что ты сделаешь, что сможешь, с Тайшо и Ичиё.

— Они, наверное, убьют меня, как только увидят.

Он фыркнул.

— Ты хотела сказать: попытаются. Я видел тебя в бою. И там должен быть тот, кому ты можешь доверять, хотя бы немного.

Эма посмотрела на него.

— Был, но то, что осталось от наших отношений, схоже на пепел.

— Если он был тебе другом, то там еще должны быть угольки, чтобы разжечь пламя, — он улыбнулся. — Надежда еще есть. Разве не так говорит Хаганэ?

— А что ты скажешь?

— Я скажу, что ему лучше тебя послушать, или он пожалеет.

Она вскоре узнает. Насколько прочной была верность Рё к Тайшо? Фракция запятнала его навеки, или еще осталось желание бороться?

— Эй, — Саитама коснулся ее лица, отвлек ее. — Когда придет время для следующего хода, я буду рядом. Мы все будем рядом. Все сработает.

Она усмехнулась.

— Теперь мы оптимисты? Что я с тобой сделала?

— Что ты не сделала? — Саитама оказался на ней и поцеловал ее снова. Эма притянула его, вдыхала его близость, пока они снова делились друг другом, последними моментами.

Эма поправила хватку на седле, Хаганэ сел за ней. Лошадей было мало, и им пришлось ехать вместе. Она не была против. Она была рада его близости. Но так их путь в Нагеями-тс будет длиться дольше. Сайтама хотел оставить как можно больше лошадей, чтобы дать их солдатам, если Фракция нападет снова.

Но после жертвы Назэ вряд ли кто-то придет в ближайшее время.

Она не ощущала ши-но-кагэ этой ночью.

Тени тянулись под ногами лошади. Эма искала связь с ними. С Назэ. Но ничего не было, даже холодного покалывания, которое она связывала с его близостью. Она ожидала, что он придет с поместье на следующий день, не показывая эмоций из-за произошедшего.

То было три дня назад.

Он спас их, теперь его не было. Почему она не могла принять это и жить дальше?

Прощальные слова Назэ показывали, что угроза осталась с Ичиё. Хоть она не ощущала тени, он дал ей задание: продолжить его миссию. Она прижала ладонь к сдавленной груди.

Может, она ошибалась. Может, он доверял ей.

Хаганэ обнял ее, сжав поводья перед ее животом.

— Все будет хорошо.

— Да, — хотя возвращение к Тайшо было самоубийством. Она не забыла, что налетчики, зараженные тенью, были в форме Тайшо. Если на них проверяли эликсир Сенмея, им нужно было попытаться это остановить.

И Рё. То видение. Он говорил с ней, в голосе смешались надежда и удивление. Его предупреждение — он дал бы ей шанс, или было уже слишком поздно?

Хаганэ поцеловал ее в щеку.

— Если ты для него важна, он послушает. Ты сказала, что бы были близки с детства.

— Но мы расстались в плохих условиях. И Тайшо теперь с Фракцией. Рё решил остаться и стать верным Ичиё.

— Тогда нам нужно быть осторожнее, да? И с моей поразительной силой и твоей невероятной ловкостью мы сможем разорваться с теми сволочами.

Духи, снова этот оптимизм.

— Просто вспомнила, что те сволочи были когда-то моими товарищами.

Он вздохнул и опустил подбородок на ее плечо.

— Точно. Я не забыл. Но я... мы... на твоей стороне здесь и сейчас.

Дорога тянулась за пределы города, пропадала среди гор на горизонте. Пока она не выяснит цели Ичиё и не остановит ши-но-кагэ, они продолжат терзать землю. Эма держалась за надежду, что мир еще можно было исправить.

Сайтама вышел из поместья и приблизился. Ах, пора. Когда они снова увидятся? Боль сжала ее сердце, пока она смотрела на него, вспоминая долгую ночь вместе.

Все это время что-то держало их вместе. Потому что расставания — сначала с Назэ, теперь с Сайтамой — разбивали ее изнутри.

Он склонил голову, глядя на них, выглядя как командир клана.

— Взяли все, что нужно?

— Думаю, да, — сказал Хаганэ. — Мы пришем весть, как только сможем.

— Как только мы оценим ситуацию там, мы поймем, что делать. И я знаю город лучше

всех. Мы поймем, что они затеяли, и как Ичиё сам управляет ши-но-кагэ.

— Я знаю, что ты сможешь.

Эма кивнула, хотя у нее не было той же верности, что у Саитама в нее. Даже после всего, что они пережили, перспектива возвращения домой беспокоила ее. Но доступ к Тайшо был важен, если она хотела сделать ход против Ичиё, ставшего императором.

Она не могла показывать эти сомнения Саитама. Ему нужно было знать, что у нее все было под контролем, чтобы он сосредоточился здесь. Его клан нуждался в нем больше, чем обычно.

— Эма.

Она посмотрела в глаза Саитама. Он улыбнулся, склонив голову, скрестил руки.

— Удачи, — он смотрел в ее глаза еще миг, а потом повернулся к отряду, который сопровождал ее. Эма смотрела ему вслед, он прошел во врата с крышей. Обожженное дерево и обломки были единственными следами боя.

Хаганэ потянул за поводья, чтобы повернуть лошадь, и напрягся.

— О, зараза, — он передал ей поводья и стал рыться за ней.

— Что? Что такое?

— Акито просил не забыть. Не говори ему, ладно? Это...

— Я поняла. Не скажу, но что ты забыл?

— Кое-что для тебя.

Он протянул руку с маленьким свертком из ткани, завязанным шнурком. Эма отдала ему поводья и покрутила сверток в руках.

— Я думал, это шутка. Он не дарит подарки, знаешь? Но он и не шутит.

— Да... — что это могло быть? И... он знал, что произойдет той ночью?

Она убрала ткань, нашла внутри кусочек бумаги, завязанный шнурком из красных, черных и золотых нитей. Она погладила шелк большим пальцем, вспомнила их встречу в Айзен-мачи полгода назад. Он уничтожил ее старый шнурок для волос в их коротком бою. Духи, он же не помнил об этом все это время?

Эма развернула записку.

Нити судьбы не так просто порвать. Акито

— Акито... — прошептала она, крутя шнурок между пальцами. Ее сердце не выдерживало.

Эма убрала со своих волос потрепанный шнурок и бросила его на землю. Она завязала хвост шнурком, подаренным Акито, горечь значения наполнила ее грудь, грозила вызвать слезы.

Без его решимости, уверенности и непоколебимой поддержки было ужасно пусто.

Хаганэ цокнул языком.

— Неплохо. Может, я все-таки на него повлиял.

— Возможно, — она улыбнулась. Покалывание пробежало по запястью — тень окружила его и скользнула в рукав, довольная. Предвкушение побежало дрожью по ее спине.

Он не пропал полностью.

Она еще могла надеяться.

Эма выпрямилась, отклонилась и поцеловала его в щеку.

— Готов?

— Всегда.

Хаганэ направил лошадь за пределы города, там они набрали скорость и понеслись по

дороге, которая была и знакомой, и пугающей. В конце ждала правда, к которой Эма не была готова. Но она должна была увидеть это и принять.

Ради судьбы ее страны, ради всех, кто был ей дорог, ради всего, что было для нее важным...

Пора было побывать дома.

Больше книг на сайте - Knigoed.net